

СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ

Д.К. Абакаров КАЧЕСТВО ПРОФЕССИОНАЛИЗМА ГОСУДАРСТВЕННЫХ СЛУЖАЩИХ В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ: ОПЫТ ЭМПИРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

АБАКАРОВ Дмитрий Казбекович — аспирант, заместитель заведующего кафедрой менеджмента, государственного и муниципального управления Брянского филиала РАНХиГС. E-mail: dimaasp@mail.ru

Автором проведено социологическое исследование, направленное на изучение уровня профессионализма государственных служащих (далее — ГС) с их позиций и с позиций экспертов, выявление основных проблемных аспектов социально-инновационной модернизации профессионализма ГС в условиях сложной трансформации современного российского общества. Для этого был проведен анкетный опрос чиновников, замещающих должности государственной гражданской службы в территориальных органах федеральных органов государственной власти и в органах государственной власти Брянской области (n=1060) и экспертов (n=30). Выборка репрезентативна по половозрастным и служебно-должностным характеристикам (категория и группа должности, стаж госслужбы).

- 1 Изучение мотивации поступления на службу. Мотивы рациональны и приземлены. ГС видят в службе «островок устойчивости» и возможность обеспечить для себя стабильность, минимальный уровень личного благополучия, а также оптимизировать собственное будущее. Социально-ориентированные мотивы служебной деятельности, возможность профессиональной самореализации, занимают подчиненное место.
- 2 Оценка респондентами уровня профессионализма своих коллег по государственному кадровому корпусу на уровне «общего восприятия». Оценки ГС и экспертов полярны. Ответы ГС обусловлены их чувством корпоративной солидарности, неким желанием поддержать честь мундира. Эксперты более критичны: 60% оценивает профессиональный уровень ГС как относительно низкий.
- 3 Субъективная самооценка ГС уровня собственного профессионализма совпадает с оценкой регионального кадрового корпуса власти в целом. Исследование фиксирует срез мнений по отношению к современному состоянию качества профессионализма. Перспективы своей профессиональной пригодности ГС оценивают также уверенно, сомнения в их профессиональном потенциале в будущем им не свойственны. Эксперты солидарны в этом с ГС.
- 4 Возможные объяснения:

- а имеется большой не используемый пока резерв профессиональной компетентности (и потенциальной отдачи);
- б потенциал ГС используется неправильно, а должностные и административные регламенты, устанавливая порядок, сковывают инициативу, отстают от требований времени. Вопрос: не станет ли идея профессионально-должностной регламентации, уместная и инновационная в начале XX века, реакционной в начале века XXI?
- 5 Изучение соответствия выполняемой ГС работы (функциональных обязанностей) уровню их квалификации. Налицо расхождение позиций ГС и экспертов. Уверенность ГС в высоком уровне собственной квалификации говорит о том, что непрерывное возрастание сложности управленческих задач самими ГС не отрerefлексировано как социальный факт и императив, а их горизонт прогнозирования ограничен. Эксперты настроены пессимистично; ни один эксперт не уверен в том, что квалификация ГС выше, чем требует характер выполняемых обязанностей.
- 6 Базис квалификации закладывается в результате обучения в учебных заведениях и подтверждается документами. Подавляющее большинство респондентов (79,6%) имеют высшее образование, а 16,4% – второе высшее. Отраслевое образование ГС соответствует традиционному отраслевому построению структуры органов власти.
- 7 Изучение соответствия характера образования (профиля специальности) ГС характеру их работы. Большинство ГС указали на полное или частичное соответствие, две трети экспертов – на частичное. Несовпадение компенсируется получением ДПО, а также практическими навыками, наработанными в период службы. Система ДПО призвана актуализировать имеющиеся у ГС знания, умения и навыки, приближая его компетенции к требованиям инновационно изменяющейся среды.
- 8 Изучение системы ДПО. Пятая часть ГС и треть экспертов полагают, что требование законодательства о регулярном допобразовании ГС в Брянской области не соблюдается. Причины: ГС – замороженный службой человек, «заваленный текучкой», проходящий курсы повышения квалификации в силу требований закона, и не особо расположенный к их прохождению, в т.ч. и потому, что финансовых бонусов за повышение квалификации не предусмотрено. В этом солидарно с ним высшее руководство, не желающее отпускать работника на две-три недели за пределы госоргана из-за отсутствия в бюджете денег на ДПО и необходимости разбираться со служебной рутинной. Выявлено наличие 10,7% госслужащих, не удовлетворенных существующими формами ДПО: возможно, они и есть прообраз будущего «инновационного ядра».
- 9 Субъектами, способными высказать наиболее компетентное мнение по поводу улучшения системы профессионального образования ГС, признаны:
- а сами ГС;
- б руководители госорганов;
- в профессора и преподаватели;

г ученые, эксперты. Политическим лидерам выражено недоверие.

- 10 Инновационная диспозиция ГС в их собственных представлениях противоречива. Эксперты оценивают ее более скептически: в их представлениях ГС если и вынуждены успевать за изменениями законодательства и общественных отношений, то из-под палки, не склонны узнавать новости с соседних участков «служебного фронта», во многом работают по старинке. Заметнее всего расхождения в оценке эмоционально-чувственного восприятия изменений на уровне «люблю–не люблю». Трети опрошенных ГС мысль о том, что некоторые изменения принципиально не могут быть просчитаны, зафиксированы и введены в русло заранее, не приходит в голову.
- 11 Ответы на нетривиальные вопросы служебной деятельности ГС склонны искать:
- а в законах и инструкциях;
 - б личном опыте;
 - в указаниях начальника;
 - г отработанных приемах и технологиях;
 - д советах коллег.
- 12 Налицо установка на рационализацию и схематизацию профессиональной деятельности. ГС недостаточно осознают существование альтернативных, инновационных путей решения усложняющихся проблем. Эксперты рисуют иную иерархию:
- а указания начальника;
 - б правила и инструкции;
 - в личный опыт;
 - г отработанные приемы и технологии.
- 13 Установлена склонность ГС искать ответы на нетривиальные вопросы внутри системы. Учитывая традиционный тип построения этой системы, мы утверждаем, что по мере продвижения в будущем возможность извлечения этих ответов будет снижаться.
- 14 Крайне ограничено пространство социального доверия: большинство ГС видят опору и поддержку в своем непосредственном руководителе. Добавив сюда тех, кто не рискнет принимать решения в отсутствие начальственного мнения, видим крайне неповоротливую и слабо отзывающуюся систему, которая не может чувствовать тонких флуктуаций в социуме. Половина экспертов выжидательную позицию и стремление сориентироваться на мнение первого лица считают типичной стратегией ГС, начальника среднего звена считает палочкой-выручалочкой для рядового сотрудника треть экспертов. Сервильность ГС влечет отсутствие какого-либо желания рисковать и самостоятельно находить ответы на новые вопросы, которые ставит жизнь.

- 15 Пространство социального доверия в контексте исполнения ГС служебных обязанностей ограничивается их ближайшими сотрудниками.
- 16 Образ возможного завтра системы государственной службы. Невозможность законсервировать систему, оставив все, как есть, осознается всеми респондентами: лишь 10% ГС считает, что «вообще ничего менять не следует», а эксперты такой вариант всерьез не рассматривают. Эти цифры опровергают устоявшийся миф о безоглядной приверженности ГС к стабильности.
- 17 Приоритетные направления изменений самой системы госслужбы. ГС, ссылаясь на то, что внутренняя специфика госорганов, а также их личное мнение в периоды активного реформирования систематически игнорируется, считают необходимым учитывать внутриорганизационные аспекты. Запросы внешней среды (граждан, предпринимателей) для них вторичны, а результаты научных исследований мало значимы. Позиция экспертов рисует иную иерархию приоритетов: главным их них является клиентоориентированность, требующая учитывать пожелания граждан и предпринимателей. Эксперты понимают необходимость опираться на результаты научных исследований. Примерно равнозначны для них требования текущей политической ситуации и обстановка внутри конкретных госорганов.
- 18 Тревожность — основной лейтмотив нашего исследования. «Тревожное чувство порождает императив познания» [1]. Познание источников проблем профессионализма ГС способно уменьшить эту тревогу, приблизив систему госслужбы к выходу из лабиринта проблем, в котором она рискует заблудиться.
- 19 Факт ускорения социальной динамики, рост уровня сложности объекта управления ГС не осознан. Выявлен традиционалистский паттерн «реактивного реагирования» ГС на изменения в политике, экономике, социуме.
- 20 Выявленные на уровне Брянской области тенденции, скорее всего, будут характерны и для других регионов России.
- 21 Традиционная веберовская модель рациональной бюрократии, и концепция нового государственного менеджеризма, на основе которых построена современная система госслужбы в России, ограничены в способности формировать профессионализм ГС, поскольку не учитывают важность сложных трансформаций современного российского общества.

Литература:

- 1 Романов В.Л. Управление и самоорганизация в процессе административной реформы // <http://spkurdyumov.narod.ru/Romanov33.htm> [Электронный ресурс] (дата обращения: 20.01.2013).

Ю.В. Березутский
СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ МОЛОДЕЖИ И ВЛАСТИ
(ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫЙ АКЦЕНТ)

БЕРЕЗУТСКИЙ Юрий Владимирович — кандидат социологических наук, доцент, начальник отдела организации и координации научных исследований Дальневосточного института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: uriy@dvags.ru; uriy-dvags@yandex.ru

Проблема взаимоотношения власти и общества в России не просто не теряет своей актуальности, но и является серьезной проблемой современности. Особое место в этих взаимоотношениях занимает молодежь, поскольку и без того ее мировоззрение, социальные установки и ценности находятся в состоянии формирования (неопределенности), к тому же добавляются еще и порождаемые этими взаимоотношениями социальные противоречия (причем главное из них — противоречие между декларированием государственной поддержки молодежи и реальным состоянием этой поддержки). Все это приводит к неприятию и социальному отчуждению власти от молодежи, а молодежи от власти.

Сегодня это проявляется в низком уровне доверия молодежи к власти, низкой удовлетворенности деятельностью органов власти, в слабом ощущении на себе поддержки со стороны государства, в низком уровне электоральной активности (особенно работающей молодежи), а то и в виртуальном (Интернет, социальные сети) или реальном (митинги, акции и марши протеста) противостоянии с властью, в криминализации и преступности.

Положение молодежи Дальнего Востока России, состояние ее основных характеристик (интересы, устремления, ценности и др.) имеют определенные особенности, которые накладывают отпечаток как на сознание и поведение самой молодежи, так и на развитие региона.

Подчеркивая эти специфические особенности дальневосточников, А.С. Куминов отмечает, что «черты самоидентификации дальневосточников не сводятся к каким-либо уникальным языковым, этническим чертам, а носят сугубо ценностные и поведенческие отличия» [2]. В их основе лежат сложность внешних условий, недостаточность ресурсов, автономность, разнообразие этнического происхождения, особые качества предков, заселявших территорию региона (военные, выпускники вузов по распределению, политические и уголовные заключенные). С одной стороны, это способствует формированию высокой адаптивности к условиям и поиску альтернативных условий, самостоятельности и настойчивости, чувству поддержки своего ближнего, активности внутренней коммуникации, высокой толерантности к национальным и религиозным ценностям. Но с другой стороны, эти особенности приводят к высокому уровню ненормативности сознания, криминализации региона, к высокому миграционному потенциалу (оттоку) молодежи.

На наш взгляд, протестный потенциал дальневосточной молодежи проявляется в двух, наиболее выраженных направлениях.

Во-первых, это проявляется в противоправных действиях, высоком уровне преступности. Молодежь, имеющая ограниченные возможности достижения своего,

сформированного в сознании не без воздействия СМИ, образа высокого материального благополучия, старается восполнить его другими способами (противоправными). Согласно данным Федеральной службы государственной статистики на 2010 г., Дальневосточный федеральный округ среди федеральных округов занимал 2-е место по уровню преступности. Среди субъектов РФ ДФО лидирующие позиции занимали Хабаровский и Приморский края, одновременно занимающие 4-е и 8-е места в России по численности преступлений на сто тысяч человек населения [6].

Согласно результатам социологических исследований населения Хабаровского края, практически каждый второй (он сам, член его семьи или родственник) был жертвой преступлений: кражи, воровства, насилия, хулиганства и др. (в 2010 г. – 15,9%; в 2012 г. – 19,3%) [5]. Индикаторами криминализации общества служат и низкие оценки жителями Хабаровского края своей защищенности от возможных проявлений преступности. Следует отметить, что лишь 10% говорят об обеспечении достаточной своей защиты от преступности.

Во-вторых, это проявляется в высокой миграционной активности населения и молодежи (в выезде с территории Дальнего Востока России в поисках более комфортных условий жизни). И дело даже не только и не столько в суровых природно-климатических или экологических условиях проживания на Дальнем Востоке (согласно результатам исследования они не особенно волнуют студенческую молодежь), а в поиске более доступного жилья (75,7%), более высокой зарплаты (73,3%), возможностей для профессионального роста и карьеры (66,9%), безопасности жизнедеятельности (39,2%) [4].

Существующие тенденции социального разрыва в диалоге между молодежью и властью, характеризуются состоянием социальной отчужденности и проявляются в субъективных оценках молодежи ощущения на себе влияния молодежной политики, ощущения поддержки со стороны государства. В подавляющем большинстве студенческая молодежь Дальнего Востока не ощущает на себе влияния государственной молодежной политики, реализуемой в регионе. Менее 10% опрошенных студентов ощущают на себе ее позитивное влияние. Поэтому в целях самореализации – молодежь стремится уехать с территории Дальнего Востока.

Исходя из полученных результатов социологических исследований при сохраняющихся социально-экономических условиях следует сделать прогноз, что потенциал миграционной активности студенческой молодежи будет только нарастать. Динамика данного показателя за последние 7 лет значительно выросла: если в 2005 г. студентов, желающих уехать с территории Дальневосточного региона было 28,1%, в 2012 г. их уже стало 41,0%.

В то же время в целях социально-экономического развития Дальнего Востока России 21 мая 2012 г. в Правительстве РФ было создано отдельное Министерство РФ по развитию Дальнего Востока, расположенное в г. Хабаровске (министр В.И. Ишаев). Разработаны проекты двух ФЦП: «Экономическое и социальное развитие Дальнего Востока и Байкальского региона на период до 2018 г.» и «Социально-экономическое развитие Курильских островов (Сахалинская область) на период 2007–2015 гг.». По оценке разработчиков до 2025 г. в Дальний Восток и Байкальский регион будет ежегодно вложено более 200 млрд бюджетных рублей. Коэффициент привлечения частных средств составит 1 к 5, т.е. от бизнеса регион получит в программу еще 1 трлн рублей [1].

Однако это пока проекты, и до реального их финансирования дело не дошло. А молодежь ждет от власти конкретных дел по решению своих актуальных проблем.

Конструктивный социальный диалог между молодежью и властью пока не налажен. К тому же, согласно результатам социологического опроса, менее половины студенческой молодежи (43,0%) ожидают улучшения в целом социально-экономического развития региона в связи с деятельностью нового министерства РФ по развитию Дальнего Востока.

Литература:

- 1 Ишаев, В.И. До 2025 г. в Дальний Восток и Байкальский регион будет ежегодно вложено более 200 млрд. бюджетных рублей. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://minvostokrazvitia.ru> (дата обращения 10.02.2013 г.).
- 2 Куминов, А. С. Дальневосточники — как новая этническая сущность [Электронный ресурс] / А. С. Куминов // ДВ электронная библиотека. — Режим доступа: <http://elib.clubdv.ru/home.html?sobi2Task=sobi2Details&catid=4&sobi2Id=33>, свободный. — Загл. с экрана. — Яз. рус.
- 3 Луков, Вал. А. Теории молодежи: Междисциплинарный анализ: науч. монография [Текст] / Вал. А. Луков. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2012. — 528 с.
- 4 НИР «Миграционный потенциал и механизмы закрепления молодых специалистов в регионе», ДВИУ — филиал РАНХиГС, 2012 г. Объект: выпускники 13 ведущих вузов Хабаровского края, ЕАО и Камчатского края (анкетный опрос, n=1093; доверительная вероятность 97%, доверительный интервал $\pm 3\%$). Тип выборки: квотный в разрезе вузов и простой вероятностный при отборе факультетов и специальностей, случайный на этапе отбора студентов. Научный рук. к.с.н., доцент Ю.В. Березутский.
- 5 НИР «Соблюдение прав и свобод человека и гражданина в социологическом измерении», ДВИ — филиал РАНХиГС. Тип выборки: случайная на этапе отбора респондента и квотная в разрезе половозрастных, образовательных, профессиональных и поселенческих характеристик населения (в 2010 г. n=683; в 2012 г. n=600 жителей Хабаровского края). Научный рук. д.с.н., профессор Н.М. Байков.
- 6 Регионы России. Социально-экономические показатели. 2010: Стат. сб. // Росстат. — М., 2010. — 996 с.

В.В.Бушуев, В.В.Титов
ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ИСТОРИЧЕСКОГО
САМОСОЗНАНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПОЛИТИКО-
СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ¹

БУШУЕВ Владимир Викторович — кандидат социологических наук, доцент Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, руководитель Аппарата Президента ОАО «Российские железные дороги». E-mail: bushuev7@gmail.com

ТИТОВ Виктор Валериевич — кандат политических наук, доцент кафедры политологии Московского государственного гуманитарного университета имени М.А. Шолохова, E-mail: titov-msu@mail.ru

Важной особенностью социальной динамики современной России является интенсивное развитие Интернета как сложноорганизованного информационного пространства, вбирающего в себя базовые ценностные, смысловые, символические элементы российской политической культуры. Одним из таких базовых элементов, безусловно, выступает национальная историческая память и связанная с ней социально-историческая картина мира российских граждан.

Сегодня глобальная сеть перестала быть альтернативным источником информации и приобрела массовый характер, а вместе с ним и функцию трансформации базовых паттернов исторического сознания весьма обширных сегментов российского общества. В этих условиях ключевое значение имеет ответ на вопрос, каким образом интернет влияет на эволюцию исторического самосознания российских граждан?

Результаты ряда политико-социологических исследований 2010-2012 гг., посвященных проблеме взаимосвязи исторической памяти и национально-государственной идентичности [2, с. 163], ценностным основаниям трансформации политического сознания россиян в Интернете [3, с. 24], позволяют выделить несколько наиболее важных аспектов воздействия Рунета на изменения в историческом сознании пользователей сети.

Во-первых, достаточно отчетливо проявляется тенденция фрагментации национального исторического сознания, отсутствия рельефных точек консолидации вокруг ключевых ценностно-символических конструктов российской истории. По существу, речь идет не только о многочисленных поколенческих, социокультурных, макрорегиональных размежеваниях, но и о системном когнитивном вакууме исторической памяти, ее слабой актуализации в контексте текущих политических процессов.

Во-вторых, очевидная проблема использования интернета в качестве пространства формирования исторического самосознания россиян связана с ослаблением институциональной составляющей: историческая политика современной России все еще находится в процессе становления, концептуализации, и носит не стратегический, а скорее, контурный, ситуативно-тактический и реактивный (как попытки периодического реагирования власти на внутренние и внешние «исторические вызовы») характер. Можно

¹ Исследование выполнено в рамках проекта «Формирование национально-гражданской идентичности российской молодежи: политико-психологический и социокультурный анализ», поддержанного грантом Президента РФ МК-7467.2013.6

констатировать, что отсутствие такой политики осложняет процесс становления национального исторического самосознания как интегрированной в ценностном и символическом плане социодинамической структуры.

В-третьих, особенностью современного Рунета является информационный динамизм, подвижность «повестки дня», преимущественно сетевой (диалоговый) характер коммуникации, нарастающая локализация виртуальных политических сообществ по лидерскому (вокруг сетевого ресурса конкретного политически активного пользователя) и идеологическому признакам. В этих условиях ведущие политические акторы (включая государство) лишены возможности использовать традиционные вертикально-социализирующие механизмы (информационное вещание через систему политической социализации) воздействия на историческое сознание юзеров. Подобная ситуация подчеркивает необходимость выработки новых информационно-психологических механизмов формирования исторической картины мира в политическом сознании пользователей Интернета. Такие механизмы должны быть эффективны в режиме диалога: в условиях многомерного и динамично трансформирующегося информационного пространства, поляризации мнений юзеров.

В-четвертых, значимым аспектом структуризации массового исторического самосознания в современной России является использование технологических возможностей Рунета для информирования пользователей о программах и проектах, затрагивающих историческую тематику, культурно-психологическую проблематику восприятия прошлого. Сегодня в Рунете продолжается процесс формирования сетевых сообществ, специализирующихся вокруг исторической проблематики, которые выполняют двойственную функцию «дискуссионных площадок» и одновременно — виртуальных «пространств повседневности», в которых кристаллизуются, видоизменяются и циркулируют исторические представления пользователей, «бытовые» версии российской истории. Рост числа и популярности таких сообществ интенсифицируется, в том числе, развитием социальных сетей. В качестве примеров активно функционирующих «виртуальных площадок» формирования исторического и политического сознания пользователей Рунета можно привести такие сообщества «В контакте», как: «История государства Российского» (более 3000 участников), «Российская история в зеркале изобразительного искусства» (более 500 участников); «История и современность российского императорского дома» (около 1200 участников).

Необходимо констатировать, что развитие Интернета в современной России является важным фактором трансформации исторического самосознания российских граждан, способствует выработке новых императивов восприятия национальной истории в условиях глобальных политических изменений начала XXI века.

Литература:

- 1 Вершинин М.С. Политическая коммуникация в информационном обществе: перспективные направления исследований / Актуальные проблемы теории коммуникации. Сборник научных трудов. — СПб.: Изд-во СПбГПУ, 2004.
- 2 Евгеньева Т.В. Историческая память и национальная самоидентификация (политико-психологический анализ) / Материалы 6-го Всероссийского конгресса политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». — М., 2012.

- 3 Зверев А.Л. Трансформация современного массового сознания россиян / Материалы 6-го Всероссийского конгресса политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». — М., 2012.
- 4 Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / Под ред. В.Д. Нечаева. — М., 2012.

Н.С. Вихрова

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ В ОБЩЕСТВЕННО- ПОЛИТИЧЕСКОЙ СФЕРЕ

ВИХРОВА Наталия Сергеевна – директор Департамента специальных проектов Губернатора Свердловской области. E-mail: nataliya.vikhrova@gmail.com

Эффективность управления любым социальным объектом в первую очередь зависит от четкого понимания его структуры и элементов. Без комплексной системной модели, дающей представление о характере внутренних процессов, внешних факторов, влияющих на его динамику и направленность изменений, сложно говорить о целесообразности и результативности любых управленческих действий.

Все это, безусловно, напрямую относится к той ситуации, в которой сегодня приходится работать органам власти. Имея дело с такой сложнейшей социальной системой, которой является наше российское общество, с активностью больших социальных групп, субъекты управления зачастую вынуждены осуществлять свою деятельность в формате оперативного реагирования на различные болевые точки, проблемы. В этой ситуации говорить о каком-либо проактивном воздействии, работе на опережение, крайне сложно. Особенно это характерно для общественно-политической сферы, где потребность в такого рода модели наиболее актуальна.

Причины очевидны. Процессы в общественно-политической сфере, наблюдателями и участниками которых мы являемся на протяжении последних полутора лет, свидетельствуют о том, что без серьезной аналитической информации органы государственной власти не смогут эффективно реализовывать свою деятельность в этой сфере. Необходима аналитика, которая дает представление не только о текущем состоянии общественного мнения, оценках СМИ по тому или иному поводу, отношению к власти и т.п., но и прогнозы, рекомендации относительно дальнейшего развития событий, а главное – дает реальное представление о происходящих процессах, изменении состояния «старых» и «новых» социальных групп, их запросах и настроениях.

На сегодняшний день в определенном объеме эта задача решается. Фактически на каждом уровне власти ведется мониторинг общественно-политических процессов. Проводятся опросы, фокус-группы и т.п. Однако, на наш взгляд, далеко не всегда содержание и формат, получаемой информации являются адекватными тем задачам, которые стоят сегодня перед субъектами управления.

Как минимум, можно выделить две группы причин, обуславливающих существование этой проблемы. Первая из них носит теоретико-методологический характер.

Используемые сегодня подходы в прикладном изучении общественного мнения, характера и структуры использования каналов коммуникации, особенности потребления информации далеко не всегда корректны. Зачастую они не учитывают тех системных изменений, которые произошли и продолжают происходить в обществе – модификация структуры и интенсивности информационного обмена между различными субъектами, процесс формирования сетевой организации общества, реализующийся на фоне существующей многоукладности и т.п.

Во многом подобная ситуация была характерна для социологов 1960-х гг., когда параллельно перед западными (прежде всего США) и советскими социологами (СССР) встал вопрос о характере и состоянии современного им общества, его структуре и функционировании.

Влияние этих (и не только) факторов привело к тому, что для определения условий и методов взаимодействия власти и общества, появилась необходимость в разработке новых критериев стратификации общества или его типологии. Основой для этого, прежде всего, стали социально-психологические признаки, содержание которых находит свое выражение в системах ценностей людей, в их интересах и представлениях об образе жизни.

К слову сказать, одним из наиболее масштабных и интересных является проект ВЭЛС (первые буквы англ. слов values and life styles — ценности и стили жизни), реализованный Стэнфордским исследовательским институтом (США) в 1960–1980 гг. Были детально изучены взгляды, настроения, политические и нравственные установки, а также образ жизни 200 тыс. американцев, и на основе полученных данных разработана стратификация или типология современного американского общества. Итогом проекта стало весьма популярное сегодня в маркетинге выделение трех основных слоев в нем и несколько групп внутри каждого из слоев — всего 9 (низший, средний, высший...).

Такой подход дал возможность выявить и осознать тот факт, что в современном мире система представлений людей о жизни, обществе, своем месте в нем и соответственно основные типы жизненной мотивации далеко не всегда детерминируются их реальной принадлежностью к тому или иному классу и конкретным социально-экономическим статусом. Иными словами, по социально-психологическим признакам рабочий и фермер, бизнесмен и служащий, художник и политический деятель могут оказаться в одних и тех же и в совершенно разных социально-психологических группах. Поэтому их реакция на ту или иную информацию будет определяться уже не только, а во многих случаях и не столько их принадлежностью к определенным классам и слоям общества, сколько их личностными ориентациями, тем стилем и образом жизни, который они ведут. А знание потребностей, интересов и жизненно важных установок каждой из групп позволяет достаточно осмысленно прогнозировать их реакцию на различные социальные процессы, политические мероприятия и информационные кампании.

Другими словами ориентация воздействия на общество, дифференцированное на основе отличий в образе жизни различных социальных слоев, является более точным, а значит, и эффективным.

Сегодня перед нами стоит во много похожая задача и потребность. Необходима реалистичная, отражающая существующее состояние российского общества стратификационная модель, позволяющая более точно и четко не только понимать потребности и проблемы самых «мелких» социальных групп, но и давать возможность для разработки оптимальных технологий осуществления с ними диалога.

В связи с этим, отметим еще одну проблему. Мы уже отметили происходящие трансформационные процессы. Как несложно заметить, наиболее активны они в информационно-коммуникативной сфере. Характерное для массового общества представление о «вертикальном» движении информации (прежде всего через традиционные СМИ), сегодня может быть адекватным только отчасти, затрагивая не самые активные группы населения. Как показывают события не только в России, но и Египте и Ливане, влияние сетевых сообществ, многочисленных «виртуальных» площадок, на которых обсуждаются любые действия органов власти и их представителей, имеют серьезнейшее

воздействие на формирование общественного мнения и мобилизацию в протестные акции.

В 1970-х гг. «Таганрогский проект» позволил сформулировать достаточно четкую картину информационного взаимодействия между обществом и властью, что позволило разработать весьма эффективные технологии влияния на общественное мнение.

Естественно, что за эти годы ситуация кардинально изменилась. Сегодня, наряду с общим представлением об обществе, нам необходимо понимание его коммуникативной структуры, понимание того, как происходит функционирование общественного мнения в условиях города, региона и как влияет на него деятельность государственных и общественных институтов.

Обозначим еще одну проблему.

На сегодняшний день нет каких-либо системных решений, доказавших свою эффективность как на федеральном, так и на региональном уровнях в долгосрочном управлении общественно-политической сферой.

Анализ специфики современной практики государственного управления и собственно общественно-политической сферы показывает, что одним из наиболее оптимальных подходов здесь является разработка и осуществление масштабных, социально-значимых проектов, которые, в свою очередь, являлись бы основой для создания дискурсивного пространства и формирования консенсуса между властью и населением. Такого рода проекты позволяют не только разрабатывать и формировать содержательные тренды, которые бы задавали общие для страны/региона вектора обсуждения позиции государства, общества, регионов, но и были бы своеобразной основой для конструктивных дискуссий.

Это предполагает не только формирование подходов, которые бы обеспечивали эффективность государственного управления на макроуровне, но и прикладных методик, позволяющих получать оперативную информацию для корректировки текущих проектов и деятельности.

При этом, даже в самом общем виде эти методики должны давать оценку целесообразности (адекватности) того или иного проекта, критерии эффективности проекта, оценку реализации проекта (для его корректировки в случае необходимости), оценку результативности проекта.

Таковы, на наш взгляд, существующие сегодня проблемы и потребности в социологическом обеспечении органов государственного управления.

И.А. Грошева, И.Л. Грошев
ДОВЕРИЕ К ВЛАСТИ: ФЕНОМЕН PATH DEPENDENCE

ГРОШЕВА Ирина Александровна — кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой философии, истории и социологии Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права. E-mail: grosh@nextmail.ru

ГРОШЕВ Игорь Леонидович, кандидат социологических наук, доцент, доцент кафедры Маркетинга и муниципального управления Тюменской государственной академии мировой экономики, управления и права. E-mail: grosh-tmn@rambler.ru

Стратегической целью современной России является создание эффективной государственной системы. Однако без доступа граждан к полной и достоверной информации, их участия в управлении невозможно создание по-настоящему компетентной и деловой элиты, пользующейся доверием и поддержкой общества. Создание полноценной системы взаимодействия государства и гражданского общества позволило бы решить ряд проблем, существующих в настоящее время в российском социуме.

По мнению Дж. Александра: «Дух гражданского общества — это самоограничение, индивидуальная автономия и плюрализм в соответствии с либеральными истоками. Но эта утопия также требует доверия, сотрудничества, солидарности и критицизма по отношению к иерархии и неравенству» [1]. Исходным критерием для формирования гражданской активности, по мнению авторов статьи, может служить мера соответствия ценностей, потребностей, интересов общества поведению субъекта управления и наоборот. Эта мера служит выражением сущности гражданской активности. При рассмотрении взаимодействия гражданского общества и государства в стремлении создания общественного контроля следует опираться на такой социальный феномен как доверие, который может служить ресурсом для организации конструктивного диалога между обществом и властью. Однако о формировании такого ресурса в российской социальной практике говорить пока рано.

Несмотря на то, что исследования уровня доверия к судебной системе, правоохранительным органам сравнительно молоды, исследовательскими центрами (например, Фондом ИНДЕМ, ВЦИОМ, ФОМ) уже были получены печальные результаты. Определяя основные проблемы и причины, которые мешают судам эффективно работать, сотрудниками ВЦИОМ было отмечено, что в качестве лидирующей в этой иерархии 31% россиян назвали недобросовестность и взяточничество судей. Лишь затем, с заметным отрывом следует, по мнению респондентов, такой фактор, как давление со стороны властей (23%) [5, с. 24]. В 2011 г. Фонд изучения общественного мнения выявил путем постановки открытых вопросов следующее: 16% респондентов считают, что в судах «берут взятки»; «взяточничество процветает в судах» и др. (Общий объем выборки составил 4028 человека) [4]. Безусловно, имеются факты нападения на судей, есть много честных и компетентных людей в этой области. Но на практике рядовые судьи не свободны от давления вышестоящих органов (например, председателей судов) и оказываются независимыми лишь от закона, который они должны соблюдать. Обращает на себя внимание тот факт, что в опросах ВЦИОМ справедливость, по мнению респондентов, уходит в сферу равноправия и законности. Например, представители такой категории как «государственный служащий, работник административных органов» в большей степени, чем все остальные были уверены, что социальной справедливости нет вообще (7%) [2].

В 2009 г. социальная справедливость заключалась в равенстве всех перед законом (32%) (уверены в большей степени в этом были работники силовых структур (39%) и безработные (43%)). Госслужащие в большей степени, чем другие со знанием дела утверждали, что социальной справедливости в обществе нет, и никогда не будет (11%) [3]. В последующих исследованиях ситуация практически не менялась.

Следует заметить, что в ответах респондентов из архива данных ВЦИОМ наблюдались травмы изменений (в терминах П. Штомпки) социального строя в виде ностальгии по уравнительной системе, однако на первый план выходили проблемы, которые реально существуют в обществе — это законность и стабильность. Косвенно мы находим подтверждение тому, что эрозия доверия к тем, кто должен защищать интересы граждан формируется в течение длительного периода времени. По отношению к госслужащим дела обстоят не лучшим образом.

При осуществлении сравнительного анализа данных трех социологических исследований, проведенных авторами статьи, с целью изучения социального самочувствия населения в Тюменской области были выявлены показатели, по которым можно судить об изменениях в параметрах самочувствия. Первое исследование проведено в 1997 г. (n=750 человек, в выборку попали 51,4% женщин и 48,6% мужчин), второе — в 2007 г. (n=725 человек, 53,4% женщин и 46,6% мужчин). В октябре-ноябре 2010 г. авторами по той же схеме выборочной совокупности, что и в 2007 г. был повторно осуществлен опрос респондентов (n=756 человек, 52,6% женщин и 47,4% мужчин) с целью выявления посткризисных настроений в Тюменской области. Отбор осуществлялся с помощью квотной стратифицированной выборки со связанными параметрами (пол, возраст, место проживания, сфера занятости). В ходе исследования предполагалось выявление степени доверия населения к властным структурам.

По данным авторского опроса 1997 г. 56,3% населения считали, что власть в стране осуществляют криминальные структуры, мафия; 24,3% — бюрократический аппарат; 16,6% полагали, что у нас безвластие. И только 0,4% утверждали, что власть в руках Президента. В 2007 г. при ответе на вопрос о том, кто, по мнению респондентов, осуществляет власть в стране, ответы распределились между вариантами «бюрократический аппарат» (34%), «Президент РФ» (32%), «криминальные структуры, мафия» (22%). Ни Федеральное собрание (2,1%), ни народ (0,7%), по мнению жителей, практически не участвовали в принятии управленческих решений. Некоторые избрали вариант «безвластие» (5,5%) и «власть в регионах» (16,0%). Народ и Федеральное собрание практически безмолвствовали с точки зрения респондентов в 1997 г., продолжали оставаться таковыми в 2007 и в 2010 гг. Обращает на себя внимание неизменность ряда характеристик, выявленных в ходе опросов. Авторы пытались повторить исследование в 2011 г, но результаты не выглядели лучше (n=535). Отсюда, вероятнее всего происходит рост равнодушия, уход в сферу аполитичности и неверия. Сложно утверждать о наличии базы для формирования гражданского общества. Люди начинают искать более радикальные пути выхода из создавшегося положения, направляя агрессию либо на себя (самоубийства), либо на других (рост национализма, протестных настроений).

В России складывается уникальная ситуация взаимодействия граждан и государства, сформировавшаяся на основе концепции зависимости от предшествующего пути развития (path dependence), которая хорошо объясняет, почему в некоторых обществах с удивительной настойчивостью политическая элита выбирает из возможных альтернатив развития наихудшую. Исторические примеры такого положения дел можно найти у

большинства современных экономических историков, в частности у нобелевского лауреата Д. Норта [6], где он рассматривает случаи выбора неэффективной политики на протяжении 400 лет в Испании. Пока у нас о «делах народных будут заботиться дворяне», гражданское общество будет формироваться сверху, а базовые положения управленческой теории (четко поставленная цель, единый замысел, целесообразные механизмы реализации, руководство и взаимодействие) игнорироваться, гражданский ремонт системы государственного управления будет носить косметический характер.

Литература:

- 1 Александр Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт. 2002 // URL: http://sbiblio.com/biblio/archive/aleksander_pr.
- 2 Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 г. // URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=434&q_id=34770&date=24.06.2007.
- 3 Архив социологических данных исследований ВЦИОМ с 1992 г. //URL: http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=598&q_id=43341&date=05.04.2009.
- 4 Не судимы будьте. Кто и почему верит людям в мантии? //URL: <http://fom.ru/sudy/29>.
- 5 Отчет по результатам общероссийского массового опроса граждан России по теме: «Оценка деятельности судов в Российской Федерации». ВЦИОМ. Москва, ноябрь, 2007.
- 6 Nort D.C. Economic Performance Through Time // The American Economic Review. Vol. 84. №3 (Jun., 1994).

А.В. Данилова
ВОСПРОИЗВОДСТВО СОЦИАЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
КАК (ДИС)ФУНКЦИЯ ИДЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ВЫБОРОВ
В ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РФ VI СОЗЫВА)¹

ДАНИЛОВА Анна Владимировна – магистрант Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н.Ельцина. E-mail: anutadaniлова@ya.ru

Долгое время в нашей стране политическое пространство и идеология были решающим механизмом воспроизводства социального пространства. Идеология являлась не только мировоззрением, но и формой упорядочивания действительности.

Сегодня, мы часто слышим, что в современной России нет идеологии или какой-либо национальной идеи, ее замещающей. Таким образом, схема, согласно которой процесс воспроизводства социального пространства опирается на политическое пространство и идеологию в частности перестает работать.

При этом политическая система и отдельные ее элементы (например, политические партии) продолжают существовать, а согласно политологической теории наличие идеологии является одним из конституирующих признаков политической системы.

Вследствие этого, мы утверждаем не отсутствие идеологического проекта в современной России (и у политических партий современной России), а его трансформацию, следствием которой становится изменение роли идеологии в воспроизводстве социального пространства.

Оглядываясь назад, мы пришли к пониманию того, что и социалистическая идеология, и либеральная себя дискредитировали. В нашей истории было время, когда социалистическая идеология полностью структурировала общество и когда либеральная. Сегодня, в обыденном сознании этот опыт чаще всего воспринимается как негативный. Вследствие чего сегодня уже происходит обратный процесс, когда общество, пытается структурировать идеологию, опираясь и на исторический опыт, и на сложившиеся практики. Таким образом, изменяется функция идеологий, а, следовательно, трансформируются и сами идеологии.

Контент-анализ предвыборных программ политических партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу РФ в 2011г., проведенный в рамках выполнения работ по проекту «Идеологические системы в поздней модерности: динамика и механизмы производства публичных пространств»² приводит нас к следующим важным выводам:

¹ Работа выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.2.2, соглашение № [14.A18.21.0514](#).

² Контент-анализ предвыборных программ политических партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу РФ в 2011 г., проведен в рамках выполнения работ по проекту «Идеологические системы в поздней модерности: динамика и механизмы производства публичных пространств», ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., мероприятие 1.2.2, соглашение № [14.A18.21.0514](#).

Объектом контент-анализа стали предвыборные программы политических партий: КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Единая Россия», «Патриоты России», «Правое дело», «Яблоко». Контент-анализ был проведен в октябре-ноябре 2012 г. Цель контент-анализа – уточнение ценностной и идеологической дифференциации политических партий, участвовавших в выборах в Государственную Думу РФ в 2011 г.

Механизм получения выводов при решении этой задачи был следующим. Основным индикатором, по которому мы измеряли выраженность тех или иных идеологических ориентаций, оказались ценности. В

- 1 идеологии (идеологические проекты) политических партий современной России гибридные продукты. Идеологические пространства многомерны в том смысле, что включают в себя ценности различных классических идеологий;
- 2 существуют нарушения в коммуникациях современного российского политического пространства (существующие коммуникационные каналы оказываются недостаточно эффективными, символический идеологический посыл, зафиксированный в названии партии, не всегда соответствует ее программным заявлениям).

В идеологическом плане исследованные программы партий — гибридные продукты, они строятся на синтезе ценностей, которые характерны разным идеологиям. Скорее оправдано говорить о тяготении тех или иных партий к той или иной идеологии. Следствием усложнения идеологических систем, их «гибридизации» является девальвация символического значения названия партии. Среди партий, ставших объектами анализа, оказались такие, которые в своем названии подчеркивают приверженность определенной идеологии: «Либерально-Демократическая Партия России», «Патриоты России», «Коммунистическая Партия Российской Федерации», «Правое дело». Ранжирование ценностей, выраженных в этих программах, показало, что номинальное причисление партии к той или иной идеологии, выраженное в ее названии, мало говорит об истинных ценностях, которые она транслирует.

В политическом пространстве современного российского общества происходит девальвация идеологического компонента. Сами идеологии становятся необходимым, но не обязательным условием политической борьбы, которое можно приравнять к ритуальным атрибутам. Поскольку избиратель при выборе партии, за которую он готов отдать свой голос вовсе не интересуется ее идеологической принадлежностью, и логичностью программных заявлений.

Это свидетельствует о нарушениях коммуникации в политическом пространстве, а также о качественных изменениях политического пространства: идеология перестает выполнять функцию упорядочивания социальной реальности, вследствие чего идеологическая принадлежность партии и ее программные заявления не оказывают решающего значения при голосовании.

Причины подобных процессов, на наш взгляд, связаны с отсутствием чувства ответственности у населения за политическую ситуацию в России.

Складывается ситуация, при которой «пространство власти и политики» слабо пересекается с «пространством населения», вот почему происходит снижение роли

фокусе нашего анализа оказалось три группы идеологий: либерализм, консерватизм и социализм. К ценностям либерализма мы относили «Свободу убеждений», «Свободу действий», «Демократию», «Личность», «Собственность», «Рынок», «Закон», «Права человека», «Мир» и «Изменения». К ценностям консерватизма причислялись: «Патриотизм/Державность», «Нравственность», «Стабильность», «Семья» и «Порядок». К ценностям социализма относились: «Сильное Государство», «Социальные гарантии», «Равенство», «Солидарность», «Труд», «Здоровье» и «Борьба». По результатам подсчета индикаторов, которые характерны каждой из этих ценностей, мы делали вывод о том, насколько в программе той или иной партии выражена та или иная ценность. Опираясь на ранжирование ценностей по частоте упоминаний, мы делали вывод о том, какой именно идеологической традиции тяготеет партия.

Автор принимал участие на всех этапах проведения контент-анализа (разработка инструментария, проведение непосредственно контент-анализа, написание аналитической записки и представление результатов).

идеологии в воспроизводстве пространства. Полное отсутствие коммуникаций между институционально организованными акторами (политическими партиями) и «обычными» избирателями означало бы разрыв целостности политического пространства страны и возврат к локализованности, оторванности двух отдельных пространств-мест — «пространства власти» и «пространства народа», что противоречит демократическому политическому режиму.

В современных программах политических партий в большей степени сформулирована «повестка дня» — наиболее актуальные (по версии каждой партии) события и проблемы, нежели идеологические постулаты.

Вследствие этого, классических идеологий мы в современных предвыборных российских программах не находим. Поскольку классические идеологии сегодня, в большей степени воспринимаются как «идеальные типы», невозможные для реализации на практике. Общество в непрерывном политическом процессе и во время избирательного процесса пытается сформировать новую идеологию, которая представляет синтез классических идеологий.

Невозможность существования классических идеологий в современном российском обществе объясняется так же отсутствием четкой социальной структуры, социальной стратификации нашего общества. Поскольку идеология традиционно выражает интересы определенной группы населения, слоя, страты, необходимо, чтобы эти группы были сформированы и реально существовали. Сегодня происходит усложнение, дифференциация социальной жизни общества, вследствие чего происходит и усложнение идеологических конструктов, которые теперь должны выражать интересы более разнородных групп населения.

Х.В. Дзудцев, А.Р. Габуева
ГОСУДАРСТВЕННАЯ КОРРУПЦИЯ В ОРГАНАХ ВЛАСТИ РЕСПУБЛИКИ
СЕВЕРНАЯ ОСЕТИЯ-АЛАНИЯ

ДЗУЦЕВ Хасан Владимирович — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

ГАБУЕВА Агжела Руслановна — аспирантка кафедры социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета имени К.Л. Хетагурова. E-mail: khasan_dzutsev@mail.ru

Коррупция — весьма сложное и многоплановое явление, причины которого столь же многообразны. Ее масштабы, специфика и динамика — следствие общих политических, социальных и экономических проблем нашей страны, которая переживает сейчас не просто модернизацию: на наших глазах происходит коренная ломка государственных, экономических, социальных и психологических устоев, поэтому неудивительно, что Россия следует общим закономерностям развития, в том числе негативным. По утверждению социологов, коррупция — это «отказ от ожидаемых стандартов поведения со стороны представителей власти ради незаконной личной выгоды»¹. Такое утверждение на деле оказывается как слишком узким, так и слишком широким.

В данной работе речь идет преимущественно о государственной коррупции, в которой одной из участвующих сторон всегда является лицо, которое либо состоит на государственной службе, либо наделено некоторыми полномочиями в результате делегирования ему власти от избирателей или каким-либо иным образом. Государственная коррупция существует постольку, поскольку чиновник может распоряжаться не принадлежащими ему ресурсами путем принятия или непринятия тех или иных решений. В качестве подобных ресурсов могут выступать бюджетные средства, государственная или муниципальная собственность, государственные заказы или льготы и т. п. Собирая штрафы, налоги и иные предусмотренные законом платежи, чиновник также распоряжается не принадлежащими ему ресурсами: если штраф законен, он пополняет государственную казну, если же он незаконен, то попадает в карман нечистого на руку чиновника.

Общие проблемы, порождающие коррупцию, свойственны не только России, но и большинству стран, находящихся в стадии преобразования, в первую очередь — переживающих переходный период от централизованной экономики к рыночной. Вот некоторые из них: трудности преодоления наследия тоталитарного периода, экономический упадок и экономическая нестабильность, неразвитость и несовершенство законодательства, неэффективность института власти, слабость гражданского общества, отрыв общества от власти, неукорененность демократических, политических традиций. Причины коррупции на Северном Кавказе отчасти можно объяснить существованием здесь традиционных обществ, которые, как известно, более устойчивы при сельском укладе жизни, а в некоторых республиках СКФО сельское население составляет 60%. Исключение или хотя бы снижение коррупционного фона на Северном Кавказе возможно, как нам представляется, при замене традиционных обществ, характеризующихся превалярованием

¹ Джерри Д., Джерри Дж. Большой толковый социологический словарь. М., 2001. Т. 1. С. 332.

коллективных, групповых стереотипов поведения, на индустриальные социальные системы с преобладанием личных интересов большинства людей.

Проконтролировать систему коррупции и масштабы по разным ведомствам и министерствам практически невозможно, несмотря на то, что созданы различные комитеты, призванные соблюдать интересы государства. В обществе сложилось мнение: политическая власть в РФ создает идеальные условия для бюрократии, чтобы та грабила свой народ, а силовой блок призван обеспечивать комфорт для тех и других.

Северо-Осетинским центром социальных исследований ИСПИ РАН совместно с отделом социологических исследований и политологического мониторинга Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований им. В. И. Абаева и кафедрой социологии политических и социальных процессов Северо-Осетинского государственного университета им. К. Л. Хетагурова летом 2010 г. было проведено социологическое исследование по данной проблеме: «Государственной коррупция в органах власти Республики Северная Осетия-Алания Северо-Кавказского федерального округа Российской Федерации». В массовом опросе приняли участие 600 жителей Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А) СКФО РФ.

Для полноценной реализации целей и задач исследования в каждом районе республики (их всего восемь) и в г. Владикавказ (четыре муниципальных образования) был проведен репрезентативный опрос жителей. Математическая ошибка такой выборки не превышает 3,1%, т.е. обеспечивает надежную репрезентативность для каждого обследуемого субъекта РСО-А. Для проведения опроса в каждом районе республики и каждом муниципальном образовании г. Владикавказ выборка строилась как территориальная, стратифицированная по типам населенных пунктов (в районах), маршрутная, квотная по социально-демографическим признакам.

Также был проведен экспертный опрос, в котором приняли участие 35 человек. Подбор экспертов осуществлялся в соответствии с уровнем общего представления о проблеме, а также по принципу профессионального отношения к данной области знаний. Важнейшими критериями отбора экспертов были компетентность, широкий кругозор. Для экспертного опроса был создан «гайд» (специальный опросник), в основу которого легла структура анкеты для массового опроса.

Коррупция — не специфика России. Страна находится на первоначальной стадии накопления капитала. Старая государственная машина сломана, новая еще не создана. Поэтому масштабы коррупции здесь более значительные, чем на Западе. Коррупция — лишь отчасти моральное явление. Она по своей сути — явление экономическое, связанное с диспропорциями в распределении прибавочного продукта. Там, где норма прибыли примерно равная, в принципе коррупции нет (или масштабы ее незначительны). Бюрократ считает, что за подпись должен получить ту же норму прибыли, которую получает предприниматель, капиталист и т. д. Если его зарплата ниже среднего дохода капиталиста, то он старается это возместить. Вот к таким выводам приводят материалы нашего очередного социологического исследования.

Т.В. Дуран, В.А.Костин
РАЗДЕЛЕНИЕ ВЛАСТЕЙ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОЙ ТЕОРИИ
УПРАВЛЕНИЯ

ДУРАН Татьяна Валентиновна — кандидат социологических наук, доцент кафедры теории и истории социологии Уральского федерального университета. E-mail: tanyakostina2006@hotmail.com

КОСТИН Валентин Алексеевич — доктор философских наук, профессор кафедры теории и социологии управления Уральского института — филиал РАНХиГС. E-mail: valentin.kostin@uapa.ru

В теории разделения властей, сформировавшейся к настоящему времени, имеют место существенные пробелы, в частности используемый понятийный аппарат недостаточен для объяснения моделей разделения властей, которые имеются на практике. Так, теория не объясняет соединение властей у тех представителей законодательной власти, которые занимают министерские посты в парламентской республике, соединение властей у президента в смешанной республике, механизм сдержек и противовесов, используемый во многих государствах мира. При этом несоответствие классической теории и современной политической практики получают различные оценки. Для одних мыслителей и теоретиков факт несоответствия служит основанием для отрицания теории разделения властей как таковой. Так, Б.А. Кистяковский писал: «В большинстве современных конституционных государств господствует не разделение властей, а, напротив, объединение их путем парламентской системы правительства. Все эти факты должны нас убедить, что разделение властей практически неосуществимо. Во всех случаях, когда оно устанавливалось конституциями, оно не могло быть проведено на практике» [1].

Противоположная оценка представлена признанием значимости этой теории, в том числе в современных условиях. В ее защиту приводятся, как правило, два аргумента. Первый, чисто практический, заключается в том, что разделение властей в реальной практике предотвращает узурпацию всей государственной власти одним лицом или группой лиц, сохранение целостности государственного механизма и всего общества. Другой трактует теорию разделения властей как вариант идеального типа. А.Н. Медушевский по этому поводу пишет: «...принцип разделения властей выступает как некий абстрактный идеал, своего рода идеальный тип, который едва ли находит практическое применение в условиях современного политического процесса и затемняет подлинные правила борьбы за власть» [2]. Но если теория разделения властей — идеал, открытым остается вопрос о том, как же распределяется власть в действительности.

Для объяснения расхождения традиционной теории разделения властей и современной политической практики необходимы другие методологические подходы. Мы исходим из того, что теория разделения властей, предложенная Ш. Монтескье, зафиксировала один из вариантов разделения властей, вследствие чего имеет незавершенный характер. Модели разделения властей, которые возникли позже, в частности модель смешанной формы правления, неявно опирались на идеи, которые не были представлены в теории Ш. Монтескье. В связи с этим возникает необходимость сформулировать более разнообразные основания теории разделения властей, а стало

быть, и описать различные формы правления, представленные в современной политической действительности.

Условием решения этой гносеологической проблемы является конструктивная трактовка таких важнейших понятий, как «власть» и «управление». Многозначность понятия «власть» вовсе не способствует осмыслению вопросов, связанных с видами власти. На наш взгляд, современная теория управления может служить основой для синтеза различных определений власти, позволяет выделить наиболее конструктивный для решения отмеченной выше проблемы вариант.

Мы исходим из понимания публичной власти как права на принятие публичных решений. Его достоинством является то, что понимаемую таким образом власть действительно можно делить, в то время как трактовка власти как способности навязывать свою волю исключает разделение властей. Действительно, решения, принимаемые политиками, могут быть представлены нормативными, целевыми, ресурсными и оценочными видами. Нормативные решения представляют юридические нормы, из них наиболее распространены права и обязанности. Целевые решения также разнообразны, их особенность в том, что они фиксируют желаемые состояния, на реализацию которых направлена деятельность людей. В сфере государственного управления — это программы и планы, которые составляются и осуществляются исполнительной властью. Ресурсные решения связаны с правом на использование ресурсов и правом на наделение политическими полномочиями конкретных лиц, которое осуществляется в виде выборов или назначений на различные политические должности. Оценочные решения многообразны по сферам и роли, их сущность заключается в выявлении меры соответствия (несоответствия) какому-либо стандарту. В сфере государственной деятельности такими стандартами являются сами решения (нормативные, целевые, кадровые, ресурсные). Судебная власть представляет монополию на оценочные нормативные решения. Оценке подлежит либо соответствие действия принятым законам, либо оценка санкций за нарушение законов.

Таким образом, понятийный аппарат теории социального управления позволяет не только сформулировать общее понятие публичной государственной власти, но и выделить ее виды. Вместе с тем сказанного недостаточно для характеристики видов разделения власти.

Разделение властей на основании видов решений порождает проблему единства политики, единства управления, поскольку признание автономности органов управления и управляющих субъектов содержит в себе возможность несогласования в принятии решений, несогласия одних ветвей власти с решениями других. Если же такое несогласие возникает, то возможен бойкот решений, их отрицание и другие формы неконструктивного для государства поведения. Право вето, несмотря на свою простоту, имеет различные виды, использование которых позволяет эффективно согласовывать решения. Выделяют, в частности, абсолютное и относительное право вето, последнее может быть сильным и слабым [2].

Теория разделения властей, в том виде как она сформулирована Монтескье, неявно предполагает, что основой для выделения видов власти выступают виды управленческих решений. Так, законодательная власть связана с принятием нормативных решений (законов), исполнительная власть — с целевыми решениями, судебная власть — с оценочными, т.е., степенью соответствия поведения субъектов существующим законам и оценкой степени наказания за их нарушения. Разделение властей означает, что

отмеченные виды решений принимаются различными субъектами самостоятельно и являются безусловными. Данной теории разделения властей соответствует в полном смысле этого слова только одна модель — президентская республика. На наш взгляд, разделение властей в парламентской республике является частичным, а не полным, но при этом оно не исключает и частичного объединения власти.

Частичное разделение означает, что субъект власти или орган власти реализует не весь объем властных полномочий в том или ином виде власти, например, законодательной, а лишь их часть. Частичное объединение предполагает, что субъект власти может располагать полномочиями в сфере разных видов власти. Например, президент в смешанной республике обладает как законодательными полномочиями, так и элементами исполнительной и судебной власти.

Если мы рассмотрим полномочия органов власти, безусловным является частичное разделение труда между ними, т.е. не только законодательный орган может принимать законы, но и исполнительная власть через механизм делегированного законодательства также может принимать нормативные акты в виде законов. Кроме того, правительство может принимать и целевые решения.

Частичное разделение власти имеет место в смешанной форме правления, в явной форме оно представлено в должности президента, обладающего определенным объемом как законодательной, так и исполнительной и судебной власти.

Такое соединение порождает проблему определения вида власти, которой располагает президент в смешанной республике.

Мы полагаем, что решение данной проблемы требует формулировки новых оснований для выделения видов власти, различия их по признакам «часть-целое». Это позволяет классифицировать власть на такие виды как общая и специальная. Общая власть направлена на обеспечение целостности объекта управления, частная — на состояние частей. Общую власть можно обозначить как концептуально-политическую.

В случаях, когда общество разделяет сходные идеи, концептуально -политическая власть не требует выделения особого субъекта, но если общество идейно расколото, необходимо выделение субъекта власти, который бы был выразителем концепции, на которую ориентируются и которой руководствуются все органы власти.

Таким образом, анализ практики современного разделения властей свидетельствует о существовании не только традиционных видов власти (законодательной, исполнительной, судебной), но и концептуально-политической, а также частичном соединении различных видов властей.

Литература:

- 1 Кистяковский Б.А. Государственное право (общее и русское). <http://www.kursach.com/biblio/0010017/07.htm>.
- 2 Медушевский А.Н. Идея разделения властей: история и современность//Социологический журнал, 1994, № 1; http://krotov.info/lib_sec/13_m/med/ushevsky_01.htm.

Н.Л. Захаров
ПАРАДОКСЫ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

ЗАХАРОВ Николай Львович — доктор социологических наук, профессор кафедры экономики и управления Сосновоборского филиала РАНХиГС. E-mail: znl29@mail.ru

В повседневной речи общественное мнение использует термины «власть» и «управление» как синонимы. При этом зачастую мы противопоставляем себя «власти»: «власть — это они». И к тому же именно «они, власть, совершают ошибки». Такая эмоциональная окраска термина «власть» отражается и на содержании самого понятия. Между тем выдающемуся российскому социологу Б.А. Грушину принадлежит парадоксальная и интересная мысль: «Власть — это не они, это мы». Власть, какая бы она ни была, есть продукт социума и его отражение и выражения, а значит, она не может быть «ОНИ», власть — это только «МЫ». Именно это побуждает нас провести логический анализ понятий «власть» и «управлений».

Понятие власть исходя из классического определения, наиболее точно выраженного М. Вебером, — это «возможность и способность подчинять своей воле действия других людей, даже вопреки их желанию»¹. Существует множество других определений, уточняющих и в чем-то углубляющих это определение, но все они исходят из сути, выраженной М. Вебером и от чего мы будем отталкиваться: *власть — это владение чужой волей*.

С другой стороны, понятие «управление»² содержит существенное свойство, которое выражено в том, что «управление — это организация согласованных действий по достижению целей». Таким образом, определение «управление» — по сути, существенно отлично от определения «власть». Более того, они относятся к различным никоим образом непересекающимся предметам, так что рассматривать их вместе, с формально-логической точки зрения, бессмысленно. Но при этом в понятии «управление» имеется одно значение: «управление — умение владеть»³. Именно это значение перекидывает понятийно-логический мостик между «управлением» и властью». Исходя из этого если управление — это *умение* владеть, то власть — это владение без умения.

Вот здесь мы и находим источник эмоционального противопоставления в общественном мнении власти и управления. В нем и кроется первый парадокс власти и управления. Власть может реализоваться без умений, т.е. власть может обходиться без управления. Вместе с тем, для того чтобы управлять, необходимы инструменты управления, таковым является власть, поэтому, не обладая властью, невозможно управлять.

Итак, первый парадокс: власть может обойтись без управления, а управление не может быть без власти.

Для разрешения этого парадокс, обратимся к источникам власти и управления. Опять же обращаясь к М. Веберу, источниками власти являются сила, авторитет, право. Источниками же управления являются знание, опыт и право, следовательно, право —

¹ Вебер М. Хозяйство и общество, гл. 1, §16.

² См., например: Райзберг Б.А., Лозовский Л.Ш., Стародубцева Е.Б. Современный экономический словарь. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: ИНФРА-М, 2006; Большая советская энциклопедия: В 30 т. — М.: «Советская энциклопедия», 1969–1978.

³ Википедия. — ru.wikipedia.org/wiki/менеджмент.

единый источник для власти и управления. Рассмотрим те источники, которые отличают одно от другого

Власть исходит из силы и авторитета. Сила может быть любая, способная удержать власть и физическая, и вооруженная, и экономическая и т.п. Авторитет — другой источник, отчасти он сам может держаться на силе, но тогда, он ни чем не отличен собственно от силы. Существенная особенность авторитета коренится в *доверии*. Доверие, или *вера* подчиненных в руководителя, группы людей в своего лидера. Авторитет — это прежде всего вера нижестоящих в вышестоящего. Такая вера может возникнуть и держаться на харизме лидера, на правильных решениях руководителя.

Получается, что «управление» становится антитезой «власти». *Силе* противостоит *знание*, *вере* противостоит *опыт*. В таком случае первый парадокс скрывает проблему: власть без знаний и опыта — равнозначна *некомпетентности*. Такая власть не управляет, она принуждает и манипулирует сознанием людей.

Проблема некомпетентности приводит к новому *второму парадоксу*: власть нуждается в защите — защита требует сильных и преданных. Следовательно: управление мешает сохранению власти. Подчеркнем управление мешает власти. Знания и опыт мешают власти.

«Чистая» власть незамутненная знаниями и опытом, опирающаяся на силу и манипуляцию, изначально обречена на падение, т.к. силе можно противопоставить большую силу, а и манипулятору, более изощренного манипулятора. В таком случае мы получаем постоянный кругооборот власти. На смену одним приходят другие. *Постоянный кругооборот власти — проблема второго парадокса*.

Эта проблема порождает третий парадокс: некомпетентность и частая смена власти ведут к анархии. Власть превращается в свою противоположность — в этом суть третьего парадокса.

Что же может помочь разрешить три парадокса и содержащиеся в них проблемы? На наш взгляд, это следующее:

- 1 власть защищена, когда создан надежный механизм смены власти. К сожалению, в нашей стране такой механизм никогда не работал, исключая только вторую половину XIX в4;
- 2 срок пребывания у власти определенной группы политической элиты должен соответствовать сроку естественной смены поколений. Это имело место в течение всей истории России;
- 3 механизм защиты компетентности власти — это защита и поддержание образовательного социального института, который воспроизводит элиту и средний класс.

Но мне кажется, что реформы образования, начавшиеся в 1960-х гг. и усиливающиеся с каждым годом, особенно в 1990-е, и главным образом последние 5 лет напоминают молот, которым ремонтируют компьютер.

⁴ См.таблицу.

Таблица 1 Классификация форм власти в России

Государственный деятель	Способ прихода к власти ⁵	Форма власти ⁶	Срок пребывания у власти
Иван III	Наследование	Монархия	43
Иван IV	Насильственное возвращение	Тирания	36
Борис	Сочетание выборов и узурпации	Сочетание монархии и авторитаризма	8
Михаил	Выборы	Монархия	32
Алексей	Наследование	Монархия	31
Петр	Насильственное возвращение	Авторитаризм	43
Екатерина II	Узурпация	Авторитаризм	32
Александр I	Наследование	Монархия	30
Николай I	Насильственное возвращение	Монархия	30
Александр II, Александр III, Николай II	Наследование	Монархия	62
Ленин, Троцкий, Сталин	Узурпация	Тирания	35
Хрущев, Брежнев, Андропов, Черненко	Узурпация	Авторитаризм	20
Горбачев	Узурпация	Сочетание демократии и авторитаризма	6
Ельцин	Сочетание выборов и узурпации	Сочетание демократии и авторитаризма	9

Из данных, приведенных в таблице, следует, что только в двух случаях в нашей истории был как законный приход к власти, так и законное правление — это эпоха Михаила Романова и эпоха Александр II, Александр III, Николай I. Хотя в последнем случае окончание правления двух правителей были трагичны.

⁵ Легитимными формами, из нижеперечисленных могут рассматриваться только наследование и выборы.

⁶ Легитимными формами, из нижеперечисленных могут рассматриваться только монархия и демократия.

Т.Е. Зерчанинова
СОЦИАЛЬНЫЙ АУДИТ КАК ТЕХНОЛОГИЯ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ

*ЗЕРЧАНИНОВА Татьяна Евгеньевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления Уральского института — филиала РАНХиГС.
E-mail: Tatiana_Z@uapa.ru*

Сущность и процедура социального аудита муниципального управления были описаны в монографии уральских социологов, к числу которых относится и автор статьи, еще в 2002 г. [1]. Цель данной статьи — показать возможности социального аудита для анализа и оценки эффективности государственной политики.

В авторской интерпретации социальный аудит государственной политики — это вид социоинженерной деятельности, включающий социальную диагностику состояния социальной системы, оценку социальной эффективности государственной политики и консультационную поддержку органов государственной власти по совершенствованию государственной политики.

Автором разработана системно-деятельностная модель социального аудита государственной политики.

Структура системно-деятельностной модели социального аудита государственной политики представлена взаимосвязанными элементами:

- 1 субъекты социального аудита государственной политики — заказчики социального аудита (органы государственной власти, политические партии, общественные организации и другие институты гражданского общества) и исполнители (научно-исследовательские коллективы, организации, отдельные ученые);
- 2 объектом социального аудита государственной политики является деятельность органов государственной власти по разработке и реализации государственной политики в различных сферах;
- 3 принципы социального аудита: добровольность, рекомендательный характер, независимость социальных аудиторов от заказчиков, открытость результатов социального аудита, профессионализм аудиторов, достоверность результатов социального аудита;
- 4 целью социального аудита государственной политики является оценка социальной эффективности деятельности органов государственной власти;
- 5 функции социального аудита: диагностическая, оценочная; функция обратной связи, стимулирующая, корректирующая, регулирующая.
- 6 процедура социального аудита государственной политики включает четыре этапа:
 - а предметно-содержательный анализ текстов документов о содержании и механизмах реализации государственной политики (концепции, стратегии, государственные программы);

- б диагностический — социологическая диагностика состояния социальной системы на основе социологического мониторинга;
- в оценочный — предполагает оценку социальной эффективности государственной политики;
- г консультационный — предполагает разработку мер, практических рекомендаций по совершенствованию государственной политики, устранению нарушений, отклонений в деятельности органов власти, повышению социальной эффективности их деятельности;
- 7 средства и методы социального аудита. Средства социального аудита: познавательные (методы исследовательской деятельности) и предметные (компьютеры, оргтехника, канцелярия). Методы социального аудита: 1) теоретические: описание, анализ, синтез, моделирование, измерение, сравнение, классификация, типология; 2) эмпирические: анализ официальных документов, социологический опрос населения, фокус-группа, экспертные методы, эвристические методы, анализ статистических показателей;
- 8 условия, в которых осуществляется социальный аудит, — это комплекс характеристик среды, в которой осуществляется деятельность и которые необходимы для ее реализации, например, мотивационные, кадровые, материально-технические, научно-методические, финансовые, организационные, нормативно-правовые, информационные и др.;
- 9 результаты социального аудита включают: результаты социальной диагностики, результаты оценки социальной эффективности деятельности органов власти, практические рекомендации по совершенствованию государственной политики или управленческие технологии (планы, программы, проекты и т.п.), готовые к внедрению.

Предлагаемая модель социального аудита прошла апробацию в двух регионах: Ханты-Мансийском автономном округе — Югре [2] и в Свердловской области [3] на примере оценки результатов молодежной политики.

Для оценки социальной эффективности государственной молодежной политики Свердловской области Зерчаниновой Т.Е. и Никитиной А.С. был проведен социологический анкетный опрос молодежи Свердловской области (объем выборки — 1005 человек) в IV квартале 2010 г., а также экспертный опрос сотрудников Министерства по физической культуре, спорту и молодежной политике Свердловской области (10 человек) и органов местного самоуправления муниципальных образований Свердловской области (25 человек), занимающихся молодежной политикой.

В исследовании измеряли уровень удовлетворенности молодежи качеством реализуемых полномочий органа государственной власти в сфере молодежной политики (по 10-балльной шкале). Наиболее эффективно реализуемыми направлениями, по мнению молодежи, являются:

- поддержка талантливой молодежи (4,7 балла);
- государственная поддержка молодой семьи (4,6 балла).

Наиболее проблемными и неэффективно реализуемыми молодежными направлениями являются:

- поддержка предпринимательской деятельности (3,6 балла из 10);
- обеспечение гарантий в сфере занятости молодежи (4,0 балла из 10);
- содействие международным молодежным обменам (4,0 балла из 10);
- обеспечение соблюдения прав молодежи (4,1 балла из 10).

Социологическое исследование показало, что одной из главных проблем реализации молодежной политики в Свердловской области является низкая степень информированности молодежи о ее содержании. Особо остро эта проблема стоит в муниципальных образованиях сельского и поселкового типа: до молодежи просто не доходит информация о проводимых и планируемых творческих, научных, интеллектуальных молодежных проектах, фестивалях и конкурсах. Уровень информационной открытости органов власти, реализующих молодежную политику, оценивается респондентами ниже среднего (на 4,4 балла по 10-бальной шкале).

В целом молодежь оценивает социальную эффективность реализации молодежной политики ниже среднего (4,2 балла по 10-бальной шкале).

По результатам опроса экспертов была выявлена проблема взаимодействия между субъектами реализации государственной молодежной политики. По мнению сотрудников Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, они тесно и плодотворно взаимодействуют с различными субъектами реализации молодежной политики. Однако наименее эффективным является взаимодействие с органами местного самоуправления. Наибольшее количество респондентов при работе с комитетами по делам молодежи выделяют предоставление отчетной документации в поздние сроки. Основными проблемами, возникающими при взаимодействии с молодежными и детскими общественными объединениями, являются юридическая, финансовая безграмотность их руководителей и членов. По мнению сотрудников органов местного самоуправления в сфере молодежной политики, основной и доминирующей причиной низкой степени взаимодействия является неэффективное информационное обеспечение молодежной политики: 20% респондентов отметили низкий уровень информированности о планируемых и проводимых мероприятиях, грантовых программах отделами по молодежной политике Министерства физической культуры, спорта и молодежной политики Свердловской области, 16% респондентов отметили очень низкий уровень информированности об изменениях в нормативно-правовой базе молодежной политики. Молодежь в силу отсутствия эффективной информационной политики практически не знает о существовании и функционировании данных органов власти, что сводит взаимодействие к минимуму.

Литература:

- 1 Социальный аудит в управлении малым северным городом / Попов В. Г., Кузьмин А. И., Зерчанинова Т. Е., Халиуллин Р. З. / Под ред. В. Г. Попова. Екатеринбург: Академкнига, 2002. 236 с.

- 2 Зерчанинова Т. Е., Позднякова Е. В. Социальный аудит молодежных целевых программ // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. 2011. № 4. С. 83–87.
- 3 Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Опыт социального аудита молодежной политики Свердловской области // Вопросы политологии и социологии. 2012. № 1. С. 87–100.

Г.П. Зинченко

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ: РЕФОРМА ИЛИ ЛИКВИДАЦИЯ?

Зинченко Геннадий Павлович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Южно-Российского института — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: gennadij-zinchenko@yandex.ru

В результате введения закона № 131 ФЗ в нашей стране осуществлен переход к двухуровневой модели местного самоуправления, предусматривающей создание муниципалитетов не только в отдельных поселениях, но и в границах административных районов. Последствия данного нововведения дают основание утверждать, что этот закон фактически ликвидировал местное самоуправление на селе.

Законодатель жестко, вплоть до мельчайших подробностей определяет муниципальное образование как искусственно «нарезанную» населенную *территорию*, а не *общину* в естественном состоянии, т.е. территориально-поселенческое сообщество. Однако в основе организации местной власти всегда находились понятия «поселение» и «община». Поселение издревле осуществляло функцию существования общины, имеющей свои интересы, ценности, традиции и другие социальные признаки. Отрицание объективного существования общины упраздняет социальную базу местного самоуправления.

Очевидно, что населенная территория и территориальное сообщество разные по своему типу объекты муниципального управления. Бюрократический жаргонизм «территория» понимает лишь статистическую совокупность «душ населения», но не активного сообщества людей, являющегося источником и сувереном власти на данной территории.

Социологические замеры, проведенные при участии автора в Ростовской области, фиксируют нарастание тренда ограничения свободы самоорганизации людей. Большинство опрошенных граждан (58,9%) полагают, что местная власть носит государственный характер, и лишь десятая часть респондентов считает, что это форма самоорганизации населения. В населенной территории, объединяющей множество поселений, люди плохо знают друг друга, у них нет общих связей. Им некому делегировать представление своих интересов. Ведь *надмуниципальные* органы самоуправления на верхнем уровне фактически исполняют полномочия государства, включая в этот процесс низовые сельские администрации.

Реформа не обеспечила крепкой финансовой базы органов сельского самоуправления. Недостаток своих доходов вынуждает сельские администрации отказываться от важных полномочий в пользу муниципальных районов, фактически выполняющих государственные функции. Так, в результате ответа на вопрос: **«По каким направлениями деятельности местного самоуправления Вашего сельского поселения, на Ваш взгляд, достигнуты наиболее значимые для Вас и Вашей семьи результаты?»** в первую пятерку выдвинуты: организация благоустройства, освещения улиц, сбор и вывоз бытовых отходов и мусора (16,8%); организация электро-, тепло-, газо- и водоснабжения населения, снабжение топливом (13,0); создание условий для обеспечения населения услугами организаций культуры, библиотечным обслуживанием (11,5); содержание мест захоронения (10,4); организация транспортного обслуживания населения (6,8%).

Социологический опрос свидетельствует, что наименьшими возможностями для самостоятельных решений сельские администрации располагают в сферах организации строительства и содержания муниципального жилья (1,1%); содействия в развитии сельскохозяйственного производства, создания условий для развития малого и среднего предпринимательства (1,2); распоряжения муниципальным имуществом (1,7); соблюдения правил землепользования и застройки (2,1); создания условий для массового отдыха жителей поселения (2,3%) и др.

Многие граждане не ощущают себя полноправными участниками самоуправления (56,2%). На вопрос **«Как бы Вы оценили свое личное участие в деятельности местного самоуправления?»** – 18,6% респондентов ответили «активно участвую»; 41,4 – «иногда участвую»; 22,2 – «практически не участвую»; 13,3 – «не вижу в этом необходимости»; 4,5% – «затрудняюсь ответить».

Между тем критерием качества местного самоуправления является социальное участие. На местах слабо развиты институты социального участия. По мнению населения, наиболее эффективно функционируют домовые комитеты (14,8%), уличные комитеты (41,6), квартальные комитеты (11,1), комитеты населенного пункта: поселка, села, станицы, деревни, хутора (17,6), другое – 14, 9%. К основным направлениям их деятельности участники общественного самоуправления относят благоустройство территории (28,7%); избирательные компании (13,8) социальную работу (8,8); развитие жилищно-коммунального хозяйства (8,2); организацию и осуществление мероприятий по работе с детьми и молодежью в поселении (6,1%) и др

Социологический опрос фиксирует низкий уровень активности граждан. Так, получены следующие ответы:

Таблица 1 «Если Вы считаете, что у таких людей как Вы, нет возможности влиять на решения местной власти, с чем это связано?» (в% от числа респондентов).

1.	У администрации нет желания сотрудничать с гражданами	3,8
2.	Граждане слишком пассивны	48,1
3.	Нет желания сотрудничать с администрацией	6,3
4.	Такие люди, как я, ничего не понимают в работе администрации	9,8
5.	Все равно ничего не изменишь	17,2
6.	Затрудняюсь ответить	14,8

Результаты опроса свидетельствуют, что население пассивно. Многие люди ничего не ждут от власти и действуют автономно. Требуется включить механизмы партисипативного управления для раскрепощения социальной энергии, расширения простора действий инициативных людей.

Социальное участие во многом зависит от умения местной власти вести диалог с населением, применять разнообразные формы и методы общения. Диалог – общечеловеческая ценность. Важно использовать диалогический потенциал общины для согласования интересов, формирования партнерских отношений, развития социальной среды местного самоуправления. Необходимо культивировать технологии ведения переговоров, выработки соглашений, принятия конкретных решений по реализации крупных проектов. Властные структуры призваны обнародовать свою точку зрения по

спорным вопросам, тем самым оказать влияние на общественное мнение и заслужить доверие окружающих. Между тем, в 131-м законе в полномочия органов сельской власти не входит информирование населения и соответствующие финансовые ресурсы.

По данным социологического опроса свыше 76,2% респондентов информированы о деятельности администрации сельского поселения. Сведения об этом люди получают из пропагандистских мероприятий администрации (34,5%), газет (28,1), бесед со знающими людьми (11,2%) и др. Однако этим сообщениям не всегда хватает полноты и правдивости. Многие граждане не знают о совместных проектах территориального общественного самоуправления и администрации сельского поселения (33,8%). Косвенно свидетельствуют об этом 37,7% воздержавшихся от ответа на данный вопрос. Если отсутствует честный диалог между властью и общественностью, то в атмосфере подозрений, недоверия, обмана социального участия не получится.

В территориальном сообществе должна быть хотя бы минимальная степень доверия людей друг к другу, тем более к власти, ее представителям в лице депутатов и чиновников. Уровень доверия граждан сельской администрации связан с их представлениями о собственной возможности влиять на местную власть. По данным социологического опроса населения полностью доверяет сельской администрации лишь третья часть респондентов (35,2%). Это снижает эффективность взаимодействия населения и власти. Ведь люди с трудом принимают (или даже отвергают) позицию тех, кому не доверяют. Для того чтобы вернуть утраченное доверие органам самоуправления следует проявлять заботу о благе конкретных людей, взаимодействуя с ними в решении вопросов развития муниципального образования.

Итак, внедрение двухуровневой модели организации местной власти фактически привело к ее огосударствлению. В результате определения законодателем муниципального образования как территории, а не общины пока не произошло позитивных изменений в становлении местного самоуправления. В сельских поселениях угасает общественное самоуправление, налицо его имитация. Местная власть утрачивает доверие и легитимность, а народ безмолвствует и бездействует.

В связи с этим вызывает интерес предложение экспертов о замене *над*муниципального органа администрирования, созданного сверху, *между*муниципальным — сформированным снизу. Его полномочия должны определяться на основе принципа субсидиарности, согласно которому на верхний уровень администрирования передаются лишь те вопросы, которые не могут быть решены на нижнем уровне (дороги, водо- и газоснабжение, здравоохранение, образование, культура и др.).

Как привлечь науку в процесс внедрения нововведений в практику местного самоуправления? По мнению экспертов, следует создать нормативно-правовые условия для внедрения достижений науки, наработанных ею процедур и технологий в практику муниципального управления. Поскольку основные проблемы местной власти связаны с включением населения в процесс самоуправления, неумением чиновников организовать с людьми диалог, добиться доверия, требуется привлечь социальную инженерию, в частности, социально-ориентированное консультирование. В отличие от общего повышения квалификации муниципальных служащих в образовательных учреждениях, оно характеризуется нацеленностью на конкретные результаты работы.

Подводя итог, отметим, что эксперты, представляющие властные структуры, правомерно рассчитывают на ученых, в том числе социологов. Ведь именно

социологический подход наиболее информативен для диагностики состояния местного самоуправления и его совершенствования посредством социальной инженерии.

Н.М. Ибрагимова
БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИНТЕРВЬЮ КАК ВАЖНЫЙ МЕТОД
КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПОРТРЕТА
СОВРЕМЕННОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ГРАЖДАНСКОГО СЛУЖАЩЕГО
РЕСПУБЛИКИ ДАГЕСТАН

ИБРАГИМОВА Наида Магомедсаидовна – аспирант кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель начальника отдела обеспечения деятельности руководства администрации президента и правительства Республики Дагестан. E-mail: ibna@mail.ru.

Новая социально-экономическая и общественно-политическая ситуация постиндустриальной России повлекла за собой изменения и в системе государственной власти, ее структуре и институтах. Государство управляет экономическим ростом, развитием социальной и культурной сферы через свои институты, которые должны быть эффективными и конкурентоспособными. Это относится и к институту государственной гражданской службы.

Опыт развития многих стран, в том числе России, свидетельствует о том, что повышение эффективности государственного управления напрямую связано с состоянием кадрового потенциала государственной службы и будет затруднительным без учета ее региональных особенностей. Социально-экономические, территориальные, демографические, национальные особенности каждого субъекта Российской Федерации накладывают определенный отпечаток на личностные характеристики государственных служащих.

Чтобы эффективно использовать ресурс государственных гражданских служащих, нужно обладать полной информацией о них. Такую информацию можно получить, описав социальный портрет государственного гражданского служащего. По мнению К.О. Магомедова, «социальный портрет государственного служащего – это совокупность усредненных статистических и эмпирических показателей состояния кадров государственной службы, отражающая наиболее типические социальные и профессиональные характеристики кадрового потенциала государственной службы» [2, с. 234].

При анализе социального портрета государственного служащего как представителя социальной группы, имеющей свою социальную практику, нормы профессионального взаимодействия, целесообразно наряду с использованием традиционных методов привлекать качественные методы исследования, которые позволяют рассматривать объективные факты сквозь призму их субъективной интерпретации отдельными участниками профессиональной деятельности. В конце концов какой социальный портрет мы хотим описать и проанализировать: формальную схему или портрет государственного служащего как реального человека, который не просто функционирует, а живет, работает, думает, чувствует?

Изучить особенности социального портрета современного госслужащего Дагестана можно с помощью биографического интервью. «Биографическое интервью является разновидностью полуструктурированного интервью, где тематические блоки соответствуют

последовательности основных этапов в жизни респондента: «Детство», «Юность», «Учеба», «Женитьба», «Дети» и т.д.» [3, с. 378].

Представленное ниже интервью взято у рядового государственного служащего республики – главного специалиста Отдела агропромышленного комплекса администрации президента и правительства РД. По мнению Г.П. Зинченко, «беседы с работниками администрации побуждают их к саморефлексии, осознанию собственного опыта, стимулируют аналитическую деятельность, способствуют включению их в организационную ситуацию, формируют ощущение уверенности в целесообразности изменений» [1, с.37].

Интервьюер. Расскажите, пожалуйста, свои воспоминания о детстве, что вы помните о родительском доме.

Госслужащий. Воспоминания о родительском доме у меня самые теплые и радужные. Я родился 20 февраля 1963 г. в высокогорном селе Гочоб Чародинского района в многодетной семье. Мои родители работали в колхозе. У меня три брата и пять сестер. По окончании школы (в школе училось примерно 300 человек) в 1982 г. поступил в Махачкалинский сельскохозяйственный техникум, проучился там один год и уехал служить в армию. После армии, завершив учебу в техникуме, я решил поступить на ветеринарный факультет Дагестанской государственной сельскохозяйственной академии. Мои братья и сестры также имеют высшее образование. Среди них – педагоги, врачи, экономисты.

Интервьюер. Расскажите о своем трудовом пути.

Госслужащий. К моему окончанию учебы в Дагестанской сельскохозяйственной академии в 1990 г. начинался развал СССР и в вузах отменили практику распределения выпускников на работу. Мне пришлось вернуться в свой район, поработать в колхозе имени Каира Дамадаева. Хочу отметить, что Каир Дамадаев также был выходцем из нашего села. Он окончил железнодорожный институт, и в 1950-е гг. по его инициативе в районе была построена первая электростанция. С 1990 по 1993 г. я проработал ветеринарным врачом животноводческого комплекса в этом колхозе. В те времена была стабильность, экономика развивалась на плановой основе – составлялись планы на пятилетку. Население села в основном было занято работой в колхозе. Основное направление деятельности было животноводческое, люди занимались заготовкой грубых кормов, у каждого жителя было собственное подсобное хозяйство.

Интервьюер. Было ли у вас в то время желание переехать жить в город Махачкалу?

Госслужащий. Тогда – нет, а в годы перестройки – да. Если бы была стабильность, наверное, я мог бы остаться жить на селе. Людям, которые выросли в горах, близко сельское хозяйство. Раньше многие сельские жители выбирали профессии ветеринара, агронома. Эти профессии считались самыми перспективными. Теперь ситуация изменилась.

Интервьюер. А как вы пришли на работу в администрацию президента и правительства РД?

Госслужащий. Работать в Администрации в то время (в 1993 г.) Государственного совета и правительства РД мне предложил мой товарищ, который был сотрудником администрации. В отделе агропромышленного комплекса было вакантное место ведущего специалиста. Помимо этого тогда на нашем курсе преподавал Руководитель администрации, который был рад принять на работу своего студента. В настоящее время я работаю главным специалистом того же отдела.

Примечательно, что в 1990-е гг. в республике прием на государственную службу осуществлялся обязательно с учетом профиля полученного образования и специальности.

Обязательным требованием было наличие определенного опыта работы в отраслях экономики (промышленность, сельское хозяйство), социальной сферы (здравоохранение, образование), культуры.

Интервьюер. Удовлетворены ли вы своей работой?

Госслужащий. Да, удовлетворен. Но, если бы были созданы прочные условия для развития малого и среднего бизнеса, наверное, я все-таки пошел бы работать в крестьянско-фермерское хозяйство. Там можно больше зарабатывать.

Интервьюер. Вы сначала работали в колхозе, затем стали работать госслужащим. Были какие-нибудь сложности, ведь специфика работы совершенно другая?

Госслужащий. Да, в институте делопроизводства не учат, но со временем я освоил эту работу, у меня были хорошие, опытные наставники. Мне было нетрудно, потому что пригодились мое образование, ведь в отделе я курирую вопросы животноводства, ветеринарии, рыбной отрасли.

Интервьюер. Что нравится, а что не нравится в вашей работе?

Госслужащий. Нравится стабильность, общение с интересными людьми. На государственной службе можно получить какие-то новые знания. Не нравится низкий уровень исполнительской дисциплины в курируемых нашим отделом министерствах и ведомствах, зачастую не соблюдается регламент Правительства РД. Несмотря на то, что были приняты нормативные правовые акты, направленные на улучшение исполнительской дисциплины в министерствах и ведомствах республики, во многих из них она остается низкой. Из-за несвоевременного направления необходимых документов из министерств и ведомств, срываются сроки исполнения документов в Администрации. В итоге получается, что неэффективно работает Отдел и его сотрудники.

Интервьюер. Оцените морально-психологическую обстановку в подразделении, в котором Вы работаете.

Госслужащий. Коллектив нашего отдела очень дружный и сплоченный, каждый готов прийти на помощь коллеге. И в этом большая заслуга начальника нашего отдела.

Интервьюер. Расскажите о своей семье.

Госслужащий. Я женат, у меня четыре дочери. Моя супруга — домохозяйка, а девочки еще учатся в школе.

Интервьюер. Вы бы хотели, чтобы ваши дети стали госслужащими?

Госслужащий. Конечно, хотелось бы. Здесь неплохие социальные гарантии и, как я уже отмечал, стабильность

Интервьюер. Какие у Вас планы на будущее?

Пока мне ничего не хочется менять в жизни, а дальше покажет время.

Биографическое повествование является важным источником информации для изучения социального портрета государственного служащего. В данном конкретном случае перед нами типичный представитель государственной службы Дагестана. Главный специалист Отдела АПК — это мужчина 49 лет, по национальности — аварец, стаж работы — 19 лет, образование — высшее. На сегодняшний день государственные служащие категории «специалисты», составляют более половины (53,9%) от общего количества госслужащих республики, т.е. основной костяк (см. таблицу).

Интервьюируемый госслужащий — выходец из многодетной семьи, приехавший в Махачкалу из высокогорного аварского села сначала на учебу, а впоследствии изъявивший желание остаться там работать. Как глава большой семьи (супруга, 4 дочери) он заинтересован в стабильной и высокооплачиваемой работе.

Базовое сельскохозяйственное образование и предыдущий опыт работы помогают ему легко справляться с работой в Отделе агропромышленного комплекса.

Любовь к малой родине, стремление получить новые знания, равнодушие к проблемам, существующим в аппаратной работе, характеризуют данного госслужащего с положительной стороны. Как отрицательный момент можно отметить то, что на протяжении 19 лет работы в администрации президента и правительства РД у него не было возможности для карьерного роста.

Изучение индивидуальных историй госслужащих Республики Дагестан, особенностей их биографического опыта, сравнительный анализ закономерностей образа жизни поможет создать типологию государственных служащих, исходя из их жизненных ориентиров, норм поведения, стиля жизни и т.д.

В целом «социологическое обеспечение государственной службы можно рассматривать как необходимое и действенное средство повышения эффективности управленческой деятельности персонала в государственных органах управления» [2, с. 5], а использование *качественных методов* социологического исследования позволит сделать социальный портрет государственного служащего более полным, объемным, целостным.

Таблица 1 Социодемографический состав государственных гражданских служащих Республики Дагестан на 1 января 2013 г.

Категории должностей				Возраст					
руков.	помощн.	спец.	обесп. спец.	до 30	30-40	40-50	50-60	св. 60	
824	47	2095	918	916	1485	1025	375	83	
Стаж работы					Базовое образование			Пол	
до 1 г.	1-5	5-10	10-15	св. 15	высш.	средн. спец.	средн.	муж.	жен.
283	1041	932	706	922	3581	294	9	1718	2166

Примечание: общее количество государственных гражданских служащих Республики Дагестан на 1 января 2013 г. – 3884 человека.

Литература:

- 1 Зинченко Г.П. Как изменить работу чиновников: опыт консультирования. — Ростов-н/Д.: РостИздат, 2000.
- 2 Магомедов К.О. Социология государственной службы. — М., 2007.
- 3 Ядов В.А. Стратегия социологического исследования: Учебное пособие. — М., 2009.

А.В. Иванов

МНЕНИЕ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ О КОРРУПЦИИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

ИВАНОВ Анатолий Викторович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Государственная служба» Финансового университета при Правительстве РФ. E-mail: aivanov57@mail.ru

Роль социологических исследований по оценке гражданами служащими коррупции в органах государственной власти. В этой связи в сентябре 2011 г. был проведен социологический опрос государственных гражданских служащих Федеральной службы по труду и занятости по их отношению к проявлениям коррупции в органах государственной власти¹.

По мнению опрошенных гражданских служащих, к числу основных факторов, оказывающие влияние на рост коррупции в России относятся: снижение уровня нравственности населения (30%) и низкий уровень его доходов (6,7%). Более половины опрошенных (53,3%) считает, что коррупция в органах государственной власти основывается на незаконном обогащении должностных лиц, а каждый четвертый (24,4%) оценивает коррупцию как негативное и неизбежное явление. Отрицательное отношение к проявлениям коррупции высказали около 80% опрошенных гражданских служащих. В *табл. 1* представлены результаты оценки участниками опроса степени распространенности коррупции в обществе, в сфере государственного управления и органах государственной власти.

Таблица 1 Оценка степени распространенности коррупции

Сфера распространения коррупции	Степень распространенности коррупции (% опрошенных)					
	очень высокая	высокая	средняя	низкая	коррупции нет	затрудн. ответить
В обществе в целом	17,8	45,6	27,8	2,2	2,2	4,4
В сфере госуправления	28,9	38,9	21,1	3,3	1,1	6,7
В вашем органе государственной власти	6,7	7,8	15,6	30,0	32,2	7,8

Данные таблицы 1, свидетельствуют о том, что высокая степень распространенности коррупции (45,6%) и очень высокая (17,8%) имеет место в обществе. В сфере государственного управления высокую степень коррупции оценили 38,9% и очень высокую — 28,9% респондентов. Иными словами, более 60% гражданских служащих считают, что наибольшее распространение коррупции имеют место в обществе в целом, а также в

¹ Социологический опрос гражданских служащих проведен в сентябре 2011 г. профессором кафедры «Государственная служба» Ивановым А.В. В экспертном опросе приняли участие по квотной модели выборки 90 человек. Подавляющее большинство опрошенных респондентов имели достаточный для экспертных оценок возраст и срок службы, поэтому мнение участников социологического опроса можно рассматривать в качестве экспертов, обеспечившее достоверность его результатов.

сфере государственного управления. В то же время 32,2% респондентов считают, что в их ведомстве коррупции нет. Данное обстоятельство приводит к выводу о том, что для снижения уровня коррупции в органах власти следует вести борьбу с коррупцией в обществе и в системе государственного управления.

По мнению опрошенных, коррупционным проявлениям в органах государственной власти способствуют следующие основные факторы: низкий уровень оплаты труда государственных служащих (41,1%); слабая организация работы по борьбе с коррупцией в органах государственной власти (20%); низкое качество подбора и расстановки кадров на руководящие должности (18,9%); низкий уровень ответственности за совершение коррупционных действий (11,1%).

Следует отметить, что около 90% респондентов знакомы с деятельностью комиссий по соблюдению требований к служебному поведению гражданских служащих и урегулированию конфликта интересов. Но данные комиссии не в полной мере выполняют возложенные на них функции, и их деятельность в основном осуществляется формально. Поэтому только 64,4% опрошенных уверены в том, что коррупцию в сфере государственного управления можно минимизировать и только лишь 15,6% утверждает обратное. Коррупционные проявления в органах государственной власти чаще всего встречаются в следующих формах: передача денежных средств (16,7%), вручение подарков (11,1%), оказание услуг (4,4%). Мнение участвовавших в опросе гражданских служащих о том, какие меры следует принять для противодействия коррупции, представлено в *табл. 2*.

Таблица 2 Предпочтения в отношении мер по противодействию коррупции в сфере государственного управления

Меры по противодействию коррупции	Степень предпочтения (%)
Ужесточение уголовных наказаний за совершение коррупционных действий	26,7
Совершенствование законодательства Российской Федерации и нормативных и правовых актов в области государственной службы	24,4
Наделение компетентных органов дополнительными полномочиями	20,0
Повышение денежного содержания госслужащих	10,0
Реорганизация структуры органов исполнительной власти	8,9
Легализация менее социально-опасных разновидностей коррупции («чаевые», подарки)	5,6
Поощрение добровольных информаторов о фактах коррупции	2,2
Обеспечение понимания всеми госслужащими, что данное явление губительно для отечественной экономики	1,1

Таким образом, по результатам опроса гражданских служащих к основным предпочтительным мерам по противодействию коррупции следует отнести: ужесточение уголовного наказания за совершение коррупционных действий (за эту меру ратует почти треть опрошенных); совершенствование законодательства Российской Федерации и нормативных и правовых актов в области государственной службы; наделение компетентных органов дополнительными полномочиями; повышение денежного содержания госслужащих; реорганизацию структуры органов исполнительной власти.

Степень удовлетворенности гражданскими служащими различными аспектами, связанными с государственной службой представлена в *табл. 3*.

Таблица 3 Удовлетворенность служащих различными аспектами, связанными с государственной службой

Аспект, связанный с государственной службой	Степень удовлетворенности (% опрошенных)				
	удовлетворен	скорее удовлетворен	и да, и нет	скорее не удовлетворен	абсолютно не удовлетворен
Материальное положение	1,1	5,6	5,6	35,6	52,2
Уровень денежного содержания	1,1	2,2	1,1	30,0	65,6
Жилищно-бытовые условия	6,7	22,2	21,1	16,7	33,3
Организация досуга и отдыха	10,0	26,7	10,0	23,3	30,0
Соблюдение регламента	16,7	44,4	13,3	8,9	16,7
Организация делопроизводства	16,7	30,0	10,0	21,1	22,2

Результаты опроса гражданских служащих свидетельствуют об абсолютной неудовлетворенности следующими аспектами: уровнем денежного содержания (65,6%); материальным положением (52,2%), жилищно-бытовыми условиями (33,3%), поэтому неудовлетворенность гражданскими служащими условиями, связанными с прохождением ими государственной гражданской службы является объективной предпосылкой к коррупционным проявлениям в органах государственной власти.

Ю.В. Ирхин
АНАЛИЗ СИСТЕМЫ МОТИВАЦИЙ И КОМПЕТЕНЦИЙ
В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИНСТИТУТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

ИРХИН Юрий Васильевич. — доктор философских наук, профессор кафедры политологии и политического управления РАНХиГС, академик АГН. E-mail: Irkhine@mail.ru

В современных условиях возрастает значение фактора профессионализма в деятельности государственной службы. В то же время его роль как качества, определяющего положение в управленческих структурах, не всегда в реальной жизни оценивается должным образом, и как показывают опросы, сдвигается на третье место, уступая таким факторам, как неформальные отношения с нужными людьми, богатство, деньги.

Преобладающие способы должностного продвижения служащих дают следующую обобщенную картину: конкурсный отбор — 12%, реализация выводов аттестации — 14%; единоличное назначение руководителем — 62%; прислали сверху — 11%; назначен из состава резерва — 7%; другие способы — 5%. В результате этого наблюдаются явления непрофессионализма, низкой производственной культуры, имитации бурной деятельности, слабой обратной связи с населением и др. [1, с. 66].

В последнее время в качестве одной из ведущих ценностей коллективного и индивидуального сознания государственных служащих становится *установка на систематическое пополнение профессиональных знаний*. Профессионал по своей натуре не может заниматься профанацией, оскорбительно относиться к предмету и результатам собственного труда, заинтересован в реализации своего профессионального, человеческого потенциала демократическими методами.

Современный управленец должен уметь научно управлять: знать законы, стандарты государственных услуг и механизмы их оценки; успешно работать на достижение конечного результата в режимах мониторинга, «прозрачности» и обратной связи; инициировать инновации; использовать ИКТ, взаимодействовать с обществом; выполнять этические требования и т.д.

Принципиальное значение для современной подготовки государственных служащих в России имеет формирование у них (в процессе обучения и переподготовки) *системы управленческих компетенций* — знаний-умений теоретико-прикладного характера в следующих сферах:

- 1 государственного управления, стратегического и инновационного менеджмента;
- 2 руководства персоналом, управления ресурсами; достижения результатов;
- 3 повышения эффективности взаимодействия государства, бизнеса, СМИ и общества;
- 4 подотчетности и открытости органов государственной власти и управления обществу;
- 5 политической и деловой коммуникации (PR, GR);
- 6 электронного правительства;

Можно выделить общеполитические компетенции государственного служащего: способность повышать уровень доверия граждан к государственной службе, умение оценивать политические последствия и результаты проводимой государством политики, способность строить политические (на основе учета интересов) отношения с различными социальными группами, работать в широком публичном контексте, умение взаимодействовать с межведомственными, межрегиональными и международными органами государственной власти и т.д.

В качестве одной из ведущих ценностей коллективного и индивидуального сознания управленцев становится установка на систематическое пополнение профессиональных знаний. В органах госвласти преобладает запрос на аналитиков и профессионалов современного типа, обеспечивающих информационную и научную основу управления в условиях рынка и обострения глобальной, федеральной, региональной и местной конкуренции. Актуализируются компетентностные направления: умения и навыков создания команды; умения убеждать, владения деловой коммуникацией; владения новыми персонал-технологиями мотивации персонала; понимания и оценки психологической совместимости и др. [2, с. 125].

В соответствии с этими требованиями меняется отношение к образованию, подготовке и переподготовке управленцев. Общая направленность изменений здесь следующая: обучение превращается в перманентный процесс и затрагивает работников всех уровней; особое внимание уделяется связи теории управления с практическими навыками; повышается значение формирования умений, связанных с проектной работой. Акцент в обучении ставится скорее на процессах, чем структурах и функциях, на изучении опыта работы во многих организационных формах и в составе коллектива. Внимание обращается на формирование устойчивого интереса к самообразованию, личной ответственности обучающегося за результаты обучения и получение знаний и навыков. Большое значение придается программам обучения, построенным на умении производить комплексную оценку управленческой деятельности, ее результативности и эффективности.

Современное управленческое образование должно формировать инновационное мышление, восприимчивость к постоянному выбору новых решений и действий. Возрастает значение формирования навыков работы с общественностью, обучение переговорному процессу и разрешению конфликтов; принципиальное значение приобретают процессы не только обучения, но и воспитания управленцев, формирования соответствующей этики государственной работы.

Новые подходы показывают как важность оценки качества квалификации претендента на государственную должность на основе результатов квалификационных экзаменов, так и регулярных оценок потенциала государственного служащего после достижения базового уровня управленческой компетентности в результате его обучения по специальным учебным программам профессионального развития. Рейтинговые показатели регулярной аттестации государственных служащих по сферам компетенций должны влиять на систему материального поощрения и ротации кадров.

Принципиально направление широкого использования коммуникативных технологий в системе государственной службы. Возрастает значение широкого использования коммуникативных технологий в системе государственной службы. Пока для российских органов исполнительной и представительной власти характерно в большей степени

формально-информационное присутствие в Интернете. Необходим переход от *“электронного правительства”* к *“электронному управлению”* (интерактивному взаимодействию органов власти, бизнеса, гражданского общества) [3, с. 31].

Серьезные недостатки существуют в области подготовки и переподготовки управленческих кадров, особенно по новым, рыночно-менеджерским специальностям. Новым и проблемным направлением функционирования современной российской государственной службы стал вопрос об участии государственного служащего в управлении коммерческой деятельностью от имени государства. Правовые механизмы участия государственных представителей в управлении государственно-частной собственностью (в акционерных обществах, товариществах и т.п.) разработаны пока недостаточно, что создает условия для злоупотреблений.

Управленец должен уметь научно управлять: знать законы, стандарты государственных услуг и механизмы их оценки; успешно работать на достижение конечного результата в режимах мониторинга, «прозрачности» и обратной связи; инициировать инновации; использовать ИКТ, взаимодействовать с обществом; выполнять этические требования и т.д.

В то же время граждане также должны владеть определенными компетенциями отношения с государством.

Подлинно публичная политика способствует углублению демократических процессов, преодолению тенденций обострения противоречий в обществе, упрочению целостности государства, повышению открытости и легитимности органов власти, авторитета общественных организаций, а также интеграции и консолидации общества.

Литература:

- 1 Морозова Е.Г. Нужны ли государственным служащим политические знания? // Государственная служба. 2008. № 5.
- 2 Бойков В.Э. Отношение государственных служащих к профессиональной учебе // Социология власти. 2007. № 2.
- 3 Ирхин Ю.В. «Электронное правительство» как технологическая форма интерактивной коммуникации между органами власти и гражданами // Вестник РГГУ, сер. Политология. 2009. № 3.

М.А. Кашина

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО АППАРАТА: ВОПРОСЫ РЕПРЕЗЕНТАТИВНОСТИ И КАЧЕСТВА ИНФОРМАЦИИ

КАШИНА Марина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и социальной работы Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС при Президенте РФ. E-mail: Kashina_soc@inbox.ru

Государственная гражданская служба — «приводной ремень» государственного управления, от работы которой зависит благополучие всего общества, что обуславливает непреходящую актуальность ее исследования и совершенствования. Это крайне бюрократизированный (в веберовском смысле) аппарат, нормативно структурированная жесткая система должностных позиций. В то же время, чиновники — это живые люди, обладающие ценностями, представлениями, стереотипами, другими личностными особенностями, определяющими рисунок исполнения ими своих должностных обязанностей. Несмотря на то что у каждой должности гражданской службы есть свой должностной регламент, должностные обязанности никогда не исполняются одинаково разными людьми. И здесь возникает обширное поле для социологических исследований, позволяющих вскрыть взаимосвязи государства и гражданского общества, социальную обусловленность государственного управления и государственной службы.

Важнейшее направление социологических исследований — анализ факторов, обеспечивающих профессионализм гражданской службы, ее эффективность для общества. Этой темой давно и много занимаются в РАНХиГС (ранее РАГС) [2]. Однако невысказанными и практически необсужденными остается ряд вопросов, определяющих достоверность и качество информации, полученной в ходе таких исследований. Это особенно ярко проявляется, когда знакомишься с авторефератами и диссертациями, выполненными по научной специальности 22.00.08 — «Социология управления».

Вопрос первый. Как влияют особенности социально — правового статуса гражданского служащего на его желание и возможность отвечать на вопросы социологов, особенно, когда речь идет о деятельности государственных органов? Согласно п. 10 ст. 17 закона «О государственной гражданской службе РФ» гражданскому служащему запрещается «допускать публичные высказывания, суждения и оценки... в отношении деятельности государственных органов, их руководителей... если это не входит в его должностные обязанности» [3]. Это позволяет чиновникам отказаться давать какую-либо информацию вообще, и порождает весьма серьезную проблему мотивации их участия в исследованиях проблем гражданской службы. Хотя, даже если чиновник согласится (на практике он чаще всего просто получает распоряжение вышестоящего руководителя заполнить анкету, потому что того кому-то удалось убедить, что исследование особого вреда не принесет, а хорошим (знакомым) людям он тем самым поможет), нет никакой уверенности в искренности ответов чиновников.

Отсюда вытекает второй вопрос: как оценить степень влияния стереотипов при ответах на стереотипные вопросы, например, о коррупции в гос. органах, о роли вышестоящего руководителя в карьерном продвижении, о бюрократизации и т.п.?

Корни этой проблемы в стереотипном восприятии гражданской службы самими исследователями. Многие не представляют себе ни характер распределения функций

внутри аппарата, ни как гражданская служба выстраивается по отраслевому и территориальному принципу, ни чем отличается функционал специалиста от функционала обеспечивающего специалиста и т.д. и т.п. СМИ упорно формируют негативный образ чиновничества и глазах населения, не давая себе труда посвятить людей тонкости гражданской службы [подробнее см. 1]. В результате массовые опросы регулярно фиксируют недоверие граждан чиновникам [см., например, 4]. Любой ответ на вопрос о коррупции, задаваемый чиновнику, будет плох. Если он скажет, что она есть, значит, гражданская служба никуда не годится. Если скажет, что нет, значит, он все скрывает и неискренен. На самом деле это явление в государственном аппарате распространено очень неравномерно. Рядовым чиновникам никто взяток не дает, просто потому что смысла нет.

Здесь возникает вопрос, как преодолеть объективные барьеры, стоящие на пути обеспечения репрезентативности данных в массовых опросах чиновничества? Как в бюджетных обследованиях не участвуют самые богатые домохозяйства, так и в исследованиях государственного аппарата практически никогда нет респондентов — первых лиц. В то же время переоценить влияние этих людей на процессы, протекающие в государственных органах, практически невозможно. В опросах участвует, как правило, среднее и низовое звено гражданской службы, но на этом уровне никакие ключевые решения не принимаются, и приниматься в принципе не могут.

Все это осложняется объективно существующей дифференциацией самой гражданской службы по роли отдельных структур в разработке и реализации государственной политики. Она определяется политическими решениями и опредмечивается в приоритетах системы государственного управления. Сегодня эти приоритеты таковы, что на лидирующих позициях находятся финансовые и экономические подразделения, а социальные остаются в тени.

Учитывая эту стратификацию, возможно, следует в окончательном анализе присваивать различные веса ответам представителей разных структурных подразделений и чиновникам, замещающим должности разных уровней. Вряд ли стоит, обсуждая реформу гражданской службы, уравнивать мнение обслуживающего специалиста, из отдела по начислению пособий безработным гражданам, замещающего младшую должность гражданской службы, и руководителя, занимающего высшую должность в комитете финансов.

Тем самым проблема заключается в сопряжении принципов массового опроса (лиц, замещающих должности государственной гражданской службы (федеральной и субъектов федерации) в стране на 01.10.2011 насчитывалось 790 567 человек) и экспертного опроса (высшие должности гражданской службы замещали 12 504 человека) [5].

Обойтись опросом среднего и низового звена государственного аппарата невозможно, потому что специфика института гражданской службы предусматривает жесткое разделение власти и полномочий по вертикали, превращая обслуживающих специалистов и специалистов в исполнителей принятых наверху решений, от мнения и оценок которых мало что зависит. С другой стороны, опрос только высших чиновников маловероятен в силу их трудной досягаемости как респондентов. Кроме того никакие управленческие решения не существуют в том виде, в котором были приняты. Они будут неизбежно трансформироваться в ходе их исполнения как раз чиновниками более низких уровней. Именно поэтому классическое понятие репрезентативности должны быть трансформировано с учетом особенностей института государственной гражданской службы.

Отсюда последний вопрос: каким должен быть набор ключевых параметров, которые следует репрезентировать при проведении исследования и какими средствами можно их обеспечить? Традиционный набор таких параметров включает пол, возраст, образование, должность, стаж государственной службы и стаж в должности. Однако они не репрезентируют вертикальную и горизонтальную властно-политическую дифференциацию гражданской службы, о которой шла речь выше.

Классическая выборка должна репрезентировать должностную структуру российской гражданской службы, исходя из пропорций генеральной совокупности, т.е. лиц, замещающих младшие должности, в ней должно быть 10,7%, старшие – 51,5%, ведущие – 31,1%, главные – 5,1%, а высшие – 1,6% [5]. Однако гораздо более ценная информация будет получена в опросе, где большинство респондентов составят не чиновники, замещающие старшие должности, а те, кто заняты на ведущих и главных должностях. Хотя на самом деле все зависит от целей и задач исследования. Если социолог хочет получить количественные данные, например, об отношении чиновников к реформе гражданской службы или значимости для них отдельных государственных гарантий на гражданской службе, тогда следует стремиться репрезентировать реальное распределение по должностям. Если он изучает процессы принятия решений, тогда следует переходить к экспертным опросам, жертвуя репрезентативностью в пользу более глубокого знания, и тогда три-четыре интервью будут стоить десятков анкет. Правда, здесь неизбежно встанет проблема, захочет ли эксперт поделиться своим знанием с социологом.

Литература:

- 1 Востряков Л.Е., Кашина М.А. Негативный имидж государственной службы: случайность или тенденция? //Личность, культура, общество. 2012. Т.XIV. Вып. 2 (71–72). С. 223–230.
- 2 Магомедов К.О. Социология государственной службы. М.: Изд-во РАГС, 2010.
- 3 О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27.07.2004 № 79-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // Собрание законодательства РФ. 2004. № 31. Ст. 3215.
- 4 Россияне о профессии государственного служащего: исследования ВЦИОМ (2009–2011 гг.). Доступ URL: http://wciom.ru/fileadmin/image/news/2011/Gosslujba_2011.pptx
- 5 Состав работников, замещавших государственные (муниципальные) должности и должности государственной гражданской (муниципальной) службы, по полу, возрасту, стажу работы, образованию на 1 октября 2011 г. Статистический бюллетень. Доступ URL:http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/publications/catalog/doc_1237818141625.

Г.И. Козырев

ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В СТРУКТУРЕ ВЛАСТИ И УПРАВЛЕНИЯ

КОЗЫРЕВ Геннадий Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии РХТУ им. Д.И. Менделеева. E-mail: genkozyr@mail.ru

Общественное мнение — это проявление массового сознания, выражающее ценностно-оценочные суждения социальных групп, отдельных общностей и всего общества по отношению к актуальным проблемам и явлениям социальной действительности. Оно может проявляться в виде суждений, оценок, идей, требований, представлений о проблеме, имеющей социальную значимость.

По мнению Б.З. Докторова, для развития, изучения и учета общественного мнения необходимы три основные составляющие:

- 1 Выборная форма государственного правления (президент, парламент).
- 2 Развитие институтов гражданского общества и политической культуры граждан.
- 3 Свободная пресса, отражающая реальную борьбу различных политических сил в обществе[1].

Дж. Брайс писал о том, что на четвертой стадии развития демократии общественное мнение будет непрерывным, т.е. оно будет известно в любой момент времени. При этом усилятся тенденции к прямым формам сотрудничества власти с общественным мнением.

Но пока существует правящий класс, в той или иной мере оппозиционный большинству своих граждан, о реальном сотрудничестве власти с общественным мнением (реальном его учете и реализации) говорить не приходится.

Суть существующей проблемы можно выразить следующими причинами:

- 1 целенаправленное формирование «нужного» правящему классу общественного мнения;
- 2 манипуляция выявленными показателями общественного мнения;
- 3 использование административного ресурса для умышленного искажения общественного мнения;
- 4 игнорирование выявленного общественного мнения при принятии политических решений.

1. Механизмы целенаправленного формирования нужного общественного мнения известны с древнейших времен. В условиях тоталитаризма и авторитаризма процесс формирования нужного общественного мнения облегчается тем, что в стране отсутствуют не подконтрольные режиму СМИ, и любое инакомыслие наказуемо. Но и в демократических странах подавляющее большинство средств массовой информации контролируется представителями господствующего класса. Поэтому возможности формировать общественное мнение, отличное от мнения господствующего класса, у оппозиции в значительной мере ограничены.

Так, например, пытаясь сбить накал протестных акций конца 2011 — первой половины 2012 г., власти развернули широкомасштабную кампанию по запугиванию обывателей возможной революцией и сопутствующим ей насилием и хаосом. В мае-июне 2012 г. Государственной Думой был принят целый ряд законов, ужесточающий правила проведения протестных мероприятий. Одновременно начались дискредитация и уголовное преследование оппозиционных лидеров. Эти действия властей в значительной мере повлияли на общественное мнение россиян. Так, по данным опросов ВЦИОМ, в течении первого полугодия 2012 г. наблюдалось устойчивое снижение доли россиян, поддерживающих протестные акции: в декабре 2011 г. таковых было 35% среди опрошенных, в феврале 2012 г. чуть меньше — 32%, в мае уже меньше — 23%. Одновременно возросло число тех, кто не поддерживает акции оппозиции: с 24% опрошенных в декабре 2011 г., до 30% — в феврале и 39% — в мае 2012 г. [2].

Еще один способ влияния правящего режима на процесс формирования общественного мнения — его фрагментация, отвлечение на второстепенные проблемы. По мнению Павла Святенкова, «наша власть постоянно ищет темы для раскола общественного мнения и вбрасывает их в СМИ [3]. Например, путем раскручивания таких явлений, как «Пусси райт» и «закон Димы Яковлева», удалось существенно расколоть общество и отвлечь его от насущных проблем. Менее удачной оказалась вброшенная властями инициатива о переименовании Волгограда в Сталинград.

2. Один из наиболее существенных поводов для манипуляции выявленными показателями общественного мнения возникает в случае, когда наблюдаются существенные различия в данных опроса, полученных разными организациями, изучающими общественное мнение. Так, например, по данным опросов, проведенных Левада-центром в ноябре 2012 г., 40% опрошенных высказались в поддержку массовых акций протеста. А по данным аналогичных опросов, проведенных ВЦИОМ, только 27% респондентов высказались в поддержку действий оппозиции. По данным Левада-центра, в ходе опроса 22% респондента изъявили готовность участвовать в акциях протеста, а по данным ВЦИОМ — только 10% [4]. Такие различия в показателях не только дают поводов для различного рода манипуляций, но и порождают недоверие к самим исследователям общественного мнения.

3. Искажение результатов выявленного общественного мнения с использованием административного ресурса наиболее часто происходит при подсчете голосов во время выборов органов власти. Так, после прошедших в декабре 2011 г. выборов в Государственную Думу по всей стране начались массовые протесты граждан, недовольных тем, что на многих избирательных участках результаты выборов были сфальсифицированы в пользу «Единой России». По подсчетам оппозиции, на выборах за «Единую Россию» реально было отдано не 49,32% голосов, а всего лишь 34,26% [5].

4. Наиболее острой в нашей стране является проблема игнорирования общественного мнения правящим классом при принятии политических решений. Например, в настоящее время одной из наиболее острых социальных проблем в нашей стране является незаконная миграция. По данным социологических опросов 63,4% россиян считают, что привлечение мигрантов создает угрозу национальной безопасности. Большинство россиян требуют от правительства оградить их от наплыва мигрантов и, прежде всего, путем введения визового режима со странами Азии и Кавказа. Но власти игнорируют мнение большинства россиян.

Прошедшие осенью 2011 – в первой половине 2012 гг. массовые акции протеста, с одной стороны показали действенность сформировавшегося на данный момент общественного мнения, с другой стороны – его недостаточную структурированность и зрелость для того, чтобы власти вынуждены были учитывать мнение оппозиции в управлении страной. Так, по данным опроса Левада-центра, проведенного в конце мая 2012 г., 67% опрошенных считают, что президенту В.В. Путину следует «пойти на контакты и консультации» с лидерами массовых протестов. Но верят в такое развитие событий лишь 33%, а 45% опрошенных предполагают, что Путин будет стремиться ужесточить политику против внесистемной оппозиции [6].

Принимаемые правящим режимом законы об ограничении протестной активности также вызвали неоднозначную оценку россиян. Так, 17% опрошенных считают правильной и адекватной мерой введение высоких штрафов за уличные акции, 26% одобряют идею в принципе, но прописанные в законопроекте размеры штрафов считают слишком высокими, 38% уверены в том, что закон принимается лишь для того, чтобы сбить волну акций протеста либо просто расправиться с участниками протестных акций. По их мнению, это может лишь обострить ситуацию. Практику задержаний протестующих и последующих освобождений без предъявления обвинений считают незаконной 40% опрошенных, а 28% такие действия властей одобряют [6].

Существенная разница в оценках протестных акций и действия властей содержится в ответах столичных жителей и населения регионов. Так, среди москвичей 65% опрошенных считают реакцию властей излишне жесткой, а в регионах этот показатель доходит до 45%. Следовательно, жители периферии скорее выступают против митинговой активности и за ужесточение санкций [6].

В условиях такого неоднозначного отношения простых граждан к действиям оппозиции, власти могут позволить себе игнорировать общественное мнение и даже преследовать за инакомыслие, целенаправленно сужая пространство для публичной политики. Однако такое положение чревато трагическими последствиями. Общественное мнение, в той или иной форме, информирует власть и общество о существующих проблемах и инициирует их решение. Нерешенные своевременно социальные проблемы способствуют деградации общества и власти. Кроме того, общественное мнение имеет свойство накапливать свой потенциал. В условиях отсутствия легальных способов снятия социальной напряженности, может произойти социальный взрыв.

Литература:

- 1 Докторов Б.З. Первопроходцы мира мнений: от Геллопа до Грушина. — М., 2005. С. 39–44.
- 2 Москва, 8 июня 2012 — РИА Носости. <http://ria.ru/analytics/20120327/607039338.html> (дата обращения: 10.06.12).
- 3 Святенков П. Именем Сталина прикрывают разграбление страны? <http://newsland.com/news/detail/id/1120884/> (дата обращения: 08.02.13).
- 4 Маловерьян Ю. Станет ли марш свободы новой Триумфальной. http://www.bbc.co.uk/russian/russia/2012/12/121213_march_freedom_versions.shtml (дата обращения: 16.01.13 г.).

- 5 <file:///с:/150Выборы.htm> (дата обращения:16.12.11 г.).
- 6 <http://grani.ru/Politics/Russia/m.198232.html> (дата обращения: 10.06.12).

П.Н. Киричек

АСИММЕТРИЧНАЯ ИНФОРМАЦИЯ И ПОЛИТИКА ВЛАСТИ

КИРИЧЕК Петр Николаевич — доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социальной коммуникации факультета государственного управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: kirichek@ur.rags.ru

Известно, что каждое общество на любой стадии своего развития порождает, помимо основных, побочные продукты цивилизации. Информационное общество не является исключением из этого правила. Оно выдает в социальную среду в виде побочного продукта асимметричную информацию — термин Джозефа Стиглица, понимаемый в нашем представлении в более широком смысле: не как резервная или дополнительная информация у одного актора, взаимодействующего с другим, не обладающим подобной информацией. Речь идет о такой разновидности социальной информации, которая по воле или неволе собственных производителей, распространителей, потребителей становится противонацеленной к опорным конструкциям человеческого бытия и сознания.

И подобная информация в настоящее время циркулирует в публичной сфере в таком количестве-качестве, не замечать которое со стороны власти можно лишь специально, надев розовые очки. По утверждению Александра Зиновьева, «наша планета сейчас захлавлена информацией не меньше, чем отходами индустрии, нанесшими непоправимый ущерб природной среде. Информация стала самым дешевым продуктом жизнедеятельности общества. И от этого хлама нет спасения, как от мусора» [1, с. 295].

Если взять навскидку и оценить этический характер современного медиасодержания, доминирующего в российском информационном пространстве, то и взрослому, и подростку можно сделать такой по жизни вывод: для того чтобы хорошо жить:

- на уровне бытия — не обязательно хорошо трудиться;
- на уровне сознания — не обязательно блюсти нравственность.

Разумеется, понятие «асимметричная информация» требует своего научного определения, аккумулирующего основные его признаки. Эти признаки в суммарном варианте связываются, в первую очередь, с прямой или косвенной дезориентацией индивида, группы, общества в окружающем мире, что неизбежно оборачивается снижением порога возможностей граждан к самосохранению и развитию.

Это реальная социально-политическая опасность, и властью феномен «асимметричной информации» не должен восприниматься как легко отсеиваемая и внешне безобидная шелуха от семечек, ведь в его потенциале заложено достаточно сильное конфликтогенное начало, способное вызвать, в том числе, системный кризис в людском сообществе.

Во-первых, асимметричная информация противодействует многим социальным законам развития:

А. Асимметричная информация противодействует закону ментальной идентичности, который выражает «объективную необходимость соблюдения требований менталитета (ментального запроса) социума с помощью механизма идентификации» [3, с. 39].

Вопреки этой необходимости, в информационном пространстве страны при нейтральной политике власти происходит обратное — в результате непрерывно растущего «импорта» зарубежной социальной информации и, наоборот, снижающегося «экспорта» отечественной информации. Об этом, к примеру, говорит ситуация с художественной информацией, обладающей наибольшими проникающими свойствами (по отношению к психологии потребителя): по итогам проведенного автором в 2011 г. контент-анализа еженедельных программ кабельного телевидения, на 11 основных каналах («Первый канал», «Россия 1», ТВЦ, НТВ, Культура, СТС, РенТВ, ТНТ, ТВ-3, «Перец», «Домашний») доля отечественных кинофильмов (российские — 38,2% плюс советские — 10,9%) составляет 49,1%, в то время как удельный вес зарубежных кинофильмов (американские — 40,5% плюс евразийские — 8,9%) достигает 49,4%.

Это значит, что в цивилизационном противостоянии, по Самюэлю Хантингтону, «Россия–США» (в пропорции 38,2% : 40,5%) на российской духовной почве (!) отечественное телевидение подыгрывает атакующим наше социокультурное пространство иноземцам. Эта комбинированная (извне и изнутри) информационная экспансия преследует тотальную вестернизацию общественного сознания с незаметной переделкой его ментальных основ (традиций, нравов, обычаев, архетипов, мифов) и постепенной, в конечном счете, утратой национальной идентичности. В то же время серьезного интеллектуального противотока массивированной визуально-вербальной атаке на ментальность россиян, ранее предпочитавших всеядному смотрению чтение с размышлением, даже в количественном отношении не наблюдается.

Б. Асимметричная информация противодействует закону информационно-стратификационного баланса, который выражает устойчивую зависимость подвижного равновесного состояния (гомеостаза) федерального или регионального сообщества от пропорциональной (структурированному составу населения) представленности интересов всех социальных групп в средствах массовой коммуникации, особенно — в массмедиа (в качестве «героев» публикаций и субъектов выраженного общественного мнения).

Сделанные автором социологические замеры прессы (по методике Б.А. Грушина [2]) свидетельствуют о кричащей неадекватности векторных — адресатных и адресантных — маркеров массовой информации, с одной стороны, и социально-структурных пропорций населения, с другой стороны. Наибольшая доля газетно-журнальной площади и эфирно-экранного времени отдается сейчас группам людей, имеющим удельный вес в составе населения от 1,5 до 4% — чиновникам разного уровня, политикам, артистам, шоуменам, крупным бизнесменам.

В итоге в обществе вызревает наряду с имущественным новый вид неравенства — информационное, которое фактически уводит на «спираль молчания» большие массы людей, непосредственно участвующих в создании внутреннего валового продукта и содержащих, таким образом, на своих плечах (прямо или косвенно — значения здесь не имеет) всю пищу, снимающую, говорящую братию. И, как правило, «недодача» народу возможностей информационного общения в массовой коммуникации рано или поздно компенсируется «перебором» митинговых (площадно-агрессивных) его вариантов.

Во-вторых, асимметричная информация провоцирует сбои в коммуникационных линиях и создает мини- и макси-аварии в управленческих системах, как это произошло в двух случаях: при реализации на практике пресловутого закона о монетизации льгот и при осуществлении государственной административной реформы. В обоих случаях власть преследовали серьезные неудачи, поскольку ее действия сопровождались асимметричной

информацией, которая выстраивалась по принципу сущностной недоговоренности и коммуникативной недостаточности. Это в конечном итоге привело со стороны граждан либо к активным формам протеста, либо к пассивному неприятию осуществляемых в структурах власти перемен. А это уже ни что иное как социально-политические диссонансы в обществе, имеющие тенденцию к масштабному разрастанию.

В-третьих, асимметричная информация образует в повседневном бытии личности устойчивый дисбаланс между тремя ее структурами — «биогенезом», «социогенезом», «психогенезом». Влияние этой информации на человека происходит не комплексно или гармонично, а точно или избирательно. Асимметричная информация, в основном, педалирует: либо на «бионачало» в человеке, отправляя его вниз по лестнице эволюции, к обезьяньим предкам, либо на «психоначало», сублимируя жизнь человека до нормострессового состояния, в котором лишь один шаг остается до суицида.

В-четвертых, асимметричная информация является серьезным препятствием на пути развития в обществе высокой информационной культуры, которая определяется автором в двух ипостасях:

- 1 на социетальном уровне — это качественное состояние системы производства, распространения, потребления социальной информации в обществе, отвечающей целям его самосохранения и развития;
- 2 на индивидуальном уровне — это свод умений и навыков человека оценивать, потреблять, усваивать, передавать воспринимаемую по межличностному, групповому и массовому коммуникативным каналам социальную информацию.

И на первом, и на втором уровнях в сегодняшнем российском социуме наблюдается серьезный кризис информационной культуры. Он провоцируется, с одной стороны, наличием системы производства высокотоксичной по содержанию и деструктивной по форме асимметричной информации и, с другой стороны, отсутствием в стране развернутой системы медиаобразования, которое до сих пор в чиновничьих кругах считается нерациональной выдумкой ученых. А ведь от состояния информационной культуры в решающей степени зависит уровень общей культуры человека, а значит, и его потенциала самосохранения и развития.

В итоге можно частично не согласиться с приведенным вначале авторитетным выводом Александра Зиновьева о том, что нет сегодня на планете спасения от информационного хлама. Возможность спасения от него есть, если, конечно, вовремя включить эффективные механизмы системы информационной безопасности. И при этом планомерно и целенаправленно с помощью грамотно выстроенной информационной политики тщательно адсорбировать качество циркулирующей в обществе информации, которая поставляется во все его ниши, в особенности массмедийными средствами.

Соответствующие технологии слежения и контроля информационных процессов учеными специалистами уже разработаны. Это определение медиа-индекса административно-территориальной единицы, это исчисление коэффициента информационного равенства (неравенства) граждан и страт, это использование специальной матрицы качества массмедийной информации и др. Ничего общего с цензурными началами эти технологии не имеют. Нужны лишь воля и стимулы со стороны властных структур к внедрению этих технологий в систему государственного управления.

Литература:

- 1 Зиновьев А.А. Распутье. — М.: Элефант, 2005.
- 2 См.: Массовая информация в советском промышленном городе: Опыт комплексного социологического исследования. — М.: Политиз-дат, 1980.
- 3 Социальная информатиология: Словарь. — М.: Изд-во РАГС, 2006.

В.А. Кондрашкин

СОЦИАЛЬНАЯ МОБИЛЬНОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК УПРАВЛЯЕМЫЙ ПРОЦЕСС

*КОНДРАШКИН Владимир Александрович – аспирант кафедры государственной службы и кадровой политики института государственной службы и управления персоналом Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.
E-mail: v.kondrashkin@polit.mcx.ru*

Социальная мобильность государственных служащих является актуальной проблемой, поскольку реформирование гражданской службы затрагивает положение как государственных служащих, так и всего населения. Эта мобильность охватывает социальные перемещения людей, изменения статуса государственных служащих, структурные изменения в государственных органах и др.

Эти и другие процессы обычно осуществляются независимо от воли и сознания людей, объективно. Однако в государственной службе, как особом социально-правовом институте, как канале социальной циркуляции многие процессы мобильности могут регулироваться и планироваться в соответствии с той или иной кадровой политикой, регулироваться правовыми и социальными нормами. В Федеральном законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», указах Президента страны регламентируется проведение конкурсов, аттестаций, квалификационных экзаменов, дополнительного профессионального образования и других форм работы, играющих важную роль в стимулировании социальной мобильности государственных служащих. К тому же структура должностей государственной службы является емкой для любых передвижений ее кадров. Особенно это заметно при смене руководящих команд в государственных органах.

Исходя из этого в государственных органах складываются определенные организационные и социально-психологические условия, способствующие или препятствующие социальной мобильности кадров государственной службы.

Кафедрой государственной службы и кадровой политики РАНХиГС в декабре 2012 г. при личном участии автора проведено экспертное социологическое исследование мобильности государственных служащих (руководитель исследования – профессор В.С. Нечипоренко).

Материалы исследования легли в основу данной статьи. При этом обобщены проблемы, касающиеся профессиональной и должностной карьеры государственных служащих.

Организационные условия предполагают в качестве первого этапа планирование карьеры, т.е. будущих желаемых перемещений. В связи с этим в государственных органах важно иметь тех служащих, к которым можно было бы обратиться за советом при планировании своей карьеры на будущее. По мнению 63,1% экспертов, такие служащие в этих органах имеются.

В то же время планирование карьеры и обобщение планов карьеры служащих в государственных органах организовано пока слабо. Лишь треть экспертов (33,8%) сообщили, что такие планы разрабатываются и обобщаются; пятая часть экспертов считает,

что планы разрабатываются, но не обобщаются; почти треть экспертов (32,4%) уверены, что такие планы не разрабатываются вовсе.

Особенно важен первый этап — этап становления служащего после приема на государственную службу. Треть экспертов подтвердили, что со вновь принятыми какое-то время регулярно работает руководство, другая треть — что к вновь принятому на службу прикрепляется наставник; более трети экспертов сообщили, что вновь принятые на государственную службу сами определяют ход своего становления.

Дальнейшие этапы связаны с мотивами, которые преобладают у служащих при осуществлении служебной профессиональной деятельности. По мнению экспертов, у их коллег преобладают следующие мотивы: стремление повысить свое материальное благосостояние (58,5% ответов); стремление обеспечить перспективы должностного роста (53,8%); стремление занять престижное место в обществе (46,2%); стремление расширить связи с людьми (36,9%). Менее значимыми эксперты считают такие мотивы, как желание принести пользу государственной службе (3,9%), принести пользу обществу и государству (13,8%), стремление реализовать свои профессиональные качества (20,0%).

В связи с этим представляют интерес взгляды экспертов на роль карьеры в жизни государственных служащих: треть экспертов считает, что карьера — «естественное следствие достигнутых в работе успехов»; другая треть — что «карьера — способ профессионального самоутверждения служащего». Четверть экспертов полагает, что карьера — это «цель профессиональной деятельности государственного служащего». Для 18,5% экспертов — карьера — «это стимул, побуждающий лучше работать».

В государственной службе в последние годы много внимания уделяется оценке деятельности государственных служащих. При этом не всегда учитываются особенности должностей: 44,6% экспертов полагают, что различия в подходах к оценке лиц, занимающих разные категории должностей, существенны, 38,5% — что они скорее существенны, чем нет. Лишь 13,9% экспертов считают, что различия не существенны, и скорее не существенны, чем да.

В современном российском обществе складываются социальные ценности переходного периода, которые проникают и в среду государственных служащих. Среди этих ценностей респонденты на первое место поставили «зарабатывание» (66,2% ответов), второе — обладание властными полномочиями (58,5%), третье — служение руководящим лицам (50,7%), четвертое — служение государству и обществу (43,1%). Это ставит под сомнение определение государственной службы как деятельности «по обеспечению полномочий государственных органов».

Более половины экспертов сталкивались со случаями, когда заняв более высокую должность, служащие не смогли освоить ценности и культуру новой социальной группы, или команды. По мнению 10,8% экспертов, такие случаи бывали часто, 46,2% экспертов — что бывали, но редко.

Исследованием выявлено отношение респондентов относительно действий государственных служащих, которые в наибольшей мере влияют на мнение руководителей государственных органов относительно карьеры служащих. На первое место (61,5% ответов) эксперты поставили «создание служащим имиджа человека, увлеченного работой в государственной службе», на второе — «приход на работу раньше, или уход позже»; третье — обращения к руководству за советом и помощью. Менее значимыми оказались содержательные действия — разработка перспективных проектов о развитии организации

(33,8%), выступления на семинарах и совещаниях (12,3%), написание докладных записок с предложениями на актуальные темы (9,2%).

По данным исследования, особенностями значительной части государственных служащих являются высокая образованность, политический консерватизм. Однако меньшая часть служащих отличается особым образом жизни и особым способом восприятия окружающего мира. Для большинства государственных служащих (61,5% ответов) их работа является интересной, или скорее интересной. Однако среди них мало (49,3% ответов) тех, кто относится к своей деятельности по принципу «Полная отдача профессии и общему делу»; 21,5% экспертов считают, что таких единицы, 27,7% — что таких мало.

Среди потребностей государственных служащих эксперты выделили «материальное благополучие» (92,3%), потребности в самоутверждении (55,4%) и в признании (40,0%). Далее: потребность в знаниях (27,7%) и в известности (15,4%). Соответственно распределились ответы экспертов в отношении вопросов о выгоде, которую обычно ожидают государственные служащие от успеха своей карьеры: прежде всего это рост благосостояния (70,8% ответов), далее: приобретение новых связей, признание, расширение знаний, умений и навыков, уважение.

Неоднозначны ответы экспертов о том, «сказываются ли результаты работы с гражданами на карьере государственных служащих?». Мнения экспертов разделились почти пополам: 47,6% ответов — что сказываются, и 42,4% — что не сказываются.

Социальная мобильность граждан во многом зависит от привлекательности положения (статуса) государственных служащих для населения. По мнению 64,6% экспертов, этот статус привлекателен, и скорее привлекателен, чем нет, против — 26,2% ответов тех экспертов, которые считают его не привлекательным и скорее непривлекательным.

В то же время не все государственные служащие дорожат репутацией государственного служащего. 51,5% экспертов считает, что таких мало, на 51,8% респондентов полагают, что таких немного или единицы.

Со статусом государственных служащих связаны их права и гарантии. 77% экспертов полагают, что права госслужащих позволяют им успешно справляться со своими обязанностями. Что касается гарантий, то лишь 4,6% экспертов убеждены, что они компенсируют полностью потери служащих от запретов и ограничений по службе. 49,3% респондентов оценивают эти компенсации частичными, а 40% — что они не компенсируют потерь.

Мобильность государственных служащих, у которых имеется открытое карьерное пространство (занимающих «средние» должности) во многом зависит от степени их владения современными умениями и навыками. Эксперты отдадут предпочтение хорошему владению служащими офисной техникой (61,5%), умению работать на компьютере (44,6% ответов) и умению водить машину (36,9%). Но только 4,6% экспертов на «хорошо» оценили знание иностранных языков, 16,9% — умение управлять людьми и 24,6% — профессиональные навыки.

На мобильность государственных служащих влияет морально-психологический климат в коллективе. По оценкам экспертов, он в целом благоприятный. 61,6% экспертов считают, что этот климат способствует вполне или скорее способствует, чем нет профессиональной и должностной карьере государственных служащих. В то же время

33,9% экспертов полагают, что морально-психологический климат в государственных органах не способствует, и скорее не способствует этим видам карьеры.

С морально-психологическим климатом в коллективах государственных органов тесно связаны традиции, которые могут препятствовать должностному росту государственных служащих. 40% экспертов отметили, что традиция «не выделяться» распространена «широко», а 36,9% экспертов – что она распространена «не широко». Несколько меньше распространены такие традиции как «безоговорочное подчинение начальству» (соответственно 24,6 и 55,4%) и «быть послушным» (соответственно 24,6 и 49,3%).

Мобильность государственных служащих зависит от их нацеленности на успех, соответствующего мышления и воли. Особенно это важно для лиц, занимающих «средние» (ведущие и старшие) должности. Эксперты дали невысокие оценки этому качеству служащих находящихся на «средних» должностях. 63,1% экспертов считают, что лиц с мышлением, нацеленным на успех, немного или таких единицы. Лишь 29,2% экспертов полагают, что таких служащих много.

В то же время в достижении повседневных, тактических задач современные госслужащие достаточно целеустремленны. 66,2% экспертов оценивают их как целеустремленных и скорее целеустремленных, чем нет. При этом государственные служащие в целом уверенно ведут себя в экстремальных ситуациях. По оценке 30,8% экспертов, государственные служащие в этих ситуациях добиваются прежних целей, 55,4% – что они стремятся выжить. Лишь 9,2% экспертов полагают, что госслужащие в этих условиях впадают в панику.

Исследование выявило различие в образе жизни тех, кто занимает высшие и главные должности, от других государственных служащих. О том, что такое различие значительно, высказались 73,8% экспертов. Это порой становится барьером для других государственных служащих при попытках войти в группу лиц, занимающих высшие и главные должности. Так, на вопрос «Какие трудности испытывают те, кто, занимая младшие и старшие должности, стремятся к должностному росту?» 50,7% экспертов назвали «сложность адаптации к новому окружению», «незнание нравов и обычаев более высокой статусной группы», «неуверенность, что можно реализовать свои жизненные планы в данной социальной среде».

В то же время в государственных органах немало достойных людей, которые могут служить примером (образцом) для молодых служащих. О том, что такие люди имеются в этих органах, или скорее имеются, чем нет, заявило 76,9% экспертов. Лишь 18,5% экспертов полагают, что таких людей в государственных органах нет.

Мобильность государственных служащих во многом зависит от организации управления государственными органами. В последние годы преобладает принцип «команды»: новые руководители государственных органов приводят с собой людей, которым они доверяют, с которыми работали раньше. Разумеется, эти команды проводят свою кадровую политику, которая сказывается на карьере многих государственных служащих. Изучение этой проблемы – важная задача социологической науки.

В нашем исследовании выявлена оценка экспертами некоторых вопросов влияния команд на карьеру государственных служащих. О том, что «команды» способствуют карьере многих служащих, заявили лишь 21,6% экспертов. 33,8% респондентов считают, что команды способствуют карьере, но немногих служащих. Пятая часть экспертов (21,6%) полагает, что команды способствуют карьере тех, с кем они имеют тесные связи.

Важным в жизни государственных служащих является предпенсионный период. Он затрагивает значительную часть персонала государственных органов. Большинство экспертов считает, что в этот период государственные служащие ведут себя так же, как и прежде (50,8%) ответов). Однако более трети респондентов (35,3%) отмечает снижение активности этих служащих в работе. Некоторые из них мало читают.

Таким образом, профессиональная и должностная карьера государственных служащих являются важными формами их социальной мобильности. В государственных органах имеются условия как для успешной карьеры государственных служащих, так и для ее торможения. Преодоление этих препятствий во многом зависит от целеустремленности и деловых, нравственных качеств самих служащих.

Е.Н. Копылова

ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ И ОЦЕНКИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ КОМАНД НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

КОПЫЛОВА Евгения Николаевна — аспирант кафедры социологии Южно-Российского института — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. E-mail: kopylovassk@yandex.ru

Сегодня с проблемой организации управленческой деятельности сталкиваются практически все, работающие в публичном управлении, а также потребители государственных услуг — общество. На смену старого режима управления, где вся организация держалась на нескольких выдающихся исполнителях, приходят методы командной работы, основанные на целесообразности коллективного решения сложных задач, которые не под силу выполнить одному служащему. Исследованию командной формы управления посвящены множество теоретических и практических зарубежных трудов. Первые исследования командной деятельности в России были опубликованы в начале 1960-х гг. Они были посвящены поискам новых способов повышения эффективности и продуктивности управленческого труда.

Команда — коллективный субъект управления, представляющий собой группу авторитетных профессионалов, объединенных взаимным доверием и ответственностью за результаты работы [1, с. 149]. В последнее время происходит трансформация: на смену определения команды в предпринимательском смысле приходит определение в публичном управлении.

Результаты проведенного нами исследования, свидетельствуют о том, что для административных коллективов в последнее время характеристика «командность», стала довольно распространенной в публичном управлении¹. Одним из конкретных свидетельств этого является то, что 27, 41% считают свой коллектив единой командой (таблица 1). Большинство экспертов (57, 61%) считают свой коллектив объединением работников, где каждый профессионально выполняет свои обязанности. Отчетливо обозначилась тенденция индивидуальной работы, т.е. каждый занимается своим делом (10,41%).

Таблица 1 Распределение ответов экспертов на вопрос: «На Ваш взгляд, как можно охарактеризовать коллектив, в котором Вы работаете?», %

Единая команда	27,41
Объединение работников, где каждый профессионально выполняет свои обязанности	57,61
Коллектива, как такового, практически нет, каждый занят своим делом	10,41
Другое	1,27
Затрудняюсь ответить	3,30

¹ Социологический опрос проведен в государственных органах Ростовской области в августе-сентябре 2012 г. Информационно-аналитическим центром обеспечения государственной службы Южно-Российского института филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Опрошено 400 государственных гражданских служащих в Ростовской области по вопросу результативности государственной гражданской службы Ростовской области.

К этому следует добавить, что независимо от стажа работы в административных структурах и занимаемой должности, ситуация примерно одинакова. Представленные данные (таблица 2), позволяют сделать вывод, что категория «руководители» (34,62%) видят свой коллектив единой командой, что нельзя сказать об остальных работниках: помощники – 16,67%, специалисты – 28,69%, обеспечивающие специалисты – 13,04%. Можем предположить, что высокий процент руководителей и специалистов (по сравнению с помощниками и обеспечивающими специалистами), обусловлен долгим сроком работы в органах власти, когда уже становится не так очевидно многих минусов и плюсов, которые перетекают в обычную рутину.

Таблица 2 Распределение респондентов в зависимости от занимаемой должности, в %

	Руководитель	Помощник	Специалист	Обеспечивающий специалист
Единая команда	34,62	16,67	28,69	13,04
Объединение работников, где каждый профессионально выполняет свои обязанности	48,72	38,89	59,84	65,22
Коллектива, как такового, практически нет, каждый занят своим делом	12,82	27,78	7,79	15,2
Другое	1,28	5,56	1,23	0
Затрудняюсь ответить	2,56	11,11	2,46	6,52

Среди всех категорий работников, самым популярным был ответ «объединение работников, где каждый профессионально выполняет свои обязанности». В таком коллективе уже существует определенный уровень профессионализма, следует только сплотить таких работников, сконцентрировать их на приобретение так называемого «командного духа», для этого целесообразно привлечь к работе консультанта или тренера. Однако, следует помнить, что целенаправленная работа по командообразованию не ограничивается тренинговыми мероприятиями. «Веревоочные курсы», «тренинги сыгровки», конечно, дают эффект повышения групповой энергии, позволяют увидеть членов команды в нестандартных ситуациях, а, значит, проанализировать их резервные возможности, но все же ими не ограничивается. Добиться качественной работы управленческой команды можно, соблюдая следующие правила:

- 1 Состав участников команды постоянен.
- 2 Встречи участников регулярны и обязательны для всех.
- 3 Групповые нормы и правила взаимодействия разрабатываются и соблюдаются всеми участниками.
- 4 Тематикой командных встреч является предмет (специфика) работы.

Надо отметить, среди опрошенных респондентов существуют и те, кто считает, что коллектива как такового, практически нет, каждый занят своим делом, чаще всего так отвечали помощники (27,78%). Тревожным остается тот факт, что практически 13% из опрошенных руководителей так считают.

На графике (рис. 1) отчетливо отображается закономерность изменений мнений чиновников о своем представлении коллектива, в зависимости от стажа работы.

Анализируя данные графика, мы видим два переломных момента практически в каждой прямой – это период 6–10 лет и 11–15 лет.

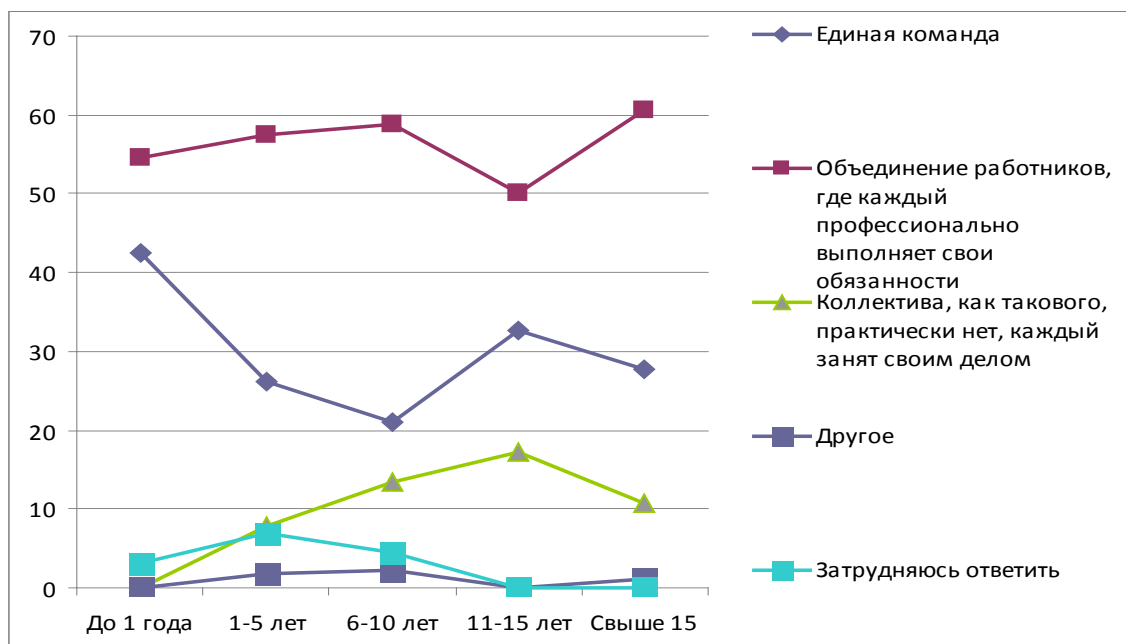

Рисунок 1 — График мнений чиновников о коллективе, в зависимости от стажа работы

Обобщая представленные данные, можно сделать вывод, что для административных структур командная форма управления свойственна, но действует недостаточно эффективно, чаще команды встречаются в бизнес-структурах, что обусловлено коммерческой выгодой. Такие фирмы работают по прямой зависимости деньги–результат. От того, как слаженно отработала команда, зависит их материальная составляющая.

Однако следует отметить, что командные технологии управления все-таки стали проникать в практику государственной службы. В государственных организациях нового типа меняется роль управляющего: он уже не столько диспетчер, сколько консультант; который помогает сотрудникам самостоятельно вырабатывать новые подходы, совершенствовать приемы и методы выполняемой работы и т.д.

Кроме того, проводя оценку работы управленческой команды необходимо помнить, что оценивается общий, групповой результат, награждается команда в целом, а не отдельные ее участники. Создавая команду профессионалов в административной сфере деятельности следует учитывать, что на это могут уйти месяцы и даже годы, потребуются много усилий по установлению эффективных коммуникаций между ее членами и созданию действительно доверительных отношений.

Литература:

- 1 Зинченко Г.П. Социология управления. — Ростов-н/Д.: Феникс, 2004.

Н.Б. Костина

ПОКАЗАТЕЛИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ИСПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

КОСТИНА Наталия Борисовна — доктор социологических наук, профессор, зав.кафедрой теории и социологии управления, Уральского института — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы. E-mail: natalya.kostyna@uapa.ru

Для современного российского государственного и муниципального управления достаточно острой является проблема совершенствования системы критериев и показателей оценки деятельности органов исполнительной власти. Это обусловлено, в частности, тем, что среди представленных в нормативных документах и используемых в настоящее время критериев и показателей, несмотря на их значительное количество, недостаточно именно тех, которые позволяют выявить действительную эффективность государственного управления. Речь идет о показателях, позволяющих определить, насколько население удовлетворено реализуемыми органами исполнительной власти решениями. Население оценивает эффективность деятельности исполнительных органов государственной власти в первую очередь на основании доступности и качества комплекса социально значимых услуг.

Однако перечень и содержание показателей, на основании которых определяется степень эффективности деятельности органов исполнительной власти по управлению социальной сферой, представляется ограниченным. Используемые в настоящее время показатели сведены к выявлению удовлетворенности населения: медицинским обслуживанием; качеством общего, начального и среднего профессионального образования, деятельностью органов исполнительной власти субъекта РФ, в том числе — их информационной открытостью. Последний из них вызывает справедливые сомнения и нуждается в уточнении, так как выразить эффективность всей системы управления (на уровне субъекта федерации в том числе) выразить в одном показателе невозможно, необходимо формулировать комплекс показателей.

Поскольку система показателей разработана и нормативно зафиксирована, государственные служащие стремятся к получению результатов, которые имеют количественное измерение, закрепленное в нормативных документах, так как именно в соответствии с ними работа органов исполнительной власти оценивается вышестоящими управляющими субъектами. Данное несоответствие, представляющее собой практическую управленческую проблему, в конечном счете может иметь следствием нарастание социальной напряженности, рост недоверия к органам исполнительной власти со стороны населения. Наряду с этим имеет место и несоответствие концептуальной разработанности эффективности управления социальной сферой, системы принятых показателей — и задач, которые призваны решать управляющие субъекты для обеспечения функционирования и развития социальной сферы, создания условий нормальной жизнедеятельности социально-демографических групп.

При определении эффективности деятельности органов исполнительной власти необходимо обратить внимание на следующие моменты.

При разработке показателей для определения эффективности государственного управления оправданной представляется трактовка феномена эффективности через соотношение полных затрат и конечных результатов (См.: Костин В.А., Костина Т.В. Менеджмент: учеб. пособие. —М.: Гардарики, 2008. С. 160–190). Применительно к управлению, в частности социальной сферой конечные результаты включают в себя достижение показателей как количественных (объем товаров и услуг, например), так и качественных (доля населения, удовлетворенного оказанием соответствующего вида услуг).

Например, по данным Госкомстата в России на конец 2009 г. число семей (включая одиноких), состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, составило 2 844 тыс., это 6% от общего числа семей (включая одиноких), и только 144 тыс. семей от нуждающихся улучшили свои жилищные условия в 2009 г. Интересной представляется цифра ввода жилья в 2009 го., которая насчитывает 59,9 млн2. Произведя довольно простые расчеты, можно сделать вывод о недостаточно эффективной деятельности органов власти «отвечающих за реализацию соответствующих решений. Если исходить из нормы квадратных метров на человека — 18 м², то семья из 3-х человек должна проживать в квартире площадью не менее 54 м². Тогда получается, что количество семей, которые могли бы решить свои жилищные проблемы за счет введенных в эксплуатацию квадратных метров, в 2009 г. составило реально 1 109 тыс., вместо 144 тыс. Иными словами, эффективность, определенная по экономическим критериям, оказывается высокой, в то время как социальная — низкой. Это еще одно подтверждение того, что показатели эффективности государственного управления, выражающиеся только в количественных величинах, не могут в полной мере отразить существующее положение дел в социальной сфере, необходимо рассматривать конечный результат деятельности органов государственной власти.

Показатели эффективности государственного управления, выраженные только в количественных величинах, не отражают реального достижения управленческого результата в социальной сфере, что опять-таки обращает наше внимание на необходимость рассмотрения конечного результата совокупной деятельности органов исполнительной власти.

Государственное управление такими сферами как социальная и культурная, с точки зрения экономической, может представляться как неэффективное, но — оптимальное в контексте запросов, интересов и ожиданий населения. Например: соотношение отраслей на рынке может оцениваться как оптимальное именно с этих позиций; вложения на реализацию социальных и культурных проектов с экономической точки зрения могут представляться неэффективными, но оптимальными и необходимыми для региона, населения, конкретных социальных общностей. Иными словами, оптимально справедливо считать эффективность, определяемую как величину затрат на ту или иную систему деятельности, в том числе — и управленческую, являющуюся приемлемой для социально-демографических групп (Дуран Т.В., Костин В.А. К вопросу о понятии «эффективности» в процессе управления. Научный вестник УрАГС № 2 (15). Признаком приемлемости в данном случае выступают: достаточность для обеспечения объема работ по управлению и отсутствие либо минимизация негативных последствий.

Жанр тезисов не позволяет подробнее остановиться на методологии разработки комплекса показателей, обозначенные выше методологические аспекты позволяют считать вполне обоснованным следующий возможный перечень показателей для оценки эффективности государственного управления социальной сферой (См.: Озорнина Ю.П.

Эффективность государственного управления социальной сферой как предмет социологического исследования: Дисс. ... канд. социол. наук. Екатеринбург, 2012. С.78–80).

1. Экономическое развитие:

- удовлетворенность уровнем среднемесячного дохода на одного члена семьи;
- удовлетворенность уровнем жизни;
- наличие возможности создавать сбережения из части своего дохода;
- оценка степени влияния роста цен на уровень жизни человека;
- степень угрозы безработицы для населения;
- наличие возможности открыть или развивать собственный малый бизнес;
- развитость инфраструктуры в районе проживания;
- удовлетворенность граждан ассортиментом продовольственных и непродовольственных магазинов.

2. Качество и доступность медицинских услуг:

- удовлетворенность граждан качеством и доступностью государственной медицинской помощи;
- наличие у граждан возможности обращаться в частные медицинские учреждения;
- степень доступности лекарственных средств при имеющемся уровне дохода;
- частота отказа граждан от листа по нетрудоспособности из-за нежелания потерять часть своих доходов.

3. Качество и доступность образовательных услуг:

- удовлетворенность граждан качеством и доступностью услуг учреждений детского дошкольного образования;
- удовлетворенность граждан качеством и доступностью учреждений общего образования;
- удовлетворенность качеством и доступностью учреждений профессионального образования;
- удовлетворенность качеством, доступностью и разнообразием услуг учреждений дополнительного образования.

4. Обеспечение граждан жильем:

- удовлетворенность граждан своими жилищными условиями;
- наличие возможности у граждан в ближайшее время (в течение 5 лет) улучшить свои жилищные условия.

5. Качество и доступность услуг жилищно-коммунального хозяйства:

- степень влияния оплаты услуг ЖКХ на уровень жизни населения;
- удовлетворенность граждан качеством питьевой воды;
- удовлетворенность граждан качеством капитального ремонта жилых зданий;
- удовлетворенность граждан качеством и своевременностью теплоснабжения жилых помещений;
- удовлетворенность граждан качеством работы ТСЖ и управляющих компаний.

6. Развитие дорожного хозяйства:

- удовлетворенность населения качеством дорог в месте их постоянного проживания;
- удовлетворенность граждан схемами дорожных развязок в месте их постоянного проживания;
- удовлетворенность граждан качеством и доступностью услуг общественного транспорта.

7. Обеспечение безопасности граждан:

- наличие у граждан опасений за здоровье и благополучие близких;
- наличие у граждан опасений за сохранность имущества;
- наличие у населения доверия к правоохранительным органам государственной власти;
- частота обращений граждан за помощью в правоохранительные органы государственной власти при возникновении проблемных ситуаций.

8. Организация государственного управления:

- удовлетворенность населения деятельностью органов государственной исполнительной власти;
- степень открытости органов государственной исполнительной власти для населения;
- степень соответствия государственной социальной политики потребностям и интересам различных групп населения;
- частота обращений граждан с заявлениями, жалобами в органы местного самоуправления и государственной исполнительной власти.

Приведенные показатели позволяют учесть мнение населения об уровне и качестве государственных и муниципальных услуг. Население при этом становится основным субъектом оценки эффективности государственного управления, поскольку для него важна деятельность органов власти с точки зрения конечных результатов (реализованных управленческих решений), в то время как государственные служащие стремятся достичь прежде всего промежуточных результатов деятельности.

О.А. Кузьмина

СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ: РЕГИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА

КУЗЬМИНА Оксана Александровна – кандидат социологических наук, директор Агентства маркетинговых коммуникаций «Регион-СК», доцент кафедры психологии Северо-Кавказского Федерального университета. E-mail: info@rka-region-sk.ru

Северный Кавказ остается наиболее нестабильным регионом России со времени распада Советского Союза. Нестабильность носит циклический характер, когда относительно спокойные периоды сменяются новыми всплесками насилия, не позволяя федеральному центру полностью расслабиться.

Наблюдатели отмечают, что ситуация на Кавказе неизбежно накаляется на всех уровнях. Идет рост недовольства населения, количества силовых акций, не выстраиваются и отношения на уровне руководителей отдельных республик. Самый высокий в России уровень безработицы, низкие доходы и зашкаливающий уровень преступности – все это формирует благоприятную почву для роста массового протеста [1, с. 35].

Избежать массового протеста на Северном Кавказе возможно, как говорят многие эксперты, лишь проведя там серьезные политические реформы, которые позволили бы местным жителям реально влиять на происходящие процессы. Предоставление кланам и этническим группам, изолированным сегодня от власти в республиках Северного Кавказа, доступа к принятию решений – один из способов предотвратить переход их представителей в вооруженное подполье и организацию жесткого массового протеста. Неотъемлемой частью такой реформы должна стать и реальная борьба с коррупцией [4, с. 38].

В этой ситуации особо остро встает проблема взаимодействия органов власти и населения, посредником которых должна стать социология. Без использования методов этой науки, без постоянного анализа ее данных и рекомендаций, решения власти в Северо-Кавказском регионе, как и в других регионах, где ввиду большого числа серьезнейших социальных деформаций, в условиях полиэтнической среды, будут односторонними и неэффективными. Только развивая систему взаимодействия органов власти различного уровня, опирающуюся на активность населения в решении актуальных для конкретной территории социально-экономических проблем, с помощью социологической науки, можно реально нормализовать жизнь людей в этом регионе. Власть напрямую зависит от общества, и сегодня гарантировать устойчивость и стабильность власти, которая не опирается на общественное мнение, достаточно сложно [3, с. 61].

Общество выражает сильную потребность в диалоге с властью, и в некоторых республиках Северного Кавказа такой диалог уже имеет место. Социологическое сопровождение становится обычной практикой, что позволяет проводить социологическую экспертизу деятельности власти, прогнозировать последствия принимаемых решений, выявить болевые точки, узнать оценку населением действий органов власти всех уровней, выяснить, для какой возрастной или социальной группы, для какого города или района актуальна та или иная проблема, будь это здравоохранение или образование, ЖКХ или межнациональные, межконфессиональные отношения и другие.

Тем не менее население региона, как показывают результаты многочисленных исследований, разочарованы тем, что изменения очень незначительны, даже если они

получают возможность свободно выражать свои взгляды и доводить их до сведения власти. Властям необходимо показать населению, что его голос услышан, привлечь общественность к управлению делами общества, работать с пассивностью самого населения. Поэтому так важно участие социологии в оценке эффективности работы власти.

Следует отметить, что изучение общественного мнения на Северном Кавказе имеет свою специфику, которую необходимо учитывать в любом исследовании, опираясь на поддержку местной власти.

Во-первых, в каждой республике есть «шариатские села/аулы», где сильны позиции мусульманских духовных лидеров, и где опрос возможен под наблюдением местных имамов. Большая роль отводится главам администраций населенных пунктов, которые могут быстро настроить этот диалог и получить разрешение.

Во-вторых, во многих населенных пунктах, особенно небольших, работа социолога тогда эффективна, когда есть некий «местный» гид, который вводит в «поле». Интервьюеру со стороны, из другой республики, даже соседней, очень тяжело вообще просто даже получить согласие на встречу, а тем более на интервью. Кроме того, большая часть населения не хочет говорить на русском языке, даже зная его, предпочитая отвечать на вопросы на родном языке.

В-третьих, выходя в «поле» можно столкнуться с отказом населения отвечать на прямые вопросы, даже особо остро стоящие в республике. Косвенные вопросы снимают эту напряженность. И на те вопросы, которые стоят остро, — похищение людей, давление со стороны руководства на население — это имеет в определенной степени обратную реакцию, население наоборот начинает активно отвечать, понимая важность этих исследований. Потому что никто не спрашивает этих людей: как вы считаете, кто стоит за похищениями, кто несет главную ответственность за убийства мирных граждан. Видимо, людей это настолько волнует, настолько их возмущает то, что этими проблемами никто не интересуется, они очень активно стараются комментировать свои ответы.

В-четвертых, специфика менталитета Северного Кавказа позволяет опрашивать женщин только в присутствии мужчин, которые не всегда дают свое согласие на проведение интервью.

Подводя итог, хочется еще раз отметить значимость социологических исследований в эффективной работе власти региона. Опрос общественного мнения обеспечивает специалистов информацией, необходимой на всех этапах построения программы работы. Такие данные позволяют принимать более эффективные решения и вносить своевременные коррективы.

Особенно ценно, что в ходе проведения социологических исследований субъектом оценки органов власти выступают не эксперты, а именно население, опрос которого выступает так называемым каналом «обратной связи», имеющим для органов власти большую информационную ценность. Кроме того, социологическая информация, в совокупности со статистической, представляет хорошую аналитическую базу для комплексной оценки социально-экономической ситуации на территории республики.

Социология сегодня нужна власти не только как наука, но и как заинтересованная в общественных преобразованиях сила, которая станет тем связующим звеном между властью и народом.

Литература:

- 1 КБР: Уровень и качество жизни населения // <http://www.kbr-invest.ru/?p=100>.
- 2 Конфликты на Северном Кавказе и пути их разрешения / Отв. ред. В.Г. Игнатов. — Ростов н/Д.: СКАГС, 2003.
- 3 Малчинов А.С. К вопросу о взаимодействии федеральных и региональных органов власти // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2009. № 5.
- 4 Хоперская Л.Л. Современные этнополитические процессы на Северном Кавказе — концепция этнической субъективности. — Ростов н/Д., 2010.

Ю.П. Куликова

АЛГОРИТМ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ СРЕДЫ, ВОСПРИИМЧИВОЙ К ИЗМЕНЕНИЯМ В ГОСУДАРСТВЕ, И ЕГО ЭФФЕКТИВНОСТЬ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

КУЛИКОВА Юлия Павловна – PhD, Professor of Business Administration Эксперт в области социологии образования. E-mail: kulikova@kulikova-julia.ru

Эффективность инновационной политики высшего образовательного учреждения зависит от качества и проработанности экономического механизма ее реализации, слаженности работы каждого звена. Только четкая организация взаимодействия может обеспечить целостность и непрерывность инновационных процессов, дать необходимое сокращение сроков освоения инновационных результатов и получения разного рода эффектов.

Автором разработан алгоритм управления инновационным развитием системы высшего образования, направленный на активизацию связей высших учебных заведений с внешней средой и усиление интеграции вузов в инновационную систему РФ для реализации задачи перевода экономики на инновационный путь развития.

Формирование социальной среды, восприимчивой к инновациям, развитие инновационной деятельности предприятий, создание прогрессивных технологий определяются способностью высших учебных заведений выступать генераторами, каналами трансфера и потребителями инноваций, что обуславливает стратегическую роль высшего образования в национальной инновационной системе.

Инновационное развитие экономики страны формируется из отдельных компонент, на которые способна влиять деятельность высших учебных заведений. При этом управление инновациями является универсальным инструментом управления высшим учебным заведением, поскольку управлениями инновациями непосредственно влияет на все направления деятельности вуза.

На основе критического анализа программных документов РФ, тенденций развития национальной инновационной системы РФ и с учетом зарубежного опыта автором предложен алгоритм управления развитием системы высшего образования, направленный на реализацию инновационной стратегии развития национальной экономики.

По временным рамкам выполнение алгоритма предполагает три периода: 2013–2014 гг. — первые семь этапов, их результат — определение взаимосогласованных приоритетов развития инновационной деятельности высших учебных заведений в соответствии со стратегическими задачами развития страны, выявление сильных и слабых сторон сложившейся системы высшего образования, а также возможностей интеграционного развития;

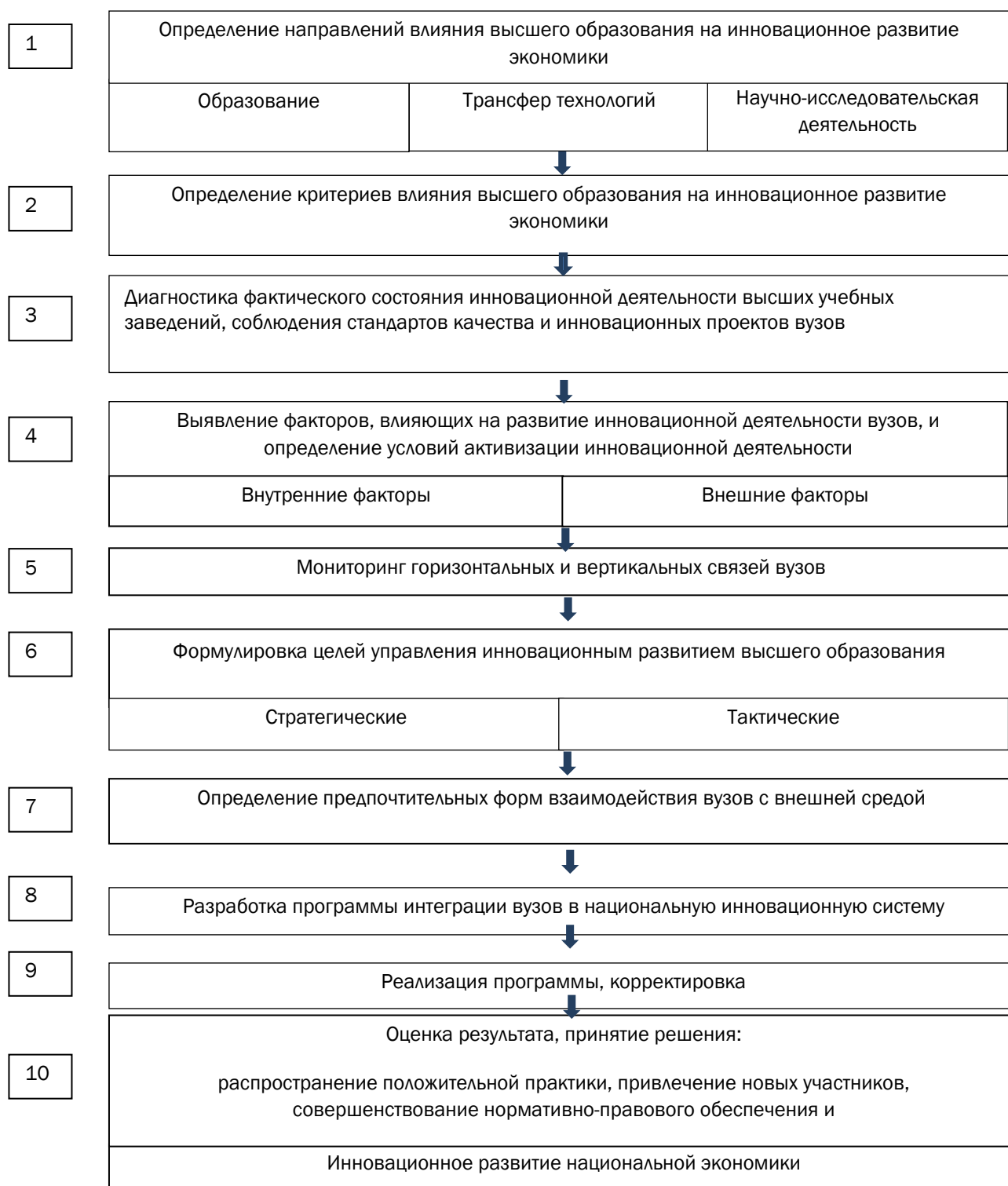

Рисунок 1 – Управление инновационным развитием системы высшего образования как инструмент реализации инновационной стратегии развития национальной экономики

2014–2015 гг. – восьмой этап, его результат – разработка программы интеграции вузов в национальную инновационную систему; 2015–2020 гг. – девятый и десятый этапы,

их результат — обеспечена ведущая роль вузов в инновационном развитии страны с соблюдением принципов координирования, автономии, конкуренции и кооперации.

Инновационная политика вуза не может формироваться изолированно, без влияния макроэкономических процессов и участия в них. При осуществлении инновационной деятельности вуз вступает во взаимодействие с различными участниками инновационной системы. Однако возможности такого взаимодействия, а также возможности целенаправленного и взаимосвязанного развития образовательной и научной деятельности, преодоления ресурсных ограничений, эффективного использования интеллектуальной собственности расширяются на основе кооперации вузов.

В работе систематизированы показатели эффективности межвузовского взаимодействия, используемые в зарубежной практике, которые могут применяться высшими учебными заведениями РФ.

При этом сложность горизонтальных и вертикальных взаимосвязей в рамках национальной инновационной системы обуславливает необходимость консолидации усилий вузов, органов государственной власти и других участников инновационной деятельности для оценки возможного синергетического эффекта сотрудничества и обеспечения согласованного развития всех секторов экономики. Также необходимы мониторинг реального состояния и прогноз потребностей вузов по направлениям: образование, научные исследования, управление, финансирование, материально-техническая база, подготовка педагогических и научных кадров, маркетинг, что позволит разработать конкретные и согласованные по срокам мероприятия для достижения показателей, определенных количественно в Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 г.

Основным мотивом развития сотрудничества между вузами является расширение участия университетов в инновационных системах стран и регионов.

Межвузовское взаимодействие может реализовываться в различных формах на формальной и неформальной основе, объединять государственные и негосударственные вузы по различным принципам и достигать разной степени интегрированности в зависимости от целей и ресурсов участников. С организационной точки зрения формальное сотрудничество может осуществляться в виде межвузовских и межфакультетских соглашений о сотрудничестве, ассоциаций, стратегических альянсов, консорциумов.

Виды объединений вузов с территориальной точки зрения можно подразделить на региональные, национальные и международные, в зависимости от инициатора — иницируемые государственными органами власти или вузами, в зависимости от права членства — открытые и закрытые, в зависимости от срока деятельности — срочные и бессрочные, в зависимости от направленности — образовательные, научно-исследовательские, научно-педагогические, инновационные.

В основу взаимодействия между конкретными вузами могут быть положены различные подходы и их сочетания: территориальная общность, общность решаемых научных задач (Глобальный консорциум G8 — морская логистика), лидерство в регионе (Объединение столичных университетов) или лидерство в комплексе научных дисциплин (Консорциум Университетов Белой Розы), опыт инновационной деятельности (SETsquared), рейтинговые позиции вузов (Группа Рассел).

Если первая американская ассоциация колледжей была создана в 1887 г., то межвузовское взаимодействие в целом получило развитие в XX веке. Из 26 рассмотренных

нами действующих в настоящий момент межвузовских объединений из Европы, Канады, Австралии, Азии 23 были созданы после 1990 г., а пять — после 2006 г.

Помимо развития средств коммуникации основными стимулами развития межвузовского взаимодействия являются: необходимость экспансии в условиях возрастающей конкуренции на рынках образования и инвестиционных ресурсов, повышение эффективности деятельности за счет научно-технического, интеллектуального обмена, внедрения современных форм обучения и коммерциализации вузовских инноваций. Непосредственным стимулом является наличие взаимных выгод от специализации и кооперации участников взаимодействия.

В то же время к возможным рискам межвузовского взаимодействия можно отнести протекционизм на национальном рынке образования, снижение автономности отдельных университетов и руководителей подразделений, неравенство ресурсов и возможностей сотрудничающих университетов, недостаточная инициативность, противодействие со стороны сотрудников или внешней среды, рост бюрократии, законодательные противоречия, ограниченность финансовых ресурсов и сложность отчетности.

Основные задачи межвузовского взаимодействия, обозначенные в программных документах: стратегическое планирование и координация; усиления взаимодействия с государственными органами и внешней средой, расширение влияния; привлечение инвестиционных ресурсов; развитие совместных проектов в области образования, подготовки ученых и научного сотрудничества для повышения конкурентоспособности; повышение уровня преподавания; использование совместных коммуникационных каналов и баз данных; обмен опытом.

В целом основными результатами развития межвузовского взаимодействия в мире являются: успешное выполнение ряда проектов доказало возможность повышение качества исследований, осуществляемых университетами в сотрудничестве; усиление интегрирующей роли университетов в инновационных процессах; формирование унифицированных и гибких систем подготовки специалистов, исследователей и преподавателей; расширение доступа университетов к финансовым ресурсам и контрактам; распространение успешных практик развития инновационного предпринимательства на базе вузов.

Анализ успешного зарубежного опыта межвузовского взаимодействия показал, что эффективность такого сотрудничества определяется соблюдением нескольких основных условий, которые необходимо учитывать при организации совместной деятельности вузов: относительное равенство потенциалов участников; активность участников; формирование прозрачной системы управления и системы контроля, в том числе над расходованием собственных и привлеченных финансовых ресурсов; наличие установленных контактов с другими участниками инновационной деятельности; содействие региональных и национальных органов управления; формирование эффективных каналов коммуникации.

Литература:

- 1 Карлофф Б. Деловая стратегия / Б. Карлофф. — М. : Экономика, 2007. — 239 с.
- 2 Карнаухов С.Б. Методы анализа и обработки данных для мониторинга регионального рынка образовательных услуг. М.: Изд-во Рос. экон. акад., 2007 — 236 с.

- 3 Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура: пер с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ. 2000.

Л.И. Левкина

ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВЕКТОРЫ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СООБЩЕСТВ: ПОЛЯ ПОНЯТИЙ, МЕТОДОЛОГИЯ ИХ ОБНАРУЖЕНИЯ И АНАЛИЗА

ЛЕВКИНА Л.И. — кандидат педагогических наук, докторант Кафедры общественных связей и медиаполитики ИГСУП РАНХиГС E-mail: LevkinaLI@gmail.com

В современном мире исследователями различных сфер научного знания особое внимание отведено изучению социальных сообществ и коммуникации между ними. Для России, государства с количеством постоянных жителей более 143 млн чел. (по данным Госкомстата на 1 января 2013 г.) [1] и представленностью народов и этногрупп свыше 190 единиц (по данным Всероссийской переписи 2010 г.) [2], проживающих на огромной территории, этот вопрос является актуальным. Актуальность разработки темы вызвана не только внутрисоциальными потребностями, но и процессом глобализации, затрагивающим все геополитическое мировое пространство. Разработке вопросов массовых социальных коммуникаций посвящены труды наших современников: Шаркова Ф.И. [2], Василенко Л.А. [4], Федотовой Л.Н. [5], Василик М.А. [6], Науменко Т.В. [7] и др.

Наше исследование направлено на выявление потенциальных векторов развития социальных сообществ. Невозможно представить решение подобной задачи без определения базовых составляющих этого процесса. Изменения, происходящие в социальных структурах, в значительной степени основаны на коммуникационном взаимодействии внутри них и между ними. Обмен неискаженной информацией в условиях и многоязыкового, и одноязычного социального пространства маловероятен при отсутствии однозначного понимания не только слов, понятий, но и образованных ими полей.

Мы поставили цель продемонстрировать что такое «поля понятий», смоделировать процесс их образования и создать методику определения полей понятий.

Наше исследование касалось изучения полей понятий в русском языке, так как русский язык является родным языком автора. Однако знание нескольких иностранных языков позволяет автору утверждать, что разработанная методика может быть использована и в других языковых пространствах.

В качестве изучаемых понятий мы взяли следующие: «возможность», «запас», «капитал», «потенциал», «резерв», «ресурс». Причин тому несколько. Во-первых, эти понятия являются необходимыми и наиболее часто употребляемыми для описания состояния современных сообществ и различных аспектов их жизнедеятельности и развития: политического, экономического, социального. Во-вторых, именно эти понятия в русском языке чаще всего либо употребляются в не присущих им контекстах, либо заменяются одно другим в тех случаях, в которых они синонимами не являются. В-третьих, все они, в той или иной степени, могут быть накоплены и использованы. В-четвертых, через каждое из них можно охарактеризовать и материальную и нематериальную сферы человеческой деятельности.

Так как и сами понятия, и их взаимосвязь исследовались на русском языке, то полученная картина отражает действительность именно русскоязычного пространства. Мы предполагаем, что в других языках ситуация является отличной от представленной нами, но уверены в эффективности использования разработанной нами методики и там. Этот аспект будет рассмотрен нами в дальнейших исследованиях.

Среди основных задач исследования, не упомянутых выше, выделим:

- 1 Выявления случаев и условий полной/ неполной / отсутствия синонимичности понятий «возможность», «запас», «капитал», «потенциал», «резерв», «ресурс».
- 2 Обнаружение минимально / максимально неполной синонимичности понятий, либо ее отсутствия применительно к различным областям, сферам, отраслям жизнедеятельности человека и сообществ.
- 3 Исследование и отображение иерархичности исследуемых понятий, а именно: определение степени и условия их взаимосвязанности, взаимозависимости.

В качестве источников информации об исследуемых понятиях мы использовали более десяти печатных и электронных словарей [8], библиотеку диссертаций на сайте Российской государственной библиотеки [9], а также поисковые системы сети Интернет [10].

Поэтапное описание процесс разработки методики и ее сущности.

Этап 1. Нашли в вышеперечисленных источниках определения каждого из шести рассматриваемых понятий и образованных с ними словосочетаний, характеризующих их с точки зрения применения к самому широкому описанию многоаспектной жизнедеятельности человека и общества. Для каждого понятия составили максимально полный список. Для сокращения объема статьи далее будем приводить примеры, связанные только с рассмотрением понятия «запас». Оно рассматривалось попарно со всеми исследуемыми понятиями: «запас–возможность», «запас–капитал», «запас–резерв» и т.д. При рассмотрении были использованы следующие наиболее часто встречающиеся словосочетания (всего 48): запас военных сил, запас оружия, запас времени, земли запас, аудит запасов, запас прочности, запасные части и др.

Этап 2. Полученные списки сравнили попарно между собой и получили картину, демонстрирующую полную/неполную синонимичность исследуемых понятий (см. табл. 1, приводится сокращенно). Это дает также возможность увидеть совпадения и несовпадения по характеристикам и словосочетаниям в корреляции со сферами жизнедеятельности человека и общества.

Таблица 1 Синонимичность исследуемых понятий

<u>Запас</u>	<u>Резерв–запас</u>	<u>Потенциал–запас</u>	<u>Ресурс–запас</u>	<u>Возможность–запас</u>	<u>Капитал–запас</u>
Стратегический запас	Стратегический резерв (запас)	Стратегический п. (запас)	Стратегический ресурс (запас)	Производственная в. (запас)	Производственный капитал (запас)
Производственный запас	Производственный резерв (запас)	Производственный п. (запас)	Производственный ресурс (запас)	Материальная в. (запас)	Денежный (финансовый) капитал (запас)
Оборачиваемые запасы	Предприятия (запас)	Природный п. (запас)	Природный ресурс (запас)	Денежная (финансовая) в. (запас)	Нематериальный и материальный капитал (запас)
Природные запасы	Природный резерв (запас)		Строительный ресурс (запас)	Кадровая в. (запас)	
			Военный ресурс (запас)		

Понятие «запас» не является полным синонимом ни одному из исследуемых понятий. Из 28 рассмотренных нами словосочетаний (случаи не выявленной на данном этапе синонимичности из дальнейшего рассмотрения исключены), в которых употребляется слово «запас», максимальная неполная синонимичность наблюдается со словосочетаниями понятия «ресурс» – 27, далее «потенциал» – 24, «резерв» – 18, «возможность» – 15, минимальная – «капитал» – 9.

Этап 3. Присвоили каждому понятию шифр (для упрощения работы с полученными 6 таблицами): «возможность» – 1, «запас» – 2, «капитал» – 3, «потенциал» – 4, «резерв» – 5, «ресурс» – 6. Все словосочетания, обнаруженные в процессе попарного сопоставления, были вынесены в левый столбец, случаи синонимичности или неполной синонимичности отмечены знаком «+» (см. табл.: 2, сокращенно).

Таблица 2 Случаи синонимичности или неполной синонимичности словосочетаний различных понятий

ЗАПАС (шифр 2)						
(сопоставление смыслового поля определения «запас» со смысловыми полями некоторых иных понятий)						
«Запас» Рассматриваемые категории	2-1 Запас - Возможность	2-2 Запас- Запас	2-3 Запас - Капитал	2-4 Запас — Потенциал	2-5 Запас - Резерв	2-6 Запас - Ресурс
Административный	+	+				+
Аудит (запасов)		+				
Безопасности	+	+		+	+	+

Этап 4. Провели сравнение 6 полученных таблиц между собой. В левый столбец были вынесены все исследованные словосочетания (135), относящиеся к каждому понятию в отдельности и в той или иной степени синонимичные какому-либо / каким-либо другим. Это дало возможность увидеть общую смысловую картину синонимичности всех понятий со всеми присущими им характеристиками и словосочетаниями, в которых они используются для описания жизнедеятельности человека и сообществ по направлениям. Интересно, что исключенные ранее словосочетания, не обнаружившие на синонимичности втором этапе, на этапе 4, при сведении их воедино проявились и оказались встроенными в основной столбец. Это дает нам право констатировать практически исчерпывающее количество словосочетаний, использующихся с рассматриваемыми понятиями, описывающих различные сферы жизнедеятельности человека и социальных сообществ; констатировать исчерпывающее описание взаимосвязей исследуемых понятий. В таблице 3 смысловое поле одного понятия, рассматриваемое по отношению к смысловому полю другого понятия, обозначается дробью.

Таблица 3 Показатели синонимичности словосочетаний

Рассматриваемые категории	1 1	1 2	1 3	1 4	1 5	1 6	2 1	2 2	2 3	2 4	2 5	2 6	3 1	3 2	3 3	3 4	3 5	3 6	4 1	4 2	4 3
Административный	+			+	+	+	+	+				+									
Аккомодации																					
Атеистический																					

Этап 5. Принимая во внимание то, что количество словосочетаний, рассмотренных применительно к каждому понятию, не одинаково, а также для удобства проведения дальнейшего исследования, мы заменили количественные показатели выявленных соотношений процентными. Представленные ниже в таблице 4 процентные соотношения демонстрируют: 100% – полное совпадение, 0% – совпадений нет.

Таблица 4 Процентные соотношения показателей синонимичности словосочетаний

Понятие	Кол-во словосочетаний	Возможность	Запас	Капитал	Резерв	Ресурс	Потенциал
Запас	100%	53,6%	100%	32,1%	64,3%	96,4%	85,7%

Этап 6. Представили полученную таблицу графически, что дало наглядное изображение поля понятия во взаимоотношении с другими исследованными понятиями. По осям, обозначенных понятиями, заданы значения полученных процентных соотношений (рис. 1).

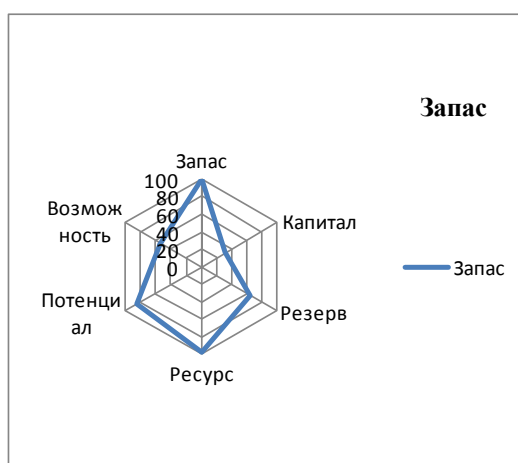

Рисунок 1 – Графическое представление показателей синонимичности словосочетаний

Этап 7. Результаты, полученные относительно каждого понятия на всех предыдущих этапах исследования, приведены в таблице 5.

Таблица 5 Сводная таблица результатов, полученных на этапах 1-6 исследования

Понятие	Возможность	Запас	Капитал	Резерв	Ресурс	Потенциал
Возможность	100%	53,6%	52,0%	28,0%	94,4%	36,0%
Запас	57,1%	100%	44,0%	56,0%	75,0%	92,0%
Капитал	60,0%	32,1%	100%	44,0%	33,3%	44,0%
Резерв	77,1%	64,3%	64,0%	100%	38,9%	92,0%
Ресурс	77,1%	96,4%	76,0%	80,0%	100%	96,0%
Потенциал	82,2%	85,7%	64,0%	44,0%	66,7%	100%

Этап 8. Представили обобщенные результаты табл. 5 диаграммой (рис. 2).

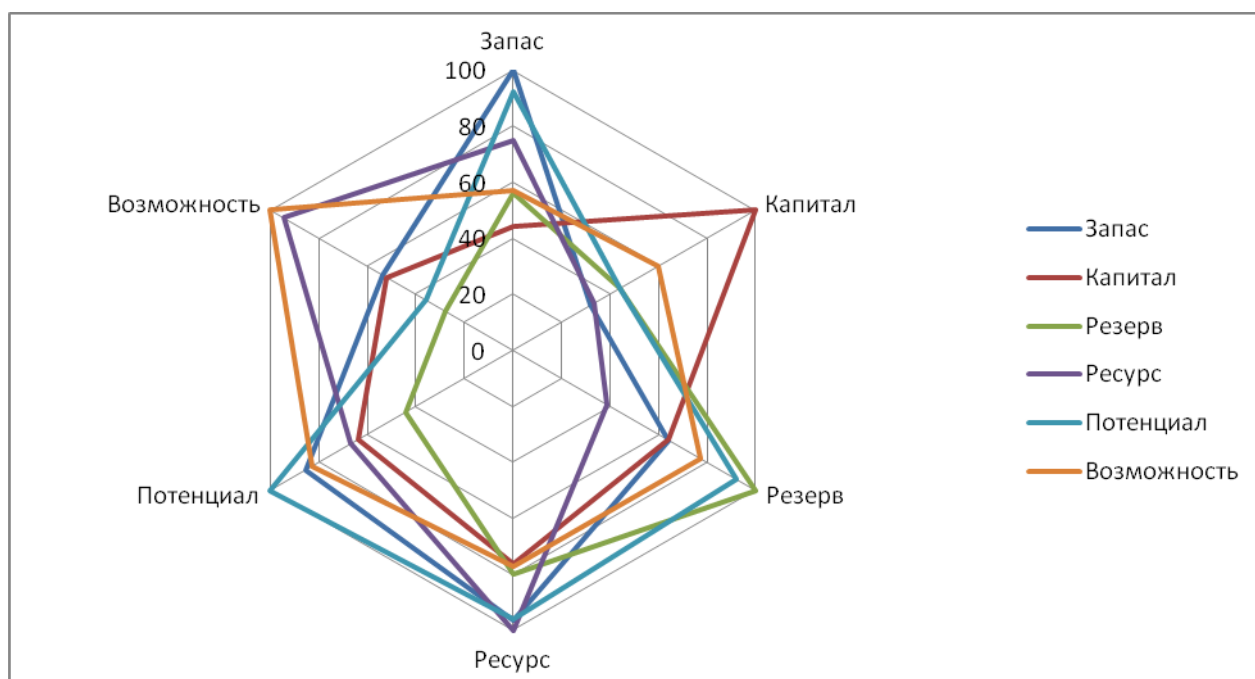

Рисунок 2 — Графическое представление, полученных на этапах 1-6 исследования

Этап 9. Посчитали проценты общего поля (придадим ему значение 100%), занимаемые объемом каждого поля понятия, и построим Рисунок 3 — «иерархии» исследуемых понятий по объему их полей.

Запас $(100+57,1+60+77,1+77,1+82,8)/6=75,7$ (%) и т.д.

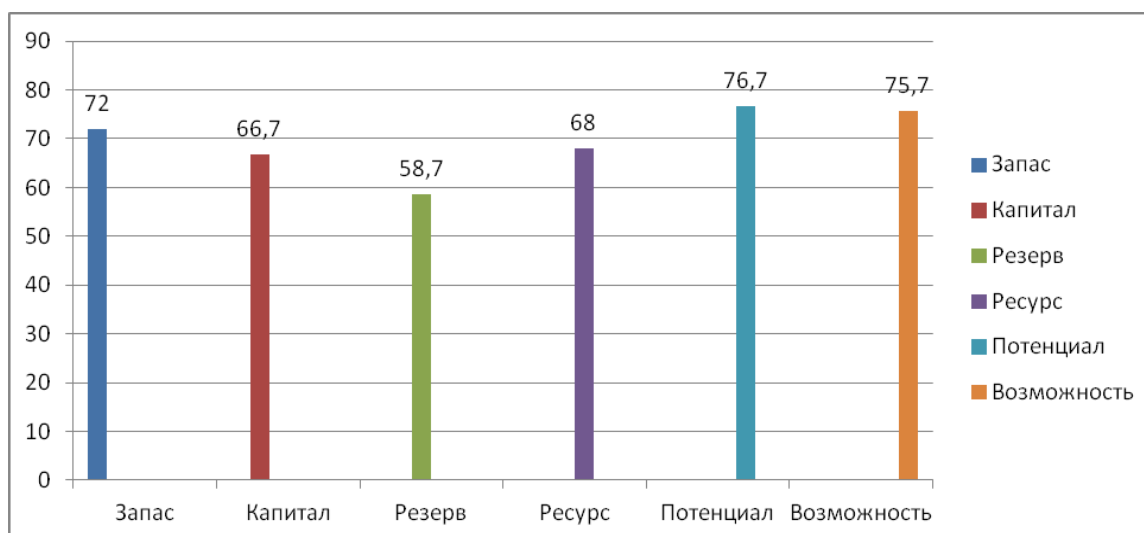

Рисунок 3 — Иерархия исследуемых понятий по объему их полей

- 8 Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. — 4-е изд., дополненное. — М.: Азбуковник, 1999; www.slovarda1; Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С. А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000; Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения / Под ред. Г.Н. Складерской. СПб., 2000; Абрамов Н. Словарь русских синонимов и сходных по смыслу выражений: Около 5 000 синонимических рядов. Более 20 000 синонимов — 7-е изд., стереотип. — М.: Русские словари, 1999; словари с сайта <http://dic.academic.ru/>; <http://ru.wikipedia.org> и др.
- 9 <http://diss.rsl.ru/>.
- 10 <http://www.yandex.ru/>; <http://www.google.ru/>.

М.А. Лагутина, Р.С. Кузнецов
ЖКХ — СРЕЗ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

КУЗНЕЦОВ Роман Сергеевич — руководитель Исследовательского центра «ДИСКУРС». E-mail: roman@c-discurs.ru.

ЛАГУТИНА Мария Александровна — заместитель руководителя по управлению проектами Исследовательского центра «ДИСКУРС». E-mail: mariya@c-discurs.ru

Формализация социальных отношений приводит к различным последствиям, которые сложно прогнозировать на стадии разработки регламентированных норм. Для получения обратной связи о функционировании того или иного положения российское государство в последние годы стало активно проводить социологические мониторинги качества предоставления государственных услуг. С введением существенных поправок в Жилищный кодекс Российской Федерации¹ прошло больше года, данные нижеприведенного исследования показывают сложившиеся отношения среди наиболее заинтересованных участников взаимодействия в сфере ЖКХ. Ставится проблема обоснованности и релевантности построения теоретических интерпретаций эмпирических данных, на основании использования качественного метода исследования.

В 2012 г. Исследовательским центром «ДИСКУРС» был проведен мониторинг качества предоставления государственных услуг в одном из крупных городов России. Методами исследования выступили включенное наблюдение и экспертное интервью. В обсуждении проблем ЖКХ приняли участие руководитель крупной домоуправляющей компаний (ДУК) города, председатель дома и начальник жилищной инспекции по городу. В ходе исследования также был рассмотрен случай выезда комиссии административно-технического надзора на место жалоб по заявлению жителей, методом включенного наблюдения.

В ходе проведенных экспертных интервью было представлено три взгляда компетентных в сфере ЖКХ лиц, по исследуемому вопросу. Начальник городской жилищной инспекции указывал на следующие проблемы с рассмотрением жалоб и в целом по ситуации с жилищным фондом города:

- рост документооборота с сохранением численности сотрудников;
- увеличение жалоб информационного характера, которые требуют больше юридической подготовки для ответа;
- изменение в Жилищном кодексе системы финансирования, заменяющий, так называемый «котловой метод» финансирования текущего ремонта, на индивидуальный метод «каждому дому свой счет»;
- заинтересованность домуправляющих компаний в капитальном ремонте в ущерб текущего ремонта.

¹ ФЗ РФ от 04.06.2011 N 123-ФЗ «О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Официальный сайт Российской Газеты. <http://www.rg.ru/2011/06/07/zhilkodeks-dok.html> (дата обращения: 14.02.13).

Руководитель домуправляющей компании в ходе исследовательского интервью² обозначил следующие существующие трудности и недостатки в работе:

- невозможность применения активных мер по ремонту, без проведения процедуры собрания жильцов, их голосования. В связи с этим часто происходят разногласия между самими жильцами в выборе вида текущего ремонта;
- увеличение законодательно прописанных барьеров в новом жилищном кодексе, как следствие увеличение расходов компании на услуги юристов;
- некомпетентность жильцов в решениях тех или иных хозяйственных вопросов;
- действия жильцов в отношении проведения несогласованных изменений в квартире по установке кондиционеров, изменению системы отопления и т.д., что ведет к понижению прочности всего строения;
- высокие штрафы за неисполнение распоряжений инспекций, подчас необоснованные, из-за чего ДУКи вынуждены часто обращаться в суд.

Председателем дома, участвующий в исследовании, также выделил ряд проблем с позиции потребителей услуг ЖКХ:

- неквалифицированная работа сотрудников домуправляющих компаний;
- для решения какого-либо вопроса по ремонту с домуправляющей компанией жильцы вынуждены обращаться в надзорные государственные органы;
- желание домуправляющих проводить несвоевременные дорогостоящие работы, стараясь получить большую прибыль.

Описанная ситуация конфликта интересов, проявилась с вступлением в силу нового Жилищного кодекса РФ в 2011 г. Изменения, направленные на улучшения качества предоставления услуг ЖКХ, привели к ухудшению ситуации в данной сфере. Если проанализировать поправки к Жилищному кодексу, то как один из методов для более эффективной работы и предоставления качественных услуг может стать запрет частному лицу подавать жалобы в инспекции, обращаться в суд, в ДУК по вопросам ЖКХ. Эти функции оставить только у совета дома и их председателей. Убрав отдельного человека из процесса взаимодействия, система способна перейти на более высокий уровень кооперации.

Введенный принцип подомового финансирования стимулирует социальное расслоения, увеличивает процесс обветшания неблагополучного жилья. Собственники жилья из малоквартирных, старых домов с помощью ежемесячных взносов не в силах оплатить текущий ремонт для надлежащего сохранения строения. В связи с этим состояние дома ухудшается, его переводят в категорию, требующего капитального ремонта. Финансирование капитального ремонта выделяется из бюджетных средств. Как сообщил министр регионального развития РФ: «Две трети многоквартирных домов в РФ нуждаются в капитальном ремонте, чтобы отремонтировать такой объем жилья нужно 3,6 трлн рублей... у

² Квале С. Исследовательское интервью. — М., 2003.

нас есть шанс решить проблему недоремонта жилого фонда в течение ближайших 30 лет»³. Собственники недорогого, ветхого жилья становятся заложниками поправок в Жилищный кодекс, который заставляет их терпеть неудобства при ожидании капитального ремонта. В свою очередь домуправляющая компания не имеет право взять средства со счета другого дома для оперативного ремонта «ветхого» жилья, т.к. «котловой» метод обслуживания жилья отменили, а подобное самовольное распоряжение средствами строго наказывается. При этом ДУКи заинтересованы в капитальном ремонте, т.к. выделяется государственное (муниципальное) финансирование на работы с большей рентабельностью.

Другим аспектом либерализации жилищного законодательства выступают прописанные формы отношений советов дома и домуправляющих компаний при сокращении роли государства. По увеличению количества жалоб в органы исполнительной власти можно констатировать, что в сознании жильцов исполнительная власть имеет большее значения в поиске защиты их интересов, чем судебная.

Тенденции индивидуализации российского общества приводят к тому, что ценность улучшения условий в собственной квартире выше сохранности всего дома. Есть примеры, когда нижние этажи дома выступали за ремонт подъезда, а верхние за ремонт крыши, вследствие чего голосованием не могут прийти к компромиссу. Российское законодательство в каких-то моментах следует современным тенденциям, но и конструирует их. Что подтверждает пример жилищного кодекса построенного по принципу «человек человеку волк».

Таким образом, рассмотренная ситуация приводит к сохранению накопленных денежных средств у новых домов, ускоренного процесса обветшания старого жилищного фонда, увеличению расхода государственных ресурсов на ЖКХ, увеличения юридических споров, сокращения эффективности предоставления жилищно-коммунальных услуг.

Данные были получены качественным методом сбора данных, интерпретация основана на нестрогом принципе восхождения «от конкретного к абстрактному», что может снижать ценность построенной модели. Однако считаем необходимым отметить, что полученные и проинтерпретированные данные предоставляют информацию, способствующую решению рассматриваемой проблемы.

³ Официальный сайт РИА Новости. <http://ria.ru/economy/20130129/920334545.html> (дата обращения: 14.02.13).

А.А. Ловкова

ОБЩЕСТВЕННАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК СПОСОБ РАЗВИТИЯ ПУБЛИЧНОЙ СОЦИОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ ВКЛЮЧЕННОГО НАБЛЮДЕНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОБЩЕСТВЕННОГО СОВЕТА ПРИ ДУМЕ г.о. ТОЛЬЯТТИ)

ЛОВКОВА Анастасия Анатольевна — кандидат социологических наук, заведующая кафедрой управления Тольяттинского филиала РАНХиГС. E-mail: lovkova_aa@mail.ru

В демократическом обществе существует прямая зависимость между законодательством и общественным мнением. Общество нельзя оставлять за бортом процесса принятия решений, которые в итоге оказывают влияние на это общество. Конституция РФ предусматривает необходимость обеспечения законного права граждан на участие в управлении делами государства. Такое участие может иметь различные формы и осуществляться различными способами.

В этом контексте общественную экспертизу можно рассматривать как форму реализации конституционных прав граждан на участие в управлении делами государства через организацию общественного обсуждения и через выработку предложений по совершенствованию управленческих решений, принимаемых на различных уровнях государственной власти и местного самоуправления [1, с. 4].

Анализ современного российского законодательства показывает, что все более востребованы экспертные процедуры и развиваются механизмы общественного влияния на решения, принимаемые органами власти в социальной и иных сферах, непосредственно затрагивающих интересы населения. Прогноз социальных последствий, которые должны наступить в обществе от принятия того или иного нормативного акта, разрабатывается далеко не всегда, хотя это крайне необходимо с точки зрения внутренней и внешней безопасности российского общества.

Привлечение социологов к общественной экспертизе является в настоящее время эпизодическим явлением особенно в региональном и муниципальном контексте. У муниципальных образований не достаточно средств, что бы проводить социологические исследования, что ведет к нарушению обратной связи с населением и снижает эффективность государственного и муниципального образования.

Основной смысл проведения общественной экспертизы — поиск вариантов решений социально значимых проблем, оптимизация этих решений, оценка реакции различных социальных групп на возможные варианты решений, прогнозирование и планирование социальной или управленческой деятельности. Эта деятельность невозможна без участия профессиональных социологов.

На протяжении полутора лет, с июля 2011 г. по декабрь 2012 г., мы проводили включенное наблюдение за деятельностью Общественного совета при Думе г.о. Тольятти.

Включенное наблюдение было структурировано по схеме предложенной американским социологом Дж. Спредли [4, с. 78]. В структуру наблюдения вошли такие пункты как пространство, люди (участники), цель действий, действия людей, время и чувства.

Пространство. Общественный совет был создан как постоянно действующий коллегиальный экспертно-консультативный и совещательный орган. Заседания совета

проходят в здании Думы г.о. Тольятти, что придает работе совета более официальный характер.

Участники. В начале, в совет вошли представители 78 некоммерческих организаций (персональный состав утвержден решением президиума от 26.10.2011 № 1). За изучаемый период к деятельности Совета присоединились 32 некоммерческих организации. Таким образом, в состав Совета на конец изучаемого периода входят 110 некоммерческих организаций [2]. Представительство научного сообщества не предусмотрено, что на наш взгляд снижает эффективность деятельности данного учреждения. Но, один представитель самарского регионального отделения «РОС» принял участие в деятельности совета, так как она является некоммерческой организацией. К участию в деятельности совета так же привлекаются депутаты Думы г.о. Тольятти. Председателем Общественного совета является председатель Думы. Один из заместителей Председателя Общественного совета так же является депутатом Думы. В работе комиссий неоднократно принимали участие руководители департаментов мэрии г.о. Тольятти, что свидетельствует о значимости деятельности совета. Представители негосударственных некоммерческих организаций очень хорошо знают сферу своей деятельности и запросы той социальной группы, которую представляют. На наш взгляд муниципальное управление больше всего нуждается в системном подходе к проблемам местного сообщества, переходе от политики «латания дыр» к стратегическому управлению, которые почти не проявились в деятельности общественного совета. Для решения этой задачи нужно научное сопровождение деятельности совета, обличение пожеланий жителей в систему удовлетворения их потребностей.

Цель действий. Совет создан с целью формирования системы взаимодействия Думы и НКО в процессе [3]:

- планирования нормотворческой деятельности Думы;
- разработки и обсуждения проектов нормативных правовых актов Думы, проектов законов Самарской области, разрабатываемых для внесения в порядке законодательной инициативы в Самарскую Губернскую Думу, проектов федеральных законов и законов Самарской области, поступивших для рассмотрения и внесения предложений в Думу городского округа Тольятти (далее – проекты нормативных правовых актов и законов);
- организации и проведения «круглых столов», депутатских слушаний, иных мероприятий Думы.

Общественная экспертиза законодательных и нормативно-правовых актов должна содержать анализ латентных функций и описание социального эффекта их реализации. Именно в этом могут быть полезны социологи.

Анализируя задачи, поставленные перед советом, следует отметить, что две из них невыполнимы без привлечения профессиональных социологов. Первая – изучение мнения общественности о наиболее важных проблемах городского округа и деятельности органов местного самоуправления. Вторая – участие в проведении общественного мониторинга реализации нормативных правовых актов Думы.

Действия людей. За время деятельности общественного совета ни разу не проводились социологические исследования ни по первой, ни по второй задачам. Автор

данной статьи как член совета пытался не однократно инициировать такие исследования, что не нашло поддержки.

Члены Совета приняли участие в публичных слушаниях по проекту бюджета городского округа Тольятти на 2012 г. и на 2013 г., при этом сформировали 11 вопросов и 15 конкретных предложений по доработке проектов бюджета (10 и 9 в 2011 г., 1 и 6 в 2012 г. соответственно). Все предложения полностью учтены в протоколах публичных слушаний [2].

Комиссиями и рабочими группами Совета изучена информация мэрии о ходе выполнения в 2011 г. ряда целевых программ городского округа Тольятти, принятых в отраслях социальной сферы, подготовлено 9 заключений Общественного совета по целевым программам [2].

Подготовлены и представлены в Думу изменения в документы, регламентирующие работу Общественного совета, в части внедрения механизмов общественной экспертизы и общественного мониторинга.

Действия совета зачастую были продиктованы аппаратом Думы. Программы рассматривали те, которые предлагали на рассмотрение, наказ мэру написали опять же по предложению сотрудников Думы.

Время и чувства. Комиссии Общественного совета собираются не реже чем раз в месяц. Этот интервал достаточен для плодотворной работы. Представители НКО зачастую за какими-то своими требованиями не видят системы управления в целом, не видят трудностей принятия управленческих решений, им сложно войти в ритм бюджетного процесса и здесь могла бы помочь интеграция с научным сообществом

Общественный совет — это способ накопления в сообществе социального и человеческого капитала. Социолог должен занимать активную гражданскую позицию и участвовать в этом процессе.

Литература:

- 1 Информационно-методическое пособие для активистов и организаций гражданского общества по проведению общественной экспертной оценки. Сост. Т.В. Макарова, В.Б. Иглин, А.Г. Арсенихин. — Тольятти. 2007. — 101 с.
- 2 Отчет о деятельности Общественного совета при Думе городского округа Тольятти за период с июля 2011г. по ноябрь 2012г. // Приложение № 1 к решению Общественного совета при Думе от 29.11.2012 № 5.
- 3 Положение об Общественном совете при Думе г.о. Тольятти // Приложение 1 к решению Думы от 06.07.11 № 614.
- 4 Spradley J.P. Participant observation. N.Y.: Holt, Rinehart and Winston, 1980.

С.Н. Макаров

ОБЪЕКТИВИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ

МАКАРОВ Сергей Николаевич – кандидат социологических наук, доцент, Смоленский филиал РАНХиГС. E-mail: snmak75@mail.ru

Институт государства, как и любая подобная социальная конструкция, призван обслуживать потребности общества. В качестве одного из важных аспектов, обеспечивающих эффективность деятельности социального института, выступает характер отношений, в которые вступают материальные носители институциональных функций, в нашем случае – сотрудники органов государственной власти. В исследовании мы сконцентрируемся на исполнительных органах государственной власти. Это связано с ярко выраженным организационным построением данной ветви государственной власти, менеджерским характером отношений и широким срезом контактов с населением – потребителями государственных услуг.

Если описывать характер изучаемых взаимодействий, это управленческие взаимодействия, а если говорить о социальных субъектах этой активности, это индивиды, являющиеся носителями статусных наборов: руководитель, подчиненный.

Качество управленческих взаимодействий зависит от характеристик индивидов, вступающих в эти взаимодействия. Эти характеристики имеют социально-психологическое происхождение, в основании которого находятся ментально обусловленные свойства индивидов.

Оценка значимости данных характеристик может реализовываться в двух направлениях. Первое направление анализа целесообразно проводить, исходя из вторичного анализа данных уже проведенных социологических исследований и собранных статистических данных [1]. Второе направление – определение социальных показателей, их степени значимости для участников управленческих взаимодействий – должно быть результатом проведения отдельного социологического исследования.

В настоящее время традиционными показателями объективности социологических данных являются следующие характеристики респондентов: пол, возраст, организационный статус, уровень образования, профессиональный стаж. Нельзя не упомянуть и религиозную принадлежность как характеристику, объективно существующую в мультикультурном (и поликонфессиональном) обществе.

Важным этапом при сборе эмпирического материала является выбор метода, который позволит оценить степень влияния каждой из характеристик. Современная социологическая наука обладает целым набором методик, которые в зависимости от исследовательской целесообразности способствуют сбору объективной информации. Исходя из оперативной целесообразности, наиболее адаптивным, на наш взгляд, является метод экспертных оценок.

В нашем случае мы сформировали две группы экспертов. В первую группу вошли индивиды – сотрудники органов исполнительной власти, которые занимают в организации управленческие должности и, таким образом, являются перманентными активаторами актов управления. Во вторую группу были включены индивиды – сотрудники органов исполнительной власти, которые не являются руководителями, но, безусловно, влияют на

управленческую практику, и во многом от них зависит техническое исполнение управленческой воли.

Результаты исследования показали значимость выделенных социальных характеристик для анализа управленческих взаимодействий. Данные, полученные от респондентов, занимающих руководящие должности, продемонстрировали следующее распределение (рис. 1).

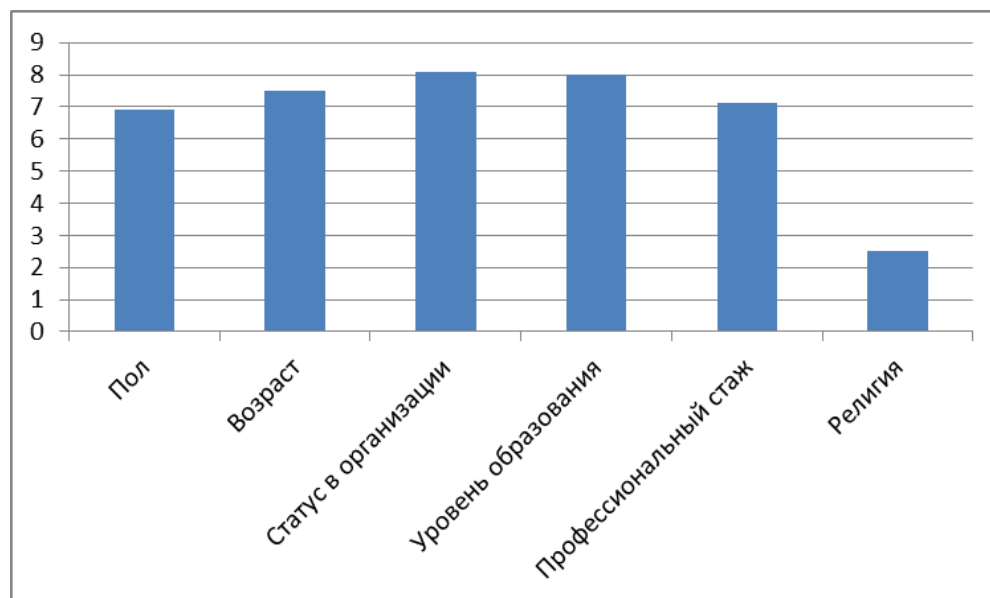

Рисунок 1 — Распределение данных социальных характеристик экспертов
 Горизонтальная ось — социальная характеристика.
 Вертикальная ось — количество баллов.

На рис. 1 видно, что значимыми показателями обладают все исследуемые характеристики, за исключением показателя «религиозная принадлежность». Во многом это соответствует распространенным представлениям статистически значимого большинства управленцев-практиков об универсальности процесса управления, светскости государства и приоритете традиционных моделей управленческих взаимодействий в системе органов исполнительной власти.

Данные, полученные от экспертов, занимающих неруководящие должности, продемонстрировали следующее распределение (рис. 2).

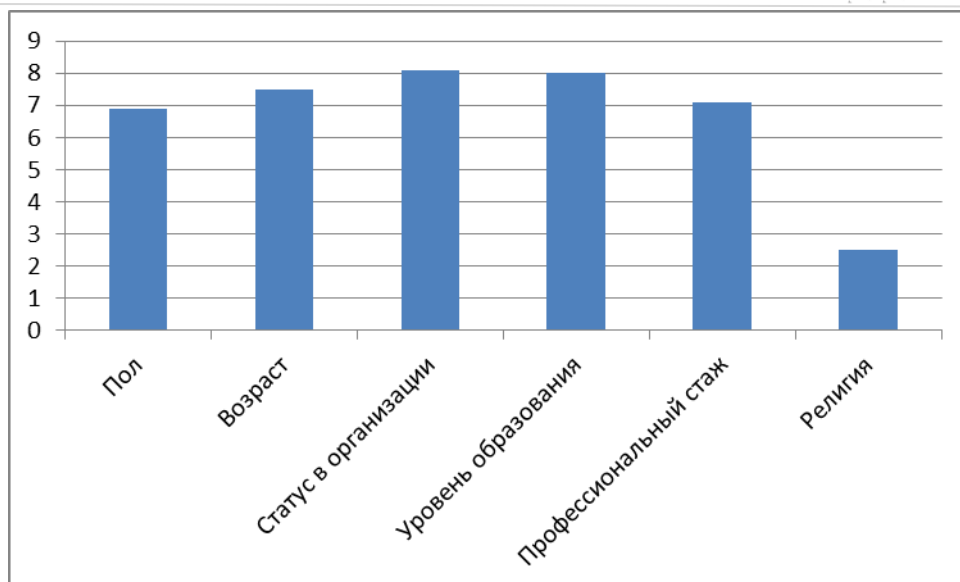

Рисунок 2 — Распределение данных социальных характеристик экспертов
 Горизонтальная ось — социальная характеристика.
 Вертикальная ось — количество баллов.

При сравнении данных, представленных на обоих рисунках, можно сделать вывод, что принципиальных различий между точкой зрения руководителей и подчиненных не отмечается. Во многом это обусловлено общей организационной культурой, в которую включены респонденты. Однако в нашем исследовании важно, что эти показатели социальных характеристик экспертов коррелируют между собой и, таким образом, мы можем преобразовать два блока данных в некую сводную совокупность, которая достоверно отражает важные социальные характеристики субъектов управленческих взаимодействий (рис. 3).

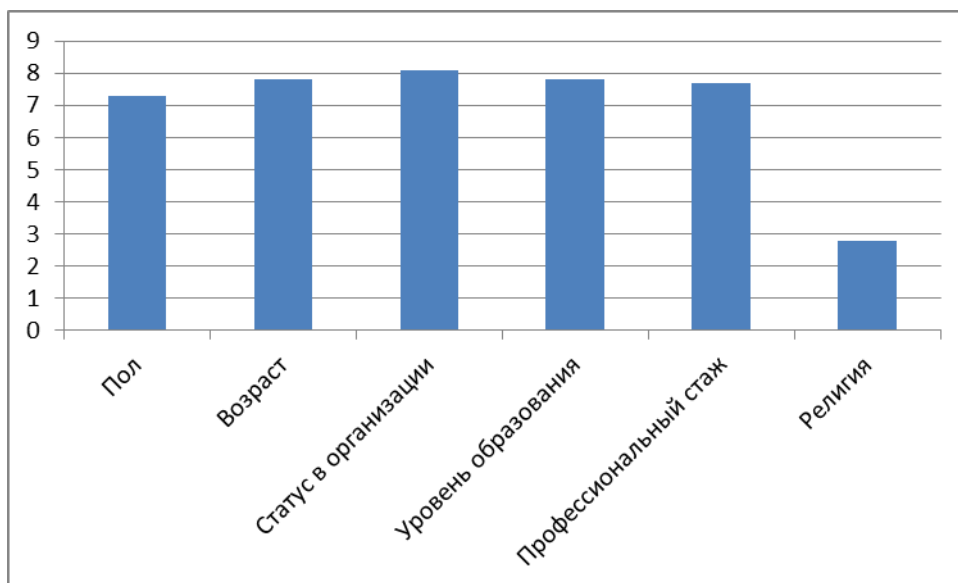

Рисунок 3 — Сводные данные социальных характеристик экспертов
 Горизонтальная ось — социальная характеристика.

Вертикальная ось – количество баллов.

Таким образом, иерархия значимости социальных характеристик сотрудников органов исполнительной власти имеет следующую последовательность (последовательность формируется по принципу: от более значимой характеристики к менее значимой):

- 1 статус в организации;
- 2 уровень образования, возраст;
- 3 профессиональный стаж;
- 4 пол;
- 5 религиозная принадлежность.

Из данного перечня целесообразно исключить религиозную принадлежность, так как она не обладает статистически значимыми показателями при эмпирической проверке.

Результаты данной работы могут быть использованы при подготовке методологических основ социологических исследований органов исполнительной власти. Также данные закономерности можно применять в системе кадровой работы, например, в ходе комплектования рабочих коллективов.

Литература:

- 1 Федеральный портал управленческих кадров. URL: <http://rezerv.gov.ru>

М.Ю. Мирошник
ИМИДЖИ И ОБРАЗЫ ПОЛИТИКОВ И ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ
В СТАВРОПОЛЬСКОМ КРАЕ

МИРОШНИК Марина Юрьевна — студент кафедры социологии и теологии Северо-Кавказского Федерального университета. E-mail: miroshnik_marina@list.ru

Изучение имиджа политиков и политических партий, а также выяснение влияния имиджа и образа политика и политических партий на создание позитивного отношения у населения и на результаты голосования в современной политической жизни является актуальной проблемой, ведь имидж один из факторов, позволяющий предугадать ход предвыборной кампании и результаты выборов. В связи с этим с исследовательской позиции достаточно интересно проследить динамику политических предпочтений населения с целью выявить влияние имиджа и образа политиков и политических партий на изменение политических предпочтений граждан.

Первой задачей для выяснения представления молодежи об успешном политике является составление характеристики образов политических лидеров согласно мнению населения.

По результатам социологического исследования, отличительная характеристика Путина В.В., лидера партии «Единая Россия», сложившаяся у молодого населения края (как сторонников, так и неопределившихся) позитивная и устойчивая, вследствие чего наблюдается тенденция к росту числа сторонников, а так же можно отметить, что подавляющее большинство респондентов (80%) на предыдущих выборах голосовали за этого политика. В Ставропольском крае сложился следующий образ политического лидера: 40% респондентов отметили главной чертой личностной характеристики — оптимизм; 20% — энергичность; 20% — заботливость; 20% — основательность, 17% — патриотизм; 17% — обаятельность; 12% — фальшивость; 7% — пустословие.

В данном случае имидж Путина В.В. показывает человеческие характеристики для приближения политика к населению, воздействуя на электоральное поведение.

При изучении отношения молодежи края к лидеру партии КПРФ Г.А. Зюганову выяснилось, что только 10% молодежи придерживаются его политических взглядов, остальные 90% его сторонников это люди старшего поколения, причем уровень образования и уровень доходов сторонников этой партии существенно ниже по сравнению со сторонниками «Единой России» и ЛДПР. Сложившийся образ политика, как у сторонников, так и у не определившихся — негативный и неустойчивый. Видимые тенденции к изменению численности электората (росту или оттоку голосов) отсутствуют, что означает, что на протяжении годов образ и имидж Зюганова Г.А. не подвергался изменениям. В рейтинге личностных характеристик лидера партии КПРФ наиболее часто употребляются качества: патриотизм — 43%; оптимизм — 22%; заботливость — 14%; энергичность — 11%; основательность — 11%; пустословие 35%; фальшивость — 11%.

Имидж Зюганова Г.А. направлен на приближение политика к населению, но исходя из данных исследования, этот образ в большинстве своем привлекает внимание старшего поколения населения Ставропольского края и вызывает у них заинтересованность в его политических взглядах.

При рассмотрении молодежью лидера партии ЛДПР Жириновского В.В. как политического деятеля, оказалось, что подавляющее большинство его сторонников, это мужчины, занимающие социально активную позицию. Сложившийся образ политической партии и ее представителя — позитивный, но не устойчивый. Так же отмечено, что увеличение, также как и отток числа сторонников, зависит от отношения населения к действующей власти. Рассматривая сложившийся имидж политического деятеля, выяснилось, что население выделяет такие личностные качества Жириновского В.В. как: энергичность — 35%; оптимизм — 32%; патриотизм — 30%; обаятельность — 17%; основательность — 15%; артистизм — 15%; пустословие — 13%. бескомпромиссность — 11%; фальшивость — 8%.

Такой сложившийся образ политика привлекает то население, которому в настоящий момент не хватает динамики, активности и эффективности.

Таким образом, результаты исследования позволили выявить основные предпочтения молодых сторонников различных политических партий. Позитивно в образах политиков молодежью оцениваются следующие качества личности: оптимизм, патриотизм, энергичность, основательность, заботливость, обаятельность. Негативно — пустословие, фальшивость, бескомпромиссность.

В совокупности эти качества дают представление об отношении молодежи к тому или иному политику, а также показывают влияние созданного имиджа на численность электората.

Также удалось выяснить, что имидж в политике способствует созданию позитивного отношения у конкретной возрастной, социально и политически активной группы к той или иной политической фигуре. Имидж и образ политика выступает «связующим звеном» между ним и его сторонниками, а также не определившимися в приверженности тому или иному политическому взгляду. В создании имиджа не маловажную роль играет не только образ «настоящего», но и образ политика в прошлом.

Е.Р. Мкртчян

ИННОВАЦИОННЫЕ ПРОЦЕССЫ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РОССИИ ГЛАЗАМИ СОТРУДНИКОВ СОЦИАЛЬНЫХ СЛУЖБ (НА ПРИМЕРЕ ГОРОДА ВОЛГОГРАДА)

МКРТЧЯН Елена Рафаэловна — кандидат социологических наук, доцент кафедры философии и социологии Российской академии народного хозяйства и государственной службы при президенте РФ» Волгоградский филиал. E-mail: melenar@mail.ru

В условиях рынка никакие инвестиции не могут гарантировать конкурентоспособность учреждения без качества его услуг. На достаточно насыщенном рынке социальных услуг в России успех конкурентной борьбы предопределяет качество обслуживания клиентов. В вопросах социальной защиты населения (ухода за старшим поколением и реабилитации людей с ограниченными возможностями) у российских специалистов учреждений социального обслуживания населения есть определенные навыки и знания, накоплен огромный опыт.

В современных условиях возникают новые требования к профессионализму социального работника, к которым относятся рефлексивная практика, т.е. сочетание мысли и дела и подход, основанный на фактах [1, с. 27.]. Современная практика социальной работы характеризуется высокой степенью непредсказуемости и противоречивости, поэтому отечественные социальные работники должны изменить традиционное снисходительное отношение к качеству своей работы и постоянно подвергать анализу знания, практику с точки зрения здравого смысла. Без активного и заинтересованного участия самих работников социальных служб в обеспечении качества социальных услуг, без мотивации персонала социальных служб обеспечить качественный социальный сервис нереально. Это актуализирует изучение отношения самих социальных работников к инновационным процессам в социальной политике, одним из которых является менеджериализация социального обслуживания населения через создание системы менеджмента качества и повышения эффективности социальных служб.

В октябре 2012 г. был проведен опрос среди сотрудников Центров социального обслуживания населения 7 районов города Волгограда с целью выявления установок социальных работников в отношении оценки качества и эффективности социального обслуживания, которые стали основой новой идеологии и практики оказания социальных услуг в России.

Выборка составила 84 человека, все женщины в возрасте от 25 до 55 лет. Из них 25% социальные работники, 21% специалисты по социальной работе, 50% заведующих отделениями. Стаж работы от 2 месяцев до 20 лет, средний стаж работы в сфере социального обслуживания — 9 лет и 3 месяца. Большинство респондентов оказывает консультационно-правовые услуги (60%), ведением документации занимаются 75% и контролем качества предоставляемых услуг 25%; исключительно предоставлением социально-бытовых услуг занимаются 40% опрошенных.

Одним из важнейших показателей эффективности социальной работы является доступность предоставляемых услуг. Проведенный опрос показал, что 86% опрошенных работников социальных служб считают услуги, предоставляемые их учреждениями

доступными тем, кому они необходимы, а 14% с этим не согласны. Среди факторов препятствующих доступности социальных услуг на первом месте оказалось низкое качество технической оснащенности работников (46%), недостаток квалифицированных кадров в социальных службах и нежелание клиентов что-то делать самим 42%, нехватку работников в социальных службах, заявительный принцип оказания услуг- 25%, недостаточное количество социальных служб отметили 25%, слабую обеспеченность транспортом 17% и недостаточное финансирование учреждений системы социальной защиты населения 4% .

Сотрудники учреждений социальной защиты считают, что социальное обслуживание можно считать эффективным, если обслуживание достигает поставленных целей (79%), улучшается самочувствие клиента (63%), негативные тенденции в обществе стабилизируются, ухудшения не происходит, а стоимость услуг приемлема (по 38%) и расходы на обслуживание целесообразны (17%).

Важнейшим показателем качества социального обслуживания населения является организация процесса оказания услуг, которая включает разные параметры и виды деятельности. По мнению подавляющего большинства опрошенных обслуживание клиентов в организациях социальной защиты организовано по времени и удобно для клиентов (96%), регулярно оценивается и анализируется (92%), имеет четко сформулированную цель и назначение, а также ведется с учетом индивидуальных потребностей клиентов (по 88%), оказывает заметное положительное влияние на социально-экономическое положение и поведение клиентов (79%), не вызывает недовольство клиентов (58%) ведется в соответствии с современными принципами и технологиями (54%), ведется персоналом соответствующей квалификации (50%), концентрируется на профилактике (25%) и приводит к переходу трудоспособных получателей услуг (8%).

Проблему оценки качества работы в системе социального обслуживания населения 63% респондентов считают очень важной, 33% – скорее важной, чем неважной, и лишь 4% – скорее неважной, чем важной.

При этом, по мнению респондентов, главными субъектами оценки качества социального обслуживания должны быть клиенты социальных служб (96%), сотрудники учреждения (50%) и учреждение социальной защиты (38%), а также администраторы учреждения и жители района (по 25%).

В качестве механизмов контроля качества обслуживания 88% респондентов видит анонимный опрос клиентов, 79% респондентов согласны с беседами с клиентом во время проведения контрольных посещений на дому, 46% предпочли бы развивать систему взаимоконтроля работников, а 33% – совершенствовать отчетность сотрудников.

Характеризуя существующую систему оценки качества социального обслуживания, 87,5% респондентов считают, что деятельность по социальному обслуживанию в большинстве случаев достигает поставленных целей; 63% респондентов отметили отсутствие четких критериев оценки качества своей работы (это притом, что, по мнению респондентов, она проводится непосредственно руководством – 75% опрошенных).

К сожалению, оплата труда социальных работников, по мнению 79% респондентов, никак не коррелирует с качеством проделанной работы, так же как и мнение клиентов имеет минимальное значение в оценке качества работы (62,5%). Единственным положительным моментом, на который указали респонденты, является обсуждение в рамках коллектива организации способов улучшения работы сотрудников (71%) .

Социальные работники понимают, что систему оценки качества социального обслуживания необходимо совершенствовать, но при этом необходимо учитывать отзывы

клиентов (63%), связать величину оплаты труда с оценкой качества работы (58%), открыто обсуждать критерии оценки с привлечением всех сторон, включая клиентов (42%), либо поручить оценку работы специалистам со стороны (33%).

Нельзя отрицать, что качество социального обслуживания во многом зависит от личности социального работника, его мотиваций, знаний, опыта и т.д. По мнению 83% респондентов успешного социального работника отличает умение находить общий язык с клиентом (индивидуальный подход к клиенту); владение технологиями работы с клиентом и достижение целей социального обслуживания — по 46% опрошенных; наличие продолжительного опыта работы, обладание профессиональной интуицией, а также знание причин и характера социальных проблем (по 38%). Менее значительными представляются навыки правильного ведения документации, способность ладить с коллегами и умение показать свою работу с лучшей стороны (по 17% и 4% соответственно). Фиксируется ориентация определенной части социальных работников на конечный результат своей деятельности — на клиента, его благополучие, а не на сам процесс деятельности по социальному обслуживанию. Но их в новых условиях недостаточно. Вероятно, это связано с тем, что при оценке своего материального положения только 71% респондентов, оценивая свое материальное положение, отметили, что денег хватает на необходимое, но для крупных покупок приходится экономить, у 17% опрошенных денег хватает только на питание, ни на что другое не остается, а 8% едва сводят концы с концами и вынуждены ограничивать себя даже в еде.

Таким образом, при оценке эффективности собственной работы респонденты чаще склонны использовать (по нисходящей): целеориентированный, клиентоориентированный подход, подход с ориентацией на общее состояние и экономический подход. Для создания инновационной системы социального обслуживания населения необходима не только передовая технология, соответствующая материальная база, но и заинтересованный, мотивированный квалифицированный персонал, рациональная организация работ и хорошо отлаженное, умелое управление учреждением, в том числе и адекватная система оценки качества оказываемых услуг и его влияние на благосостояние самих социальных работников.

Рекомендации по повышению качества обслуживания населения основаны на принципе краудсорсинга, на мнении профессионалов, коими были опрошенные социальные работники. На вопрос о том, как повысить качество социального обслуживания населения 71% опрошенных советуют вышестоящим социальным управленческим структурам разработать более четкие инструкции и технологии работы по каждой социальной услуге, 46% считают, что необходимо более четко оговаривать цели социального обслуживания и способы их достижения, 46% предлагают повысить заработную плату социальным работникам, 42% регулярно повышать квалификацию сотрудников и 38% подчеркивают необходимость распространять положительный опыт работы среди сотрудников социальных служб.

Литература:

- 1 Оценка эффективности деятельности учреждений социальной поддержки населения / Под ред. П.В. Романова и Е.Р. Ярской Смирновой. Серия «Научные доклады: независимый экономический анализ». — М.: Московский

общественный научный фонд; Центр социальной политики и гендерных исследований, 2007.

А.В. Мозолин

ТЕХНОЛОГИИ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ ПОЛИТИКИ ОРГАНОВ ВЛАСТИ

МОЗОЛИН Андрей Владимирович – консультант Департамента специальных проектов Губернатора Свердловской области. E-mail: brains2@yandex.ru

В настоящее время одной из основных тенденций в государственном и муниципальном управлении является усиление внимания органов власти к технологиям информационного взаимодействия с населением. В свою очередь, это предполагает осмысление и оптимизацию методов аналитического обеспечения служб и подразделений властных структур, связанных с реализацией информационной политики.

Естественно, за последние годы в этой сфере был накоплен немалый опыт. Однако, как показывают результаты наших исследований, на сегодняшний день конечные получатели аналитической информации далеко не всегда удовлетворены качеством, глубиной и оперативностью получаемых данных.

В связи с этим, возникают вопросы, связанные, прежде всего, с основаниями и методиками для сбора и анализа подобной информации, а также — и это, на наш взгляд, является основным — цели и решения, которые должна обеспечивать данная аналитика.

Вот с этого главного вопроса и начнем.

Когда речь идет о разработке стратегии коммерческой компании, ответы на эти вопросы достаточно понятны — характеристики информации определяются тем, насколько она связана с обеспечением получения прибыли организации как в краткосрочной, так и в долгосрочной перспективе. Исходя из этого, мониторингу подлежат все объекты и процессы, которые могут повлиять на эти цели.

Применительно к деятельности органов власти мы можем воспользоваться той же логикой, но перед этим определимся с целями, поскольку они весьма отличаются от задач коммерческих организаций.

В самом общем приближении, мы можем говорить о двух основных целях. Во-первых, это сохранение социально-экономической и политической стабильности на территории, которая является объектом управления администрации. Во-вторых, обеспечение опять же социального и экономического развития этой территории.

Если мы оттолкнемся от этих целей как основы для постановки задач для информационно-аналитического обеспечения, то мониторингу должны быть подвержены все факторы, которые в той или иной мере влияют на стабильное функционирование социальной, экономической и политической сфер. Добавим сюда еще один компонент — общественное мнение населения (потребностно-мотивационная и эмоциональная сферы жизни людей), которое является системным фактором нормального состояния жизни территории.

При этом можно говорить о трех основных функциональных категориях, обуславливающих потребности органа власти в аналитической информации:

- 1 стратегические решения и действия, в том числе разработка стратегических планов** (подготовка прогнозов и сценариев возможных изменений в сферах,

- анализ потенциальных угроз реализации стратегии на макроуровне, анализ полугодовой, годовой динамики в экономике, социальной сфере и т.п.);
- 2 **информация «раннего предупреждения»**, в том числе инициативы крупных субъектов в экономической, политической, социальной сферах, действия правительства и т.д.;
 - 3 **описание основных игроков определенных сфер**, в том числе предприятия, компании и их руководители, СМИ, представители общественных и политических организаций, федеральные органы, потенциальные инвесторы и т.п.

Такое распределение по категориям может быть очень полезным для аналитиков, поскольку различные виды потребностей требуют различных разведывательных операций.

Так, например, информация «раннего предупреждения» сильно зависит от сбора и мониторинга данных от «крупных субъектов». В этом случае анализ служит датчиком, который дает сигнал о возможных будущих событиях, к которым администрация должна быть готова. Подобная информация, как правило, принимает форму аналитических профилей, иногда с учетом специфических вопросов или запланированных действий конкретного получателя (специалиста, начальника службы, высшего руководителя).

Очень важно, что потребности основных тем информации не исключают, а дополняют друг друга. Потребности, относящиеся к стратегии, могут также потребовать предоставления информации о профилях «крупных субъектов» и информации раннего предупреждения, для того чтобы сообщить пользователю об изменениях в действиях, например, градообразующего предприятия и необходимости модифицировать свою стратегию.

Теперь несколько слов о возможности отслеживания управленческих и содержательных процессов, связанных с реализацией информационной политики.

Для этого рассмотрим «информационную политику» как процесс коммуникации, в котором есть свой источник, получатель информации, канал передачи, сообщение, результат коммуникации.

Это позволяет нам сформулировать наборы критериев (индикаторов) для оценки воздействия как на уровне отдельных элементов, так и процесса в целом.

Таким образом, у нас появляются возможности:

- а рассматривать любую информационную деятельность в рамках общей коммуникационной модели как целостный процесс взаимодействия (передачи сообщений) между субъектом и объектом информационного воздействия посредством определенных каналов с целью достижения требуемого результата, что в свою очередь дает относительно четкие границы нашего предметного поля;
- б вырабатывать наборы критериев анализа для каждого элемента и оценки их влияния на формирование и осуществление информационной политики.

Для нас в такой трактовке наиболее важным становится возможность выделения своеобразных контрольных зон, наблюдение за которыми является ключевым в оценке эффективности связей с общественностью.

Условно мы можем разделить процесс воздействия на целевые группы на три контрольные зоны (см.схему 1.).

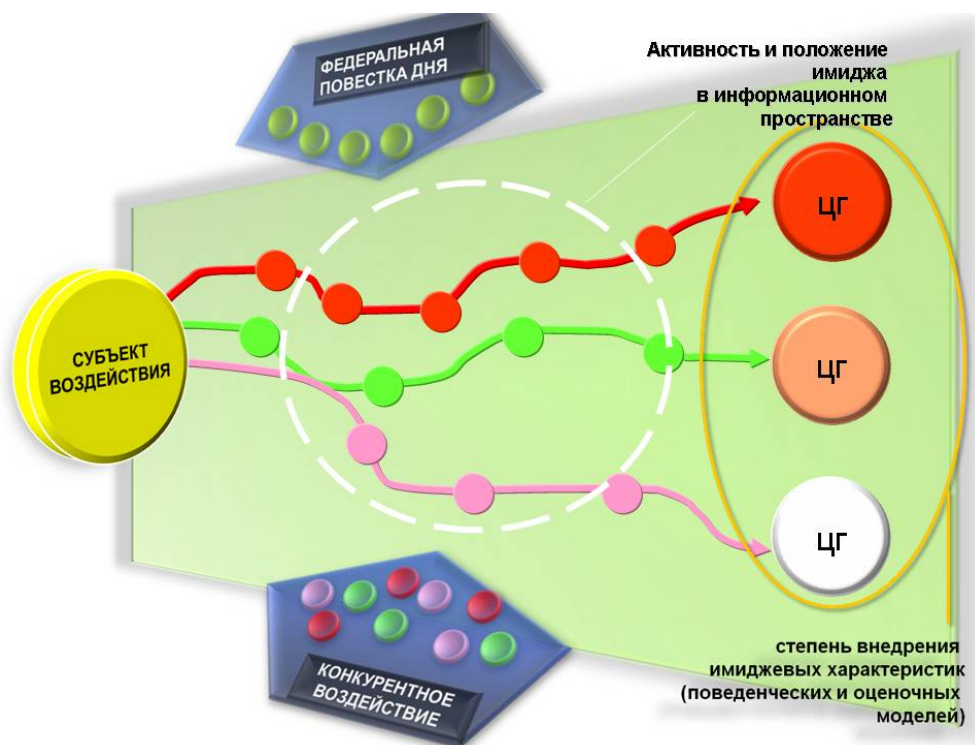

Схема 1 — Основные зоны контроля в управлении информационной

В любом информационном взаимодействии всегда присутствует субъект, который осуществляет различные по содержанию и сложности акты. От того, насколько адекватно выстроена система работы внутри самого субъекта будет зависеть очень многое, если не все. Именно поэтому мы можем сказать, что первой зоной контроля (и, соответственно, своим набором индикаторов эффективности) будет являться внутренняя деятельность субъекта (в нашем случае ПР-служба, пресс-служба и др.), связанная с целеполаганием, определением форм и методов воздействия, созданием сообщений и т.д.

Логично предположить, что второй контрольной зоной будет являться объект воздействия и здесь набор критериев должен фиксировать изменения, происходящие в целевых группах, естественно, в первую очередь связанные с деятельностью субъекта.

Третьей зоной внимания являются характеристики информационного пространства, на котором как раз и осуществляется деятельность интересующего нас субъекта. Естественно, что это пространство обладает своей протяженностью, структурой, элементами, содержанием и т.п. Нас же здесь будут интересовать проявления субъекта и влияние на них различных внешних факторов.

В данном случае под проявлениями понимаются сообщения, в которых в том или ином объеме, оценке, теме присутствует упоминание субъекта. В качестве основных внешних факторов рассматриваются влияния конкурентов (действующих в том же секторе информационного пространства, поскольку их коммуникация направлена на те же целевые группы) и федеральной повестки дня, доминирование которой может привести либо к потере доли внимания целевых аудиторий к субъекту, либо к его усилению.

На основе чего можно анализировать эти зоны? Рассмотрим каждую зону.

Относительно первой зоны можно сказать, что основой для анализа в данном случае будут являться результаты коммуникационного аудита, который позволит, с одной стороны, понять насколько адекватна функциональная модель информационных служб поставленным перед ними целям, а с другой — оценить информационные потоки, направляемые на целевые группы.

Результаты социологических исследований, связанных с замерахми различного рода информационных (в том числе когнитивных, ценностных, коммуникативных, организационных, тонизирующих и пр.) эффектов, являющихся следствием информационной деятельности, выступят в качестве основы для анализа второй зоны.

Что касается основы для анализа характеристик информационного пространства, то в данном случае речь идет об использовании результатов мониторинга (на основе контент-анализа) сообщений.

С.В. Нестерова

ВОСПРИЯТИЕ ВЛАСТИ, ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ГРАЖДАНАМИ. ЧТО ПРОИСХОДИТ С НАШИМ ОБЩЕСТВОМ?

НЕСТЕРОВА Светлана Викторовна – кандидат политических наук, преподаватель кафедры социологии и психологии политики МГУ им. Ломоносова. E-mail: clarita13@yandex.ru

Многие исследователи констатируют тот факт, что за последние несколько месяцев изменилась политическая ситуация в стране. Политическая апатия и нежелание участвовать в политике сменились политической, и в том числе уличной активностью, причем ее демонстрируют люди, которые традиционно были далеки от политики (молодежь, люди дохода выше среднего). При этом надо отметить, что практически не произошло явных изменений (ухудшений) ситуации в стране. Люди, выходящие на митинги на пр. Сахарова и на Болотную в Москве, демонстрировали нежелание мириться со сложившейся, в первую очередь политической, ситуацией (заметим, что экономических требований, в отличие, например, от демонстрацией в Греции люди не высказывали). И старый лозунг, сформулированный В. Цоем в 1990-е: «Мы ждем перемен», – стал вновь актуален для большого количества жителей нашей страны. Изменилось и отношение людей к политической власти, отчасти ответ на этот вопрос дают данные исследования. В рамках проекта политический менталитет анализировался блок власти.

Методология проведения исследования была следующей. Для получения вербальных характеристик нами анализировались ответы на открытый вопрос в анкете о характере власти в современной России. Всего было получено 183 ответа. Исследование проводилось в 8 регионах: Москва, Санкт-Петербург, Красноярский край, Ставропольский край, Челябинск, Тверская область, Дагестан, Ростовская и Кировская область.

При оценке полученных ответов использовались параметры, разработанные нами на прошлых этапах исследования [3]:

- привлекательность/непривлекательность образа;
- простота/ сложность;
- качества власти.

Результаты исследования

Таблица 1 Эмоциональные знак отношения к российской власти

Отношение	Власть в правление Путина	В настоящее время
Положительно	48,9	12
Отрицательно	20,9	51
Амбивалентно	15,4	3,8
Нейтрально, затрудняются оценить	14,3	31
Нет ответа	1,2	2,2

Как видим, по сравнению с оценкой власти в период Путина существенно выросли негативные оценки современной власти: критично высказывают 54% и только 10%

положительно. При этом обращает на себя внимание почти треть ответов, которые не могут выразить свое отношение к власти:

- «По сути ничего не изменилось, только новые лица появились, но они для нас не новые, для тех, кто правит, они не новички».
- «По-моему ничего не поменялось, посмотрим, что будет».

Таблица 2 Отношение респондентов к власти

	Власть в правление Путина	В настоящее время
Простота	52,3	48,9
Сложность	41,8	27,5
Нейтрально, затрудняются оценить	4,6	20,3
Нет ответа	1,3	3,3

На когнитивном уровне разница не столь существенна, как видим, господство простых лаконичных ответов.

Качества, приписываемые власти

Почти каждый пятый респондент (почти 20%) считает, что нынешняя власть такая же, как в путинский период:

- «По сути ничего не изменилось».
- «Такая же, как была при Путине».

Все остальные характеристики, даваемые власти, можно свести к следующим характеристикам.

Изменение характера власти. Как уже отмечалось, существенно выросли негативные оценки, даваемые власти.

Если власть в правления Путина респонденты оценивали позитивно, говоря об *укреплении порядка, стабильности, мощи России на мировом уровне:*

- «Очень много после Ельцина восстановил».
- «Усиление власти».
- «Период укрепления вертикали власти, определенной стабилизации власти и общества».
- «Появилась надежда, был большой всплеск такой позитивной энергии».
- «После Ельцина Россия поднялась».
- «При Путине появилось опять-таки ощущение, что все как-то упорядочивается. Какой-то защищенности ощущение появилось... как-то все более стабильно становится».

В настоящее время существенно выше стала доля людей, которые считают, что положение в стране стало намного хуже, обвиняя при этом власть в коррупции, невыполнении обещаний и нерешении социальных проблем:

- «Шаткая, нестабильная ситуация».
- «Менее стабильная, чем второй путинский период».

Еще одна группа упоминаний о власти связана с отсутствием у респондентов четкого представления о том, что представляет власть в настоящее время. Они либо затруднились охарактеризовать власть в сегодняшней России, либо отмечали, что не знают, что ожидать от власти в настоящее время:

- «А в сегодняшней России мы все время живем в ожидании чего-то, т.е. нам не дают расслабиться и не дают успокоиться. Т.е. это происходит случайно или все специально провоцируются... мы все время живем на ощущении, что вот-вот сейчас что-то случится, т.е. ощущение «стрема» наверное».
- «Стабильность... Такое затишье перед бурей, не знаю, что будет дальше».

Все остальные выделенные качества власти распадаются на несколько групп.

Первая ось связана с восприятие таких черт власти, как *стабильность*. Если в период правления Путина значительное число респондентов отмечали, что власть стала более *устойчивой, стабильной, обеспечивает порядок*, то такие суждения в оценках современной власти встречаются крайне редко. Значительно увеличилось число респондентов оценивающих власть как *непонятную и нестабильную*, говорят о *безвластии, бардаке, беспределе, неразберихе*. Часть респондентов обвиняет власть в неопределенности, в отсутствии целей и задач. Такая тенденция достаточно негативна, она порождает ощущение тревожности и неуверенности в завтрашнем дне:

- «Сложно сказать, куда нас эта власть поведет, какие Путин будет проводить реформы, какой у него будет политический курс...мы не слышали от него каких-то новых программ, новых лозунгов».
- «Смутное время».

Вторым важным измерением власти является ее *моральная* ось. И хотя ряд респондентов отмечают, что власть *стала ближе к людям, осуществляются выплаты зарплат и происходит повышение уровня жизни*, но такие высказывания единичны. Существенно увеличилось число граждан упрекающих власть в *коррупции, жадности, взяточничестве*, в том, что *она не заботится о простых людях*, которые находится на грани нищеты:

- «Зажравшаяся коррупционная власть».
- «Коррупция и мнимая борьба с ней».
- «Воровство и взятки».
- «Увеличилась коррупция, продолжают воровать».
- «Тотальное воровство, вытягивание ресурсов».

Многие респонденты упрекают власть в безответственности, невыполнении обещаний и в не решении социальных проблем:

- «Представители власти прекрасно знают о своей безнаказанности, поэтому доживают свой век, не заботясь о дальнейшем. Как говорил один из Людовиков: «После меня хоть потоп».

Среди не решаемых властью проблем называли:

- развал образования и медицинского обслуживания,
- рост цен на услуги ЖКХ,
- социальная незащищенность,
- поднятие цен.

Все это порождает у граждан негативные чувства: «чувства обременения и обременения давит и давит».

При этом стоит отметить, что во многом негативные оценки власти связаны с феноменом «нереализованных надежд», от прихода Путина ожидали глобальных изменений и решения актуальных проблем, стоящих перед страной:

- «А на обещали то... Какие надежды... А в итоге пшик. Нечего было надеяться, в нашей стране надеяться опасно».

Взаимодействие власти с населением вызывает двойственные оценки. С одной стороны, критические оценки вызывает излишняя отстраненность власти от населения:

- «В сегодняшней России Путин с Медведевым правят по очереди, но народу от этого нелегче».
- «Федеральный центр зачастую не имеет не малейшего представления о положении дел на местах».

С другой стороны власть (в первую очередь Путина) упрекают в излишнем популизме:

- «Все уже попилили и теперь «скучают»: прыгают за амфорами и т.п. Путин не может поменять существующую систему, поэтому заискивает перед народом».

Что касается восприятия деловых качеств власти, то, в отличие от прошлого периода, где власть воспринималась со знаком «плюс». У ряда респондентов складывалось впечатление, что *власть что-то делает, пытается что-то решить*. То число таких оценок в оценке нынешней власти незначительно, значительно больше упрекают власть в *бездействии, зastoе, топтании на месте и отсутствии развития и движения вперед*.

Политические же черты в оценках власти встречаются довольно редко, при этом значительно выросли обвинения Путина в *авторитаризме и стремлении подмять все под себя*. При этом население заинтересовано в появлении новых политических лидеров и стремление зачистить политическое поле вызывает негативные оценки:

- «На местах борьбы не наблюдается. Вообще нет никаких политических лидеров на местах, которые бы могли бы конкурировать, и из которых можно было бы выбирать».

Многие исследователи общественного мнения говорят о том, что в настоящее время, данные количественных опросов общественного мнения не достаточно отражают реальную картину, ведь рейтинги Путина и Медведева достаточно стабильны. Как показывают данные нашего исследования, оценки власти не столь благостны, ее обвиняют в не решении проблем стоящих перед обществом, коррупции, безответственности (не желании выполнять обещания), оторванности от народа. Такая излишняя критичность очень опасная тенденция, люди пока еще не готовы выходить на митинги, но заинтересованы в изменении ситуации.

М.Н. Панова

ОБ ОБРАZE ГОСУДАРСТВЕННОГО СЛУЖАЩЕГО В НАУЧНОМ, КОРПОРАТИВНОМ И ОБЫДЕННОМ СОЗНАНИИ РОССИЯН

ПАНОВА Марина Николаевна — доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации РАНХиГС. E-mail: pmnaka@mail.ru

Важную роль в создании образа чиновника, существующего в научной литературе, в профессиональном сознании «коллег по цеху», в обыденном сознании россиян играют особенности его речевого поведения, связанные с корпоративной культурой.

Образ государственного служащего в научной литературе

В работах отечественных обществоведов анализируются ценностные ориентиры, профессиональные качества чиновников, вопросы кадровой политики, критерии объективной оценки госслужащих. В последнее десятилетие для обозначения функционально объединенной привилегированной группы людей, которая осуществляет властно-политические функции в обществе, отечественные политологи и социологи используют термин «административно-политическая элита». И хотя этот термин часто критикуют за то, что он не всегда соответствует профессиональным качествам представителей так называемой элиты, можно предположить, что для многих чиновников официальное, узаконенное этим термином признание своей избранности имеет большое морально-психологическое значение: оно незаметно перекодирует реальность, повышает социальный статус, открывает новые карьерные горизонты [1, с 79–81].

В условиях модернизации системы государственного управления в России возникает потребность в номинации новых понятий, что приводит к появлению новых терминов, характеризующих различные аспекты управленческих отношений. Как правило, это англицизмы, заимствованные из терминологии государственного менеджмента. Например, взаимодействие власти и бизнеса привело к проникновению некоторых еще недавно сугубо экономических понятий в сферу государственного управления. Об этой тенденции свидетельствуют не только тексты учебников и научных трудов, посвященных проблемам государственного управления, но и тексты официальных документов о государственной службе. Так, уже в Концепции административной реформы в Российской Федерации в 2006–2008 гг. содержатся такие термины, как *система внутреннего аудита эффективности расходов бюджета, оценка коррупциогенности государственных функций, пилотное внедрение стандартов государственных услуг, механизм аутсорсинга административно-управленческих процессов*.

Значение этого нового образа госслужащего, обусловленное стремлением ученых-обществоведов и идеологов современного государственного управления отмежеваться от языка и стиля советской административно-командной системы и методов партийного руководства, — демонстрация своей причастности к современным методам управления, применяемым на Западе, к стандартам научно обоснованного делового администрирования [2, с. 134].

Образ государственного служащего в корпоративном сознании, профессиональная самооценка

Образ госслужащего определяют корпоративные ценности, отраженные в Конституции РФ и федеральных законах, в частности в Федеральном Законе «О государственной гражданской службе Российской Федерации», в котором сформулированы права и обязанности государственных служащих и принципы государственной службы.

Намерение определенным образом позиционировать государственную службу в обществе, создать ее речевой «парадный портрет» выражается в использовании в программных выступлениях высших должностных лиц государства определенных лексических единиц: *модернизация, оптимизация, стабилизация; генерировать, мотивировать, стимулировать*. Подобная лексика как нельзя лучше отвечает духу времени, характеризует задачи, стоящие перед сферой государственного управления [3, с. 62–63]. Вместе с тем в речи госслужащих используется большое количество стилистически «сниженной» лексики, профессиональных жаргонизмов: *социалка, конкретика, подвижки* в работе, *в разы* увеличить и т.д.

Во время проведения ассоциативного эксперимента, целью которого было представить ассоциативные поля лексических единиц, активно употребляемых в сфере государственного управления, испытуемым в качестве слов-стимулов были предложены глаголы, употребляемые и в других сферах общения, но имеющие там иную актуализацию значений. Госслужащих попросили объяснить непрофессионалам значения этих слов или включить их в словосочетания.

Изучение ассоциативных реакций чиновников показало, что их языковое сознание отражает особый образ мышления, профессиональную ангажированность. Это проявилось в языке и стиле толкований стимулов.

Большинство госслужащих в качестве реакции выбирали не основное из значений, кодифицированных словарями, а профессионально маркированное, например: *прописать* — не «прописать лекарство, родственника в квартире», а «*изложить в нормативно-правовом акте какие-либо положения*»; *расписать* — не «посуду или стены», а «*распределить обязанности между сотрудниками и назначить ответственных*»; *проговорить* — не «всю ночь напролет», а «*обсудить вопрос, тему*», «*обменяться мнениями*» и т.д.

Часто госслужащие объясняли значения стимулов, пользуясь официально-деловыми штампами и псевдоофициальными формулировками: *нагрузить* — «дать указания, превышающие должностные обязанности»; *наработать* — «создать предварительный объем информации»; *озвучить* — «довести информацию до широкого круга (аудитории)», *отозвать* — «вернуть в приказном порядке» и т.д.

Подобные реакции свидетельствуют о тенденции к ограничению активного профессионального словарного запаса коммуникантов, стандартизации их речевого поведения, связанного со служебной тематикой. Проведенный анализ показал, что отличительным признаком речевого поведения чиновников как составляющей его образа является его стандартизация, обусловленная спецификой институционального общения [1, с. 72–73].

При этом следует отметить, что в последнее десятилетие речевому поведению чиновников — как повседневному «языковому существованию», так и публичному — почти не свойствен излишний пафос, они стараются избегать демагогических пассажей, набивших оскомину речевых штампов. Кроме того, стиль вербального и невербального поведения В. Путина, Д. Медведева С. Шойгу, А. Жукова, С. Иванова отличается от манеры речи советских чиновников и государственных деятелей периода перестройки. Голоса представителей новой административно-политической элиты «не начальственные», не

громкие, не «административно-командные», для них характерны ненапряженные фонации, «мягкий» тембр. Тональность их речи деловая, подчеркнута корректная, а иногда даже намеренно спокойная, будничная. Современные государственные служащие создают новый образ управленца, убеждая аудиторию: «Я не краснобай, не фанфарон и не болтун, не выскочка и не карьерист — я работяга, человек дела». По-видимому, есть основания говорить о появлении новой интонационной моды в высших эшелонах власти — моды, ломающей сложившиеся стереотипы [1, с.109–110].

Образ государственного служащего в обыденном сознании

Отношение к госслужащим формируется не только под воздействием СМИ, но и под влиянием личного опыта граждан. В общественном мнении сформировались требования, предъявляемые к личности государственного служащего, к его профессиональной деятельности, нравственному облику, речевой культуре. Как показывают результаты социологических исследований, значительная часть общества негативно оценивает деятельность государственных служащих. В русском языке профессия работника органа исполнительной власти обозначается словами с нейтральной и отрицательной коннотацией: *государственный служащий, работник аппарата (органов) государственного управления, чиновник, чинуша*, а также заимствованными словами: *бюрократ, клерк*. Материалы Русского ассоциативного словаря показывают, что частотными реакциями граждан на слово-стимул *служащий* являются такие оценочные слова, как *бюрократ, маленький, мелкий, серый, служака* и даже *человек в футляре*. Реакциями на слово-стимул *чиновник* являются слова *чванливый, важный, высокомерный, надменный, надутый, заносчивый, спесивый*. Реакция на слово *чинуша* — *кресло*. Статусное неравенство отражено в словах *клерк, министр, номенклатура, начальник, подчиненный* [4].

Как показывают результаты социологических опросов, из-за отрицательного отношения значительной части населения к деятельности чиновников последние несут, пользуясь терминологией политтехнологов, имиджевые потери. С другой стороны, своим вербальным и невербальным поведением современные российские чиновники демонстрируют новый, демократический стиль работы, новую модель деловых отношений и служебного поведения в сфере государственного управления, пытаются предъявить обществу новый, привлекательный образ государственного служащего.

Литература:

- 1 Панова М.Н. Языковая личность государственного служащего: опыт лингвометодического исследования: Монография. М.: Изд-во РУДН, 2004. — 323 с.
- 2 Панова М.Н. Язык государственного управления: тенденции современного административного дискурса / Русский язык: исторические судьбы и современность: IV Международный конгресс исследователей русского: Труды и материалы. М.: Изд-во Мос. ун-та. 2010.
- 3 Панова М.Н. Парадный портрет власти: актуальные термины государственного управления / Русская речь. 2012. №61-67.

- 4 Русский ассоциативный словарь (Ассоциативный тезаурус современного русского языка). Кн. 1 –6 / Ю.Н.Караулов, Ю.А.Сорокин, Е.Ф.Тарасов и др. М.: ИРЯ РАН, 1994– 1998.

Л.В. Прибыткова
СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В РОССИИ

ПРИБЫТКОВА Лидия Васильевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры госслужбы и кадровой политики РАНХ и ГС при Президенте РФ. E-mail: lipri@list.ru

Переход к подлинному местному самоуправлению чрезвычайно сложен и требует значительного времени. Он связан с необходимостью для населения осознать себя источником власти, почувствовать свою силу и способность взять на себя ответственность за решение местных дел.

Однако это отнюдь не означает, что нужно прекратить всякое управленческое действие и ждать, когда само население возьмется управлять самим собой. Лозунг «Каждая кухарка может управлять государством» себя не оправдал. Управлять должны профессионалы, но, подчеркнем, от имени и под жестким контролем местного сообщества. По сути дела, местное самоуправление сводится к формированию местных органов власти, к организации контроля за их деятельностью, оказанию влияния на эти органы с целью обеспечения групповых интересов местного сообщества.

Таким образом, побудительной силой местного самоуправления являются муниципальные интересы, ибо оно «...начинается там и тогда, где и когда эффективное удовлетворение потребностей людей и реализация их способностей превосходят возможности самого индивида. Можно также сказать, что местное самоуправление заканчивается там и тогда, где и когда эффективное удовлетворение потребностей и реализация способностей людей выходят за возможности местного сообщества» [1, с.5].

Степень удовлетворенности групповых интересов во многом определяет отношение населения и к органам местного самоуправления, и к самому местному самоуправлению, а также готовность и желание участвовать в этом процессе в качестве субъекта.

Реформы не идут так быстро, как бы кому-то хотелось. Более того, какими бы талантливыми ни были реформаторы, в чистом виде их замыслы реализованы быть не могут, ибо наряду с организацией существует самоорганизация социальных общностей, есть традиции, источник которых — в прошлом.

Анализ многочисленных попыток российского реформирования организации местной жизни позволяет сделать вывод о том, что проблема несоответствия законодательства, юридически закрепленных норм правоотношений с реальной практикой, реальными отношениями между субъектами права являлась тем камнем преткновения, о который из века в век разбивались логичные и продуманные структуры общественных отношений, предлагаемые России искренне радеющими о ней реформаторами. Общим стало утверждение, что реальное, а не формальное становление самоуправления непосредственно, напрямую зависит от общественного сознания, от включения в эти процессы населения, гражданина.

Данные многочисленных социологических исследований по данному вопросу подтверждают, что большинство граждан своей роли в осуществлении самоуправления не ощущает. Работу избранного «руководителя города», а именно так воспринимается глава муниципального образования, оценивают по вещам, касающимся непосредственной жизни граждан, таких как наличие горячей и холодной воды, отопление, освещение, уборка

мусора, работа общественного транспорта, учреждений народного образования, здравоохранения и т.д. Население не чувствует своей ответственности ни за чистоту улиц, ни за состояние общественного порядка, ни даже за состояние подъездов своего дома.

Большинство населения не имеет ни желания, ни готовности осуществлять его в своих муниципальных образованиях ни в какой форме.

Зададим основной вопрос: население нуждается в местном самоуправлении или оно нуждается в эффективном решении местных социально-бытовых проблем, удовлетворении муниципальных интересов? Ответ напрашивается сам собой — преимущественное большинство нуждается, прежде всего, и главным образом в решении своих, так называемых муниципальных интересов. Коль скоро это так, тогда какой смысл в федеральных и местных законах, сотнях и тысячах публикаций о местном самоуправлении, которого, по мнению авторов, население с нетерпением ждет, и только упрямые чиновники-бюрократы не хотят делиться с ним своей властью. Данные социологических исследований показывают, что это далеко не так. Население в своем большинстве не понимает, чего от него хотят, не понимает, почему местные органы власти называются органами местного самоуправления. По мнению большинства, местные органы власти независимо от того, как они называются, должны нести бремя ответственности за все местные дела, быть тем органом, в который можно обратиться за решением своих проблем, где можно найти правду и справедливость. Если бы это было так, то лучшего и желать не надо. Но социологические исследования убеждают в обратном. Разрыв между населением и местными органами власти, несмотря на то, что они называются органами самоуправления, по сравнению с советским периодом не сокращается, а, скорее всего, растет. Преобладает стереотип негативного восприятия работников администрации частью населения как чиновников, не учитывающих и не знающих их интересов. По данным социологического исследования, 50% респондентов высказали отрицательное отношение к работникам органов местного самоуправления. Низкий уровень авторитета органов местного самоуправления среди населения отметили 50% опрошенных [2].

Большая часть населения сдержанно оценивает социальный потенциал местного самоуправления, невысок уровень информированности населения о местных событиях и проблемах, участия в выработке и выполнении управленческих решений, деятельности местных органов власти. 52% респондентов отмечают плохое информирование о деятельности органов местного самоуправления. Пока имеющееся местное самоуправление плохо связано с решением принципиальных вопросов местной жизни, потому население, проживающее на территории муниципального образования, как и прежде, выступает в виде просителя, жалобщика перед администрацией города, региона, поселка. 38% респондентов считают, что за последние годы реформ характер взаимодействия органов местного самоуправления со структурами гражданского общества никак не изменился.

До сих пор не осознана и сущность социальной и правовой природы местного сообщества, из-за чего акцент обычно делается на статусе органов и взаимоотношениях между ними, а не на потребностях и интересах комплексной жизнедеятельности людей и, соответственно, механизмах ее обеспечения. В результате многие давно назревшие вопросы решаются с трудом, развитие местных сообществ идет медленно.

Литература:

- 1 Васильев В.И. Два крыла местного самоуправления // Местное самоуправление. – 2000. – № 3-4. – С. 5.
- 2 Местное самоуправление в современной России: социологический взгляд на проблемы функционирования и развития. Материалы социологических исследований, проведенных кафедрой госслужбы и кадровой политики РАГС. – М., 2011.

Н.В. Проказина

СОЦИОЛОГИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ КАК УСЛОВИЕ ДИАЛОГА СОЦИОЛОГИИ И ВЛАСТИ

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – кандидат социологических наук, заведующая кафедрой социологии и психологии управления Орловского филиала РАНХиГС. E-mail: nvprokazina@mail.ru

Отношения между социологией и властью должны строиться на принципах партнерства и толерантности.
М. К. Горшков [1].

Особую актуальность в современных условиях приобретают поиски путей повышения эффективности государственных органов, использование рациональных форм и методов их воздействия на социальные процессы. Эффективность профессиональной деятельности государственных гражданских служащих во многом зависит и от форм и методов взаимодействия с социологами, обеспечивающих возможность получения объективной, достоверной, актуальной информации в условиях динамично развивающегося общества. Условием эффективного взаимодействия выступает социологическая культура государственных гражданских служащих, являющаяся своеобразным ответом на принципиальные вызовы изменений в характере управления современным обществом, эффективность которого определяется полнотой, достоверностью и актуальностью социологической информации, используемой в практике управления.

Под *социологической культурой государственных гражданских служащих* мы понимаем систему ориентаций относительно восприятия социологии, социологических исследований, деятельности социологов; совокупность социологических взглядов, знаний, убеждений и социологическое воображение, проявляющиеся в практической деятельности государственных гражданских служащих.

Концептуальная модель социологической культуры государственных гражданских служащих включает когнитивный компонент, проявляющийся в особенностях мышления и воображения. Поведенческий компонент характеризуют элементы целеполагания, активности и направленности профессиональной управленческой деятельности государственных гражданских служащих (рис. 1).

Рисунок 1 — Концептуальная модель социологической культуры государственных гражданских служащих

Взаимодействие с социологов с государственными гражданскими служащими может происходить по нескольким моделям — парадигмам.

Первая — «директивная» — когда социолог сначала что-то выясняет, формулирует, а потом просвещает несмышленную публику.

Вторая — «посредническая» — когда социологи выступают экспертами и аналитиками по конкретным, интересующим участников взаимодействия проблемам.

Третья — «партнерская». Когда участники взаимодействия выступают «на равных», т.е. социологи «способны встать вровень с публикой» и «разговаривать с ней на равных» [2].

Опрос государственных гражданских служащих показал, что большинство из них ориентированы на партнерскую модель взаимодействия — 50,8%. Содержание партнерских отношений связано с тем, что социологи активно включены в процесс *информационно-аналитического обеспечения, экспертной деятельности* (связанной с анализом социальных последствий проводимых мероприятий и проектов), *прикладной деятельности*, направленной на сбор информации о конкретных проблемах общества и граждан.

Индикаторами посреднического отношения явилось предпочтение в таких направлениях деятельности при взаимодействии социологов с органами власти как *прогностическая, консультативная, функция «обеспечения обратной связи»*.

Директивная модель больше устраивает того, кто считает, что деятельность социологов в первую очередь должна быть направлены на то, чтобы реализовывать *просветительское и критическое* направления в своей деятельности с органами власти.

Анализируя приоритетность в заинтересованности социологической информацией государственных гражданских служащих, отметим ярко выраженную направленность на информационно-аналитический и прикладной характер социологической информации.

Представленные результаты наглядно свидетельствуют и подтверждают выводы о том, что социология в наибольшей степени востребована государственными гражданскими служащими в формате партнерского взаимодействия.

К определению диалога как конструктивной формы взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих, целесообразно подходить с позиции концепции Т.М. Дридзе.

Т.М. Дридзе предлагает расширенное представление о диалоге как о диалогической модели социальной коммуникации. Этот подход разработан в рамках семиосоциопсихологической парадигмы, где ключевое значение имеет «эффект диалога как смыслового контакта, основанного на способности субъектов к адекватному истолкованию коммуникативных намерений партнеров по общению» [3].

Диалогическая модель не допускает никаких форм воздействия или влияния, поскольку ориентирована исключительно на взаимопонимание. Речь идет не о согласии с позицией автора, а только о понимании [4].

Таким образом, диалогический стиль взаимодействия социологов и целевых групп общества возможен при условии, если он основан на искренности, открытости, стремлении максимально полно, без искажений, донести свои мысли и чувства, с одной стороны и, с другой, — так же максимально полно, без искажений понять другого.

Диалоговая форма взаимодействия достигается, с одной стороны — при стремлении и умении участников взаимодействия быть понятным и понятым, а с другой — при стремлении и умении воспринимающей стороны, адекватно понять коммуникатора.

Диалог связывается в первую очередь с взаимопониманием между общающимися сторонами, а эффективность общения — со степенью достижения искомого взаимопонимания.

Идея необходимости взаимопонимания не нова: различные интерпретации этого подхода прослеживаются в работах Э.Гофмана, В. В. Бойко и др. Представление о диалоге как коммуникации с взаимопониманием перекликается с трудами известного исследователя М. М. Бахтина, изучавшего речевые формы общения: «Только диалогическая, соучастная установка принимает чужое слово всерьез и способна подойти к нему, как к смысловой позиции, как к другой точке зрения. Только при внутренней диалогической установке мое слово находится в теснейшей связи с чужим словом, но в то же время сливается с ним, не поглощает его и не растворяет в себе его значимости, т.е. сохраняет полностью его самостоятельность как слова» [5].

Процессы общения рассматриваются Т.М. Дридзе как «...мотивированная и целеобусловленная текстовая деятельность, осуществляемая людьми в контексте проблемных жизненных ситуаций, лежащих у истоков любых социально значимых процессов» [3].

В результате принципиально важным оказывается представление о коммуникативной интенции, которая, по определению Т.М. Дридзе, является «равнодействующей мотива и цели (точнее искомого результата) деятельности, общения и взаимодействия людей с окружающим миром» [6]. Именно по степени понимания коммуникантом авторской интенции и составляется представление о том, состоялось или нет взаимопонимание, и, далее, суждение об успешности (диалогичности) коммуникации [7].

В зависимости от того, достигается или нет желаемый «смысловой контакт», когда совмещаются «смысловые фокусы порождаемого и интерпретируемого текста», наряду с понятием «коммуникация» (диалог) используются понятия «псевдокоммуникация», т.е. «попытка диалога, не увенчавшаяся адекватными интерпретациями коммуникативных

интенций», и «квазикоммуникация» — ритуальное «действие», подменяющее общение и не предполагающее диалога по исходному условию» [3].

Результаты социологического исследования государственных гражданских служащих показывают, что сегодня преобладает псевдокоммуникация как форма взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих — 44,7%. На втором месте — квазикоммуникация — 35%. И только 20,3% респондентов ориентированы и реализуют в своей деятельности диалоговую форму взаимодействия с социологами.

Следовательно, необходимость формирования взаимодействия в формате диалога выступает одним из приоритетных направлений развития социологической культуры государственных гражданских служащих.

Однако, следует учитывать и тот факт что сегодня прослеживается рост взаимного недоверия между государственными гражданскими служащими и социологами.

Проведенный вторичный анализ результатов социологических исследований [7] позволил выделить ряд факторов, снижающих уровень доверия государственных гражданских служащих результатам социологических исследований. Основными из них являются:

- расхождение собственных оценок и представлений с полученными результатами социологических исследований;
- недостаточный уровень развития социологического воображения, которое не позволяет выйти за пределы осмысления и восприятия собственного опыта;
- уровень оценки государственных гражданскими служащими профессионализма социологов.

Таким образом, следует признать, что одна из проблем, затрудняющая конструктивное взаимодействие — это недостаточный уровень развития социологической культуры государственных гражданских служащих.

Сегодня основными направлениями взаимодействия социологов и власти являются:

- выявление актуальных проблем, характерных для регионального уровня;
- информационно — аналитическая поддержка органов государственной власти;
- обеспечение «обратной» связи между органами государственной власти и институтами гражданского общества.

Потребность государственных гражданских служащих проявляется в том, что они ориентированы на реализацию социологами следующих функций (табл. 1).

Основными условиями конструктивного диалога социологов и государственных гражданских служащих являются с одной стороны стремление и умение участников взаимодействия быть понятным и понятым, а с другой — стремление и умение воспринимающей стороны, адекватно понимать коммуникатора.

Таким образом, следует признать, что существуют предпосылки для формирования диалоговой модели взаимодействия государственных гражданских служащих и социологов.

Однако развитие диалога напрямую зависит от уровня развития социологической культуры государственных гражданских служащих.

Таблица 1 Функции социологов в диалоговом взаимодействии с государственными гражданскими служащими

Функция	Содержание функции	Позиция
Актуализатор (артикулятор)	Перевод социальной проблемы, видимой только экспертам до статуса важной социальной проблемы	2
Социолог — интерпретатор	Наделение безгласных, слабо рефлексирющих групп голосом	3
Социолог — модератор	Организация публичной дискуссии, создание условий для обеспечения многоголосья по наиболее значимым для общества проблемам	1
Аналитик	Включение в процесс обсуждения, разъяснения сложившейся ситуации, в определение причин ее возникновения	2
Социальный технолог	Не только озвучивание массовых страхов и потребностей, но и ориентация на поиск альтернатив, учитывающих права человека и гуманистические ценности	4

Определение диалога как конструктивной формы взаимодействия социологов и государственных гражданских служащих актуализирует целесообразность выявления форм и каналов взаимодействия.

Наиболее удобной формой получения социологической информации государственные гражданские служащие считают отчеты с комментариями и выводами (53,1% от полученных ответов). На втором месте (37,5% от полученных ответов) графики, диаграммы и другие наглядные материалы. На третьем месте — аналитические материалы (35,4%). Статьи в периодических изданиях просматривает незначительная часть (11,5%) государственных гражданских служащих. Массивы первичных данных, монографии не рассматриваются как существенные формы получения информации. Таким образом, несмотря на активную деятельность социологов, на публичность современной российской социологии существующие способы распространения социологической информации (преимущественно через публикацию в СМИ и Интернет) не всегда доходят до адресата. Это обусловлено недостаточно выраженной потребностью государственных гражданских служащих в получении социологической информации.

Основным каналом получения социологической информации государственные гражданские служащие называют Интернет. Проведенный выше анализ показал, что потребность просмотра результатов социологических исследований и деятельности социологических организаций находится на низком уровне развития (от 2,9% до 11,9%). Следовательно, государственные гражданские служащие отмечают наиболее удобный канал получения социологической информации, которым, в подавляющем большинстве, не пользуются.

Следовательно, актуализируется необходимость развития социологической культуры государственных гражданских служащих, осуществляемого посредством:

- популяризации социологических данных и расширения представлений о возможностях социологии;
- создания механизма, обеспечивающего получение и распространение социологической информации в среде государственных гражданских служащих;
- развитие диалога как конструктивной формы взаимодействия социологов и власти.

Литература:

- 1 Горшков М. К. Уроки возрождения и перспективы отечественной социологии. // Вехи российской социологии. 1950–2000-е гг. / Отв. ред. Ж. Т. Тощенко, Н. В. Романовский. — СПб: Алетейя, 2010. — С. 30.
- 2 Яницкий О. Н. Кризис и социология // Социс. 2009. — № 5. — С. 12.
- 3 Дридзе Т. М. Социальная коммуникация как текстовая деятельность в семиосоцио-психологии // Общественные науки и современность. — 1996. — № 3. — С. 145.
- 4 Адамьянц Т. З. Социальная коммуникация. — М.: ИС РАН, 2005. — С. 10.
- 5 Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. — М., 1979.
- 6 Дридзе Т. М. Экоантропоцентрическая парадигма в социальном познании и социальном управлении // Человек. — 1998. № 2.
- 7 Игорь Задорин. Эссе о мотивации. Что подвигает чиновников и социологов к взаимодействию друг с другом. И что отталкивает // http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/8/Zadorin_Jesse_o_motivacii_27-04-10.pdf (20.11.2011).

Н.А. Романович
БАЗОВЫЕ АСПЕКТЫ ОБРАЗА ВЛАСТИ

РОМАНОВИЧ Нелли Александровна — доктор социологических наук, генеральный директор ИОМ «Квалитас», профессор кафедры политологии и государственного управления РАНХиГС. E-mail: nelly@qualitas.ru

Базовые аспекты образа власти — это представления о власти вообще, о том, какой власть должна быть (безотносительно к конкретной власти). Они зачастую не вербализируются населением, существуют на подсознательном уровне в качестве молчаливой экспектации (ожидания, что власть будет соответствовать заданному образу). В отличие от них **конъюнктурные аспекты** образа власти — это запросы к конкретной власти в определенной политико-экономической ситуации (ожидания от власти каких-либо действий, соответствующих социально-политической конъюнктуре).

Базовые аспекты образа власти — это своеобразный ключ к пониманию различий в ценностях восточной и западной культуры. Д.А. Хомяков уверял, что «понятие о высшей власти» является Рубиконом, разделяющим мировоззрение Востока и Запада, предопределяя различные формы общественного устройства [2, С.110]. Т.е. именно образ власти предопределяет различные формы общественного устройства.

Исторические пути развития восточной и западной культуры получили практическое воплощение в различных моделях их отношения к власти. Эти различия отражены в базовых аспектах образа власти традиционной российской и западной моделей, которые противостоят друг другу.

1. Персонализация-деперсонализация

В российской **традиционной модели** образа власти доминирует идея **персонализации** власти. Личным качествам представителя власти придается большее значение, чем законотворчеству, устройству и функционированию госаппарата. Смена того или иного представителя власти может означать кардинальную перестройку системы управления.

В **западной модели** доминирует **деперсонализация**, обезличивание власти. Главное — это закон, который диктует систему управления и ее функции. Смена представителя власти может пройти незамеченной для населения, так как обычно ничего не меняет в системе функционирования власти, воплощенной в госаппарате.

Исследования Института общественного мнения «Квалитас», проводимые в Воронеже и Воронежской области в течение 1998-2012 гг. [1], показали доминирование персонафицированного образа власти в российском обществе, которое проявляется в том, что:

- 1 население лучше информировано, больше интересуется и больше доверяет персонафицированным, а не коллективным органам власти и связывает собственное благополучие с личностными характеристиками конкретных персоналий во власти: Президента, губернатора, мэра (а не с законом);
- 2 явка на выборы повышается, если народ голосует за конкретных персонажей во власти, чем за политические партии. Например, явка на выборы

губернатора, как правило, выше, чем явка на выборы областной Думы (исполнительные органы власти, представленные конкретным лицом, чаще воспринимаются как «настоящие», важные органы власти, чем законодательные, если отсутствует персонификация их с конкретным лицом). В свое время персонификация политической партии «Единая Россия» с именем Владимира Путина существенно повысила не только явку на выборы, но и рейтинг этой партии.

Образ власти, обусловленный режимом персонификации, предопределяет значимость для населения личностных качеств и свойств характера государственного лидера. Так 90% воронежцев считают, что ситуация в Воронежской области определяется ни чем иным, как только личностными (персональными) качествами губернатора.

2. Понятие правильного пути

Российской культурной **традиции** свойственно представление о том, что существует *правильный* (и *неправильный*) *путь развития общества*.

В **западной** политической модели понятия «правильного пути» вообще нет как такового, есть только те или иные проблемы общества, которые необходимо рассматривать в рамках определенных социальных течений. Современная модель имеет дело с задачами инструментального характера и отвергается от трансцендентных проблем.

Важным фактором является уверенность большинства народа, что страна под его руководством движется «правильным путем»¹, т.е. реальный образ власти начинает соответствовать ожидаемому образу, свойственному российской традиции. Когда это происходит, уровень **доверия** к лидеру начинает расти (хотя в социально-политической конъюнктуре существенных изменений может и не происходить, как это можно видеть на примере феномена быстрого роста уровня доверия населения к В. Путину). Население ощутило соответствие образа власти, создаваемого В. Путиным, ожидаемому образу власти не столько в конъюнктурных, сколько в базовых аспектах.

3. Единовластие — разделение властей

Российская **традиционная социокультурная модель** предполагает *единовластие* как наиболее эффективный способ управления. Сильный верховный правитель является в глазах общества краеугольным камнем силы и могущества страны. Парламент в этой модели не должен ослаблять его власть, противопоставляя себя ему, а должен лишь помогать ему в работе, чтобы сделать его еще сильнее.

Число имплицитных сторонников идеи единовластия колебалось: от 60 до 70% в различные годы. Особое напряжение этот запрос имел сразу после правления Бориса Ельцина. После того как Владимир Путин сумел его в какой-то степени оправдать ожидания, напряженность запроса несколько снизилась, но все равно остается латентным запросом большинства населения.

¹ В рейтинге политиков, под руководством которых, по мнению жителей страны, Россия двигалась по правильному пути, лидирует В. Путин (80%), а на последнем месте — Б.Ельцин (17%). Опрос проведен ВЦИОМ в мае 2008 г., опрошено 1600 чел. в 140 населенных пунктах в 42 областях, краях и республиках России.

В **западной** модели, напротив, делается акцент на *разделении властей*, которое нужно, чтобы ослабить власть верховного правителя, избежать опасности единовластия.

Число приверженцев идеи разделения властей в российском обществе колеблется от 20 до 30%.

4. Иерархичность-нивелирование иерархии

В **традиционной** модели образа власти присутствует *стремление к выстраиванию иерархии* властных отношений. Иерархичность власти воспринимается как должное, как норма.

В **западной** модели присутствует *стремление к разрушению иерархии*, наблюдается тенденция поставить всех на одну ступень. Само переизбрание президента страны через установленный законом срок символизирует то, что каждый человек может занять его место. Следовательно, хотя иерархия и существует, но исключительно как условность.

Многолетние исследования ИОМ «Квалитас» показывают, что:

- а в мировоззренческих схемах населения органы власти различной компетенции (исполнительные, законодательные) представляются иерархически соподчиненными друг другу;
- б ситуация в Воронежской области, по мнению большинства населения, определяется не работой депутатского корпуса, а лишь персональными качествами губернатора, который централизованно (как считает население) руководит прочими органами власти (в том числе и мэром, и муниципальными органами власти, хотя такое положение дел не соответствует законодательству);
- в если бы мэры назначались, а не избирались, то население передало бы право назначения мэра скорее губернатору, чем городской думе;
- г население не воспринимает мэра как лицо, стоящее вне единой централизованной вертикали исполнительной власти.

5. Характер взаимодействия личности и государства

Традиционная и современная модели по-разному отражают *характер взаимодействия личности и государства*. В **традиционной** концепции *государство выступает гарантом интересов общества*, а не личности. Интересы всего народа общественным мнением признавались выше интересов отдельного человека. Более того, пожертвовать собственными интересами для общего блага всегда считалось делом праведным и заслуживающим уважения со стороны общества.

В **западной** концепции *государство является гарантом интересов личности* и ее взаимоотношений с обществом.

Исследование показало, что общественное мнение по поводу дилеммы «человек или общество» оставляет приоритет за традиционной моделью, ставящей интересы общества выше интересов отдельного человека. Соотношение сторонников традиционной и современной модели по этому вопросу выглядит как 70/30.

Список базовых аспектов образа власти можно продолжать. Противостояние между традиционной российской и западной моделями наблюдается во взглядах на

предназначение государства, в отношении к политическим партиям, к политическому торгу, к законам, к свободе и проч. Соотношение между традиционной российской и западной моделью среди населения чаще всего имеет вид: 70/30. Т.е. традиционная модель образа власти **доминирует** над западной моделью в общественном сознании. Получается, что именно традиционная модель выступает в качестве не вербализированной экспектации, адресованной власти. И когда власть начинает соответствовать этим ожиданиям (традиционным базовым аспектам образа власти), доверие российского населения к ней повышается вне зависимости от политической конъюнктуры (от усилий власти, направленной на решение текущих проблем).

Литература:

- 1 Ежемесячный Бюллетень социологических сообщений по городу Воронежу, режим доступа: www.qualitas.ru.
- 2 Хомяков Д.А. Православие, самодержавие, народность. Минск, 1997.

З.Н. Сергеева

ВОЗМОЖНОСТИ ВЛИЯНИЯ БИЗНЕСА НА ПОЛИТИКУ РОССИИ

СЕРГЕЕВА Зоя Николаевна — старший преподаватель кафедры социально-массовых коммуникаций Новосибирского государственного технического университета. E-mail: zoya-sergeeva@list.ru

Выявляя субъектов манипулирования, возникла гипотеза о том, что бизнес, является субъектом правящей элиты и относится к субъектам политического манипулирования. Данная гипотеза уже была разработана некоторыми авторами в контексте изучения российской элиты и развития современного общества. Однако никогда бизнес-элита не рассматривалась как субъект политического манипулирования.

В рамках выявления и изучения субъектов манипулирования политической сферы мы изучили возможность включения в состав субъектов политического манипулирования группу, обозначенную нами как — бизнес-элита, а также отношения электората к возможности представителей бизнеса влиять на политику.

В качестве метода исследования было выбрано формализованное интервью, проведенное с октября 2010 по март 2011г.

Эмпирическим объектом формализованного исследования были определены жители города Новосибирска

Генеральной совокупностью нашего исследования являются не все население Новосибирска, обладающее избирательным правом, а отдельные люди в местах их проживания. А в связи с тем, что никакой разницы между этими группами нет, то мы вправе полученные результаты исследования распространить не на места жительства, а на людей, проживающих в этих местах.

Для формирования выборки был использован метод многоступенчатого случайного районирования. Таким образом, мы не считали респондентов в качестве членов выборки, а рассматривали этих людей как жителей какого-либо населенного пункта (в нашем случае жителей города Новосибирска). «Принимая во внимание жителя места, которое всегда остается постоянным, а не конкретного человека, который может быть более подвижным, мы оказываемся в состоянии стабилизировать и локализовать процедуру формирования выборки» [1, с. 25].

На первом этапе исследования мы поделили всю территорию города Новосибирска на равные округа. После такой «разбивки» получилось 593 избирательных участка, представляющие 10 районов города Новосибирска. Нами был определен допустимый предельный размер формируемой выборки который составил 800 человек.

Соблюдение представленности респондентов из разных географических зон города Новосибирска, а также пропорциональное половозрастному составу жителей города Новосибирска распределение квот, позволит в полной мере соблюсти репрезентативный отбор респондентов для исследования

По результатам анализа вопроса о возможности бизнеса позитивно влиять на политические решения и процессы, было выявлено, что 66,2% респондентов считают, что бизнес может позитивно/ограниченно влиять на политические решения и процессы. Отвечая на тот же вопрос, 6,5% ответили иначе, предложив свой вариант ответа того как

бизнес может влиять на политику: «Может, но не хочет», «Да, если результат влияния выгоден для бизнеса», «По собственному усмотрению представителей бизнеса» и др.

Бизнес может влиять позитивно на политические процессы, однако респонденты считают, что политические выборы это манипулирование мнением, скучное занятие или пустая трата времени, эти мнения демонстрируют результаты анализа вопросов № 7 и 9, где χ^2 равен 70,09 при p менее 0,0001.

Таблица 1 Результаты интервью об отношении респондентов к выборам (вопрос 9)

Вариант ответа	Число ответивших респондентов	% ответивших респондентов
Серьезная возможность сделать свой выбор	71	9,3
Возможность формировать власть самому	54	7,1
Скучное, но нужное занятие	133	17,5
Пустая трата времени	148	19,4
Манипулирование мнением	191	25,1
Праздник	14	1,8
«Цирк», абсурд	79	10,4
Затрудняюсь ответить	40	5,2
Другое	20	2,6

Таблица 2 Распределение ответов респондентов на вопрос о возможности бизнеса позитивно влиять на политические решения и процессы (вопрос 7)

Вариант ответа	Число	процент
Да, может позитивно влиять	194	25,5
Да, но ограниченно	310	40,7
Нет, не может позитивно влиять	123	16,1
Затрудняюсь ответить	106	13,9
Другое	20	2,6
Итого	756	98,8

О том, что бизнес не может влиять позитивно на политику отвечали 16,1%, достоверность этих ответов подтверждают данные вопроса № 6 (результаты представлены в табл. 3), в котором 13,7% респондентов подтвердили данный результат, высказав мнение о том, что никакие бизнес-структуры не способны влиять на политику. Вопрос 6 интервью был открытым, и респондентам было предложено самостоятельно назвать представителей бизнеса и крупных предпринимателей России, которые могли бы влиять на политику города.

Необходимо отметить, что большое количество респондентов не захотели или не смогли ответить на этот вопрос (113 человек) и потому его пропустили. Еще большее количество респондентов (285 человек), кто не пропустил вопрос, но ответил: «не знаю», «затрудняюсь ответить», «неизвестно» около (50,5%). В общем, данный вопрос вызвал затруднение при ответе, респондентам было сложно назвать конкретные предприятия, в основном они давали «размытые», абстрактные ответы, такие как: «заинтересованные в ресурсах нашей области», «многие», «сложно ответить, но такие есть точно», «все кому выгодно», «не знаю». Более конкретных ответов было много, однако максимальная

совокупность процентов респондентов назвавших одно и то же (т.е. те ответы, которые было возможно сгруппировать по схожести точки зрения) достигало всего 3,8%. Многие ответы не содержали конкретных названий предприятий, многие опрошенные ограничивались формулировкой: «руководители крупных предприятий».

Вопрос № 6, представленный в таблице 9 был открытым, далее представлены наиболее популярные ответы, которые удалось сгруппировать по схожести. Общий же анализ ответов респондентов, показывает, что большинство отвечавших имели затруднение при ответе (39,3%). А общее количество вариантов в совокупности превысило 120 наименований.

Таблица 3 Результаты анализа ответов респондентов на вопрос: Какие представители бизнеса и крупных предпринимателей могут влиять на политику России (вопрос 6)

Вариант ответа	Число ответивших респондентов	Процент ответивших респондентов
М.Д. Прохоров	12	1,8
В.О. Потанин	19	2,8
Р.А. Абрамович	15	2,2
Газпром	19	2,8
Фармацевтические компании	11	1,6
Олигархи	17	2,5
Строительные компании	10	1,5
А.Б. Чубайс	25	3,6
Энергетическая сфера	9	1,3
Руководители крупных предприятий	26	3,8
Муниципальные структуры	9	1,3
Не известно	16	2,3
Все	14	2,0
Затрудняюсь ответить	269	39,3
Никто, никакие, нет таких	94	13,7

Вот некоторые варианты ответов, которые не были сгруппированы: Сибнефть, Лукойл, торговые продуктовые сети, компании по продаже и производству бензина, Росгаз, наркобизнес, Аэрофлот, металлургическая сфера, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс, РАО ЕС России, РЖД, банк». Также были названы многие фамилии такие как: Тимофеев, Березовский, Ким, Усманов, Дерепаска, Карелин, Рязанов, Солодкин, Абизов, Бойко, Захаров, Гиберт, Якунин.

Результаты анализа вопросов 6 и 7 касались бизнеса и возможности его влияния на политические процессы. Анализ ответов показывает, что большинство уверены в том, что бизнес не просто влияет на политику, но и может быть позитивен в своем влиянии. Однако среди респондентов нет единой позиции о том, какой конкретно бизнес мог бы влиять на политические процессы в России. Что, скорее всего, свидетельствует не о различии мнений респондентов, а о незнании конкретных субъектов влияния представителей бизнеса на политическую сферу. Вероятно, результаты данного исследования проведенного в таком большом городе как Новосибирск можно распространить на ситуацию в России.

Литература:

- 1 Мангейм Дж. Б., Рич Р. К. Политология. Методы исследования: Пер. с англ. / Предисл. А.К. Соколова. — М.: Весь мир, 1997. — 544 с.
- 2 Заславская, Т. И. Современное российское общество: социальный механизм трансформации [Текст] : учеб. пособие / Т. И. Заславская ; Моск. высш. шк. социал. и экон. наук. Интерцентр. — М. : Акад. нар. хоз-ва при Правительстве Рос. Федерации : Дело, 2004. — 398 с.

Н.Н. Соколов
УЧЕТ ОБЩЕСТВЕННОЙ ОЦЕНКИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ ЭФФЕКТИВНЫХ
УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОЙ И
МУНИЦИПАЛЬНОЙ ВЛАСТИ

СОКОЛОВ Николай Николаевич — кандидат социологических наук, доцент кафедры Государственного управления и политических технологий Государственного университета управления. E-mail: Nikolai.Sokolow@mail.ru

В современных условиях развития российского общества, эру мирового повсеместного внедрения информационных технологий, огромного потока информации вокруг нас и динамичного образа жизни быстрая и четкая разработка и реализация эффективных управленческих решений становится залогом успешной деятельности и достижения целей в системе государственного и муниципального управления. Крайне важным является осуществление оценки поддержки принимаемых решений социальными слоями, фокус-группами граждан, на которых направлены эти решения.

Применяя принципы системного подхода, глобальную формулу для надежного и основательного достижения поставленных перед руководителем или организацией целей с учетом оценки общественного мнения можно обозначить следующим образом:

- 1 Постановка целей в зависимости от уровня задач (стратегические, тактические и текущие).
- 2 Теоретическая разработка управленческого решения с выбором из какого-либо количества вариантов (альтернатив).
- 3 Мониторинговые социологические исследования и коррекция с учетом общественной оценки от внедрения предполагаемых решений.
- 4 Практическое поэтапное планирование достижения этого решения с учетом реальных и потенциальных физических препятствий, полученной обратной связи от населения.
- 5 Реализация и конкретные действия по каждому этапу выработанного плана, контроль промежуточных реперных (ключевых) точек с возможной коррекцией плана по ходу.

Оценка и анализ полученного результата, обратная связь, архивирование и занесение в базу данных удачных реализованных решений, будущих намеченных перспектив с целью систематизации ключевых контактов и защиты организации от персонифицированности в работе.

При формулировке цели ключевым фактором является правильное и четкое определение критериев успешного достижения цели. Так как большая часть управленческих задач делегируется далее вниз по управленческой пирамиде, точно определенные критерии по выполнению задания будут являться гарантом точного понимания сотрудниками что делать и, в конечном счете, успешного выполнения задания. При проектировании вариантов решения (в зарубежной терминологии генерации

альтернатив) допускается применение любых методов, способствующих быстрому поиску и выработке способов решения поставленной задачи.

Таким образом, можно представить следующую оптимальную схему принятия руководителем решений, состоящую из 8-ми этапов:

- 1 Начало цикла — Ощутить проблему.
- 2 Сформулировать и уточнить цель.
- 3 Определить критерии успешного достижения цели.
- 4 Проектирование вариантов решения (альтернатив).
- 5 Оценка/сравнение вариантов по критериям (переход на п. 6 или п. 7).
- 6 Обратная связь: уточнить критерии или пересмотреть цель (переход на п. 2 или п. 3).
- 7 Выбор наилучшего варианта ЛПР.
- 8 Мониторинговые социологические исследования и, возможно, коррекция с учетом общественной оценки от внедрения предполагаемого варианта решения.
- 9 Планирование и реализация (внедрение)

Следует отметить, что данная схема является оптимально-минимальной с точки зрения практического применения. Она воспринимается легко, просто и понятно. При необходимости на практике возможна декомпозиция и детализация каждого блока. В данной схеме применена обратная связь при оценке и сравнении каждого варианта по выработанным критериям достижения цели. И, либо при получении множества вариантов, либо не нахождении никакого решения, возможно уточнение критериев — их ужесточение или смягчение, для уменьшения/увеличения количества вариантов или, даже, пересмотр самой поставленной цели. Однако, конечно, пересмотр цели должен производиться только в крайнем случае. Частые смены поставленных целей могут говорить о неправильном понимании процесса самим руководителем.

Примером учета общественной оценки при разработке управленческого решения может служить значительная коррекция при проектировании и строительстве новой ветки метрополитена «Улица Старокачаловская–Новоясеневская», проходящей через территорию природно-исторического парка «Битцевский парк». Первоначальный проект открытого строительства мог нарушить уникальный экологический баланс природной территории, повредить любимые места прогулок, отдыха москвичей, помешать занятиям спортом, кроссовым бегом, велоспортом, уничтожить самые большие лыжные трассы в Москве, на которых занимаются даже некоторые спортсмены национальных сборных команд. После проведения общественного мониторинга, оценки общественного мнения жителей близлежащих домов и граждан, активно занимающихся спортом, а также письма 6-ти руководителей спортивных федераций в адрес президента было принято решение по строительству трассы на протяжении парка закрытым способом в тоннелях глубокого заложения на глубине 30 м, чтобы не навредить природному комплексу. Т.е., в данном случае, учет общественного мнения сыграл решающую роль по спасению целостности территории природного парка на благо всех жителей города.

Таким образом, после разработки и выработки наилучшего решения руководитель приступает к следующему шагу — практическому поэтапному планированию по достижению этого решения. При планировании опытный руководитель просчитывает и учитывает все

реальные и потенциально возможные преграды и препятствия. Для важных задач также можно составлять вариант действий “Б”, в случае каких-то форс-мажорных обстоятельств по варианту “А”. Для глобальных государственных задач возможно также планирование по реализации решения по 3-м путям: с минимальными суммарными затратами (по разным факторам – времени, финансам, HR-ресурсам и т.д.), с максимальными затратами и третий вариант – реалистичный оптимальный по затратам. Обобщая, можно представить следующую схему процесса планирования в виде 8 этапов:

- 1 Определение целей:
 - Что именно Вы и Ваша команда планируете достичь?
 - Разработка критериев для оценки прогресса достижения целей.
 - Возможно применение принципа постановки целей SMART, оценки состояния объекта по SWOT-анализу и внешней среды по PEST-анализу.

 - 2 Генерация и оценка идей:
 - Каковы возможные курсы действий?
 - Какой из них после оценки всех вариантов представляется наилучшим путем достижения цели?

 - 3 Определение действий:
 - Что необходимо сделать для реализации выбранного варианта?

 - 4 Установление очередности действий:
 - В каком порядке лучше всего выполнять эти действия?
- Необходимо выяснить:
- а) какие дела не могут начаться до завершения других;
 - б) какие действия предпочтительно выполнять параллельно;
 - в) какие действия могут осуществляться в любое время.
- 5 Определение необходимых ресурсов
 - Какие ресурсы потребуются для реализации плана?

 - 6 Пересмотр плана
 - Сработает ли план? Если ответ НЕТ, то следует вернуться к этапу 3, 2 или даже 1. Здесь также возможно создание краткого запасного резервного плана “Б” на случай непредвиденных обстоятельств, если не сработает основной план.

 - 7 Подготовка письменного плана действий и рабочего графика
 - Кто, что, когда и как должен делать? (Например, представить в виде календарной диаграммы Генри Ганта)

 - 8 Мониторинг и Контроль

- Контроль отклонений в заданных промежуточных точках графика выполнения плана. В случае необходимости, дополнительная коррекция плана “по ходу”.

Последним этапом, поставленных перед организацией достижения целей, будет оценка и анализ полученного результата, обратная связь для всех руководителей и сотрудников, участвующих в проекте. Если в организации применяется система оценки персонала KPI (Key Performance Indicators), то отмечаются результаты и уровень достижений каждого сотрудника (для последующего учета при расчете зарплаты и премий). В современных организациях также все чаще и чаще применяется архивирование результатов и занесение в базу данных удачных реализованных решений, будущих намеченных перспектив с целью систематизации ключевых контактов и защиты организации от “персонифицированности” в работе.

Таким образом, взаимосвязанное применение всех указанных этапов будет способствовать быстрой и четкой разработке, промежуточной коррекции с учетом оценки общественного мнения, эффективной и контролируемой реализации управленческих решений при практическом внедрении на любом уровне управленческой пирамиды в органах государственной и муниципальной власти.

Литература:

- 1 Соколов Н.Н. “Разработка управленческих решений. Введение в курс лекций”. М.: “Спутник+”, 2012.
- 2 Знаменский Д.Ю. Проблемы взаимодействия власти и общества в процессе формирования и реализации государственной научно-технической политики. Вестник университета №4. М.: ГУУ, 2012.
- 3 Потапов С.В. Как принимать решения. М.: Эксмо, 2007.
- 4 Интернет-сайт “Just Consulting”. Тема “Календарное планирование”: <http://www.juco.ru/library/articles/other/scheduling>, 2011.

Д.В. Степанков

ВОПРОСЫ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ РОТАЦИИ КАДРОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ГРАЖДАНСКОЙ СЛУЖБЫ

СТЕПАНКОВ Дмитрий Владимирович – сотрудник войсковой части 95006, аспирант РАНХиГС. E-mail: mobstepankov@mail.ru.

С 1 января 2013 г. вступил в силу Федеральный закон от 06.12.2011 № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе», в соответствии с которым ротация гражданских служащих проводится в целях повышения эффективности гражданской службы и противодействия коррупции путем назначения гражданских служащих на иные должности гражданской службы в том же или другом государственном органе [1]. В целях оказания методической помощи кадровым службам федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих организацию и проведение ротации федеральных государственных гражданских служащих, Министерством труда и социальной защиты РФ разработаны Методические рекомендации от 18.09.2012 «Организация ротации федеральных государственных гражданских служащих в федеральных органах исполнительной власти» [2]. Однако это не снимает многих проблемных вопросов внедрения ротации кадров на государственной службе, требующих дальнейшего исследования и разработки, в том числе в рамках и с позиций современной социологии.

Поскольку ротация кадров на государственной гражданской службе представляет сложный социальный процесс, включающий организационные, социально-экономические, психологические, нормативно-правовые, нравственные и иные аспекты ротации сотрудников органов государственной гражданской службы, мы считаем правомерным ее расширительное толкование, которое выходит за рамки традиционного понимания ротации как последовательной смены профессиональных обязанностей, поочередного пребывания в той или иной должности с целью освоения работником смежных профессий, различных функций, специфики и технологии принятия решений, в том числе управленческих [3, с. 346]. В современной системе государственной гражданской службы ротация сотрудников выступает как приоритетная кадровая технология, позволяющая активно воздействовать на кадровую среду организаций государственной службы с целью ее оптимизации; способствовать развитию и наиболее полному раскрытию профессионального потенциала государственных служащих; совершенствовать сферу внутриорганизационных личностных отношений; обеспечивать рост эффективности гражданской службы и противодействие коррупции в среде госслужащих. Подобное расширительное толкование ротации кадров предполагает ее углубленное системное исследование в единстве всех указанных элементов, включая анализ существующих социальных барьеров внедрения ротации в органах государственной гражданской службы, а также развитие социального механизма ротации кадров государственной гражданской службы.

По нашему мнению, в связи со сложностью и многоплановостью процесса ротации кадров, социологическое исследование современных проблем ротации в системе кадровых технологий в органах государственной службы должно базироваться на междисциплинарном подходе с использованием общенаучных принципов познания социальной реальности, таких, как принципы историзма, анализа и синтеза, диалектики и

формальной логики, объективности, системности, целостности. Междисциплинарный подход предполагает применение концептуальных положений и базовых выводов не только социологии, но и теории государственной гражданской службы, экономики, общего, стратегического и кадрового менеджмента, теории человеческого капитала, профессиологии, социальной психологии, психологии профессиональной деятельности. Такое комплексное использование научного знания из различных областей при исследовании социологических вопросов осуществления ротации кадров государственной службы превращает данный подход, по сути, в мультidisциплинарный, позволяющий проводить панорамное полноформатное изучение обозначенных вопросов.

Безусловно, базовым методом исследования является системный подход, который в силу своей универсальности и методологических особенностей целесообразен и эффективен во всех случаях, относящихся к исследованию социально-экономических систем. Он позволяет раскрыть целостность объекта в единстве обеспечивающих его элементов и механизмов, выявить разнообразные типы связей внутри сложного объекта и динамику их функционирования. В рамках системного подхода (с учетом его дальнейшего развития в формах факторного, структурно-функционального, институционального, синергетического анализа и т.д.) исследование ротации кадров предполагает ее рассмотрение как системы элементов, каждый из которых выполняет свою функцию во взаимосвязи с другими элементами системы, а сама система является элементом системы более высокого порядка. Так, системно-синергетический подход к исследованию ротации кадров гражданской службы позволяет учесть преимущественно нелинейный характер развития современных социально-экономических и общественно-политических процессов, увеличивающуюся роль вероятностных, случайных факторов, и при этом одновременно обеспечить представление сложного механизма ротации кадров при помощи иерархии более простых моделей отдельных процедур и этапов ее осуществления.

Рассмотрение ротации в качестве одной из кадровых технологий, обеспечивающих эффективное управление персоналом организаций государственной службы, обуславливает необходимость использования концептуальных положений современной теории человеческого капитала, включая компетентностный подход. Личностные и профессиональные качества государственного служащего, его специальные знания, навыки и умения, а также готовность к эффективной деятельности и профессиональному развитию в органах государственной службы определяют не только уровень его профессиональной компетентности, но и эффективность функционирования государственной службы в целом. Это представляется особенно важным с учетом того, что государственные гражданские служащие составляют довольно значительную часть трудовых ресурсов общества: на начало 2012 г. общая численность работников органов государственной власти и местного самоуправления в России составила 1603,7 тыс. чел. [6, с. 60].

Помимо рассмотренных можно также отметить процессный, институциональный, деятельностный подходы, методы визуальной социологии [7, с. 6] и другие методики, которые позволят более детально исследовать ротацию кадров государственной службы как социологический феномен. Следует отметить также необходимость критического изучения опыта осуществления ротации кадров в органах государственной службы с учетом специфики отдельных видов госслужбы.

На наш взгляд, применение всех указанных выше подходов в качестве методологической базы исследования ротации кадров государственной гражданской

службы не вызовет проблемы эмуляции, поскольку каждый из них не противоречит другим, а дополняет остальные методы. Подтверждением справедливости данного вывода служат объективные процессы развития современной социологической теории, которые отражают постоянно усложняющуюся социокультурную динамику общества и осуществляются на основе динамичного взаимодействия различных теоретико-методологических подходов, характеризуются интегральным использованием социологического инструментария разных метапарадигм, социальных, гуманитарных и естественных наук, у которых заимствуются отдельные термины и концепции, наполняющиеся в дальнейшем собственно социологическим содержанием [4; 5].

Литература:

- 1 Федеральный закон Российской Федерации от 6 декабря 2011 г. № 395-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с введением ротации на государственной гражданской службе» (Принят Государственной Думой 23 ноября 2011 г.; Одобрен Советом Федерации 29 ноября 2011 г.) // Российская газета. 2011, 9 декабря. Федеральный выпуск № 5654.
- 2 Методические рекомендации Министерства труда и социальной защиты РФ от 18 сентября 2012 г. «Организация ротации федеральных государственных гражданских служащих в федеральных органах исполнительной власти» // Официальные материалы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации [сайт]. URL: <http://www.rosmintrud.ru/docs/mintrud/employment/1>
- 3 Журавлев П.В. Персонал. Словарь понятий и определений / П.В. Журавлев, С.А. Карташов, Н.К. Маусов, Ю.Г. Одегов. М.: Экзамен, 2000.
- 4 Кравченко С.А. Социология в движении к взаимодействию теоретико-методологических подходов // Социологические исследования. 2011. № 1.
- 5 Кравченко С.А. Динамика социологического мышления и воображения // Социологические исследования. 2009. № 8.
- 6 Россия в цифрах. 2012: Крат. стат. сб. / Росстат. М., 2012.
- 7 Штомпка П. В фокусе внимания повседневная жизнь. Новый поворот в социологии // Социологические исследования. 2009. № 8.

Н.С. Субочев

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ СЛУЖАЩИЕ КАК РЕСПОНДЕНТЫ

СУБОЧЕВ Николай Сергеевич — доктор социологических наук, профессор Волгоградского филиала РАНХиГС. E-mail: subnikser@mail.ru

Социологические исследования государственных служащих являются важным источником информации о состоянии, проблемах и способах модернизации государственного аппарата. Познавательная ценность и прикладная значимость таких исследований в современной России возрастает в условиях законодательного ограничения прав государственных служащих на публичные высказывания о деятельности государственных органов и должностных лиц. Вследствие этого опросы государственных служащих становятся для них едва ли не единственной возможностью высказать свои мнения по данной проблематике.

Другое обстоятельство, актуализирующее социологические исследования государственной службы, заключается в сложившихся практиках разработки нормативно-правовых актов, регламентирующих служебную деятельность. Не будет преувеличением сказать, что опытные профессионалы, квалифицированные специалисты, знающие госслужбу изнутри, фактически отстранены от участия в разработке таких документов, что резко снижает их качество и результативность. Здесь кроется одна из причин малой степени реализуемости такого рода документов.

В сложившихся условиях возрастает ответственность социологов и других исследователей за достоверность и валидность эмпирической информации, полноту теоретических обобщений и результативность практических рекомендаций. Исходя из опыта многолетних исследований в этой области, следует подчеркнуть особую значимость установления доверия на этапе сбора информации. Государственных служащих с полным правом можно отнести к категории труднодоступных респондентов, поскольку и без того низкая степень их реальной защищенности от произвола руководителей за последние годы не повысилась. Снижению уровня тревожности респондентов способствует использование гнездовой выборки, которая позволяет опросить одновременно в общем помещении присутствующих служащих. Тем самым снимается ореол исключительности происходящего, а очевидное и внимательное отношение коллег к опросу укрепляет чувство солидарности респондентов и уверенность в безопасности.

Метод гнездовой выборки особенно эффективен в исследованиях организационной культуры государственной службы. Здесь открывается возможность не только получить информацию о состоянии сложившейся культуры государственного органа в целом, но и субкультур его структурных подразделений.[1]

Весьма благоприятные возможности для исследований предоставляются также во время обучения чиновников по программам дополнительного образования. В образовательных учреждениях возможно создать обстановку непринужденного и свободного обсуждения актуальных проблем и вовлечь слушателей в исследовательскую ситуацию. Однако и здесь проверка анонимных анкет нередко показывает стремление более или менее значительного количества респондентов уклониться от острых вопросов и/или от заполнения тех пунктов паспортной анкеты, по которым можно идентифицировать респондентов, что само по себе является недопустимым нарушением профессиональной

этики социолога. Тем не менее во избежание подобных подозрений целесообразно в паспортчике указывать, к примеру, не возраст, а возрастную когорту, не должность, а должностную группу.

Литература:

- 1 Субочев Н.С. Организационная культура гражданской службы и социальное развитие региона: социологическое исследование: монография. — Волгоград: Изд-во ФГОУ ВПО ВАГС, 2006.— 260 с.

Е.П. Тавокин

СОЦИОЛОГИЯ И ВЛАСТЬ: ВМЕСТЕ ИЛИ ПОРОЗНЬ?

ТАВОКИН Евгений Петрович — доктор социологических наук, профессор кафедры государственной службы и кадровой политики Института государственной службы и управления персоналом РАНХиГС. E-mail: tavokin@mail.ru

Цель (смысл, императив) любого социального организма — развитие в соответствии со своей природой, своими ценностями на основе собственного целеполагания. Это означает, что развитие и нормальное функционирование социальных систем любого уровня возможны только на основе наличия у них высококачественного информационно-энергетического потенциала, позволяющего обеспечивать динамический баланс взаимодействия самой системы и ее компонентов с внешней средой. Важнейшим звеном этого потенциала является информация обратной связи.

Обратная связь относится к числу фундаментальных принципов управления. Она представляет информационный канал связи направленный от выхода к входу системы управления. Ее сущность заключается в обеспечении обратного воздействия результатов процесса управления на характер его протекания на основе сравнения значений характеристик реального состояния системы управления с целевыми значениями этих же характеристик. Обратная связь, таким образом, позволяет контролировать и учитывать действительное состояние системы управления и вносить (в случае необходимости) соответствующие корректировки в принятую стратегию управления.

В системах социального управления чрезвычайно важную роль в структуре информационного обеспечения органов власти играет информация, полученная средствами социологии.

Социология как самостоятельная наука изначально разрабатывалась в качестве альтернативы уже существовавшим наукам об обществе. Ее основатель, О. Конт, главную особенность социологии видел в том, что она должна давать достоверное знание о реальности, а не об умозрительных конструкциях. Только так, как он полагал, можно обеспечить возможность социального прогресса, освободив общественное сознание от наслоений модных доктрин и метафизических фантазий. В настоящее время, когда на ход социальных процессов одновременно оказывает влияние множество противоречивых и не всегда осознаваемых факторов, потребность в социологии, благодаря этой замечательной особенности, не только не ослабла, но многократно усилилась. Насколько же способна отечественная социология реализовывать свой научный потенциал и арсенал своих возможностей в качестве поставщика оперативной и достоверной информации для органов власти?

Состояние отечественной социологии во многом определяется той ситуацией, которая сложилась в российской науке в результате неустанно проводимых «реформ» и интенсивной «модернизации». О поистине эпохальных «достижениях» на этом нелегком пути свидетельствует такой факт: в среднем по числу цитируемости в расчете на одну статью российская наука занимает 120-е место среди 145 стран. Российские статьи цитируют в среднем в 1,6 раз реже, чем, к примеру, греческие. При этом за время «реформ» удалось почти полностью избавиться от возможности проведения фундаментальных исследований практически во всех направлениях науки и сохранить около четверти прежней численности

научных кадров. Кроме того, созданы поразительные по своей эффективности механизмы оттока из науки молодых перспективных ученых либо в другие сферы, либо в «цивилизованные» страны. В настоящее время вклад России в мировую науку сократился примерно в 20 раз и составляет не более 3.0%.

Социология не осталась в стороне от этого «бурного» процесса. Фундаментальные социологические исследования общероссийского уровня стали уделом небольшого числа сохранившихся академических институтов и вошли в разряд экзотических диковинок: они проводятся все реже и реже усилиями энтузиастов старой школы и, по всей видимости, разделят их физиологическую судьбу. Предметная палитра тематики конкретных прикладных исследований радикально сократилась и сосредоточилась в узком диапазоне электоральных зондажей, политических «сенсаций» и мониторинга общественного мнения. Не сделано сколько-нибудь значимых открытий, позволяющих выявить глубинные факторы тех катастрофических и противоречивых процессов, которые преобладают в современной России, обосновать оптимальные сценарии преодоления создавшейся ситуации. В разработке методических средств также не произошло заметных изменений (я не рассматриваю проникновение компьютерных технологий в ее арсенал, так как это общесистемный процесс), и многие проблемы их развития остаются за пределами внимания социологов (например, разработка специализированного математического аппарата анализа эмпирических данных).

Несмотря на эти чувствительные потери, сохранившийся потенциал социологической науки продолжает функционировать на высоком уровне, а соответствующие институты успешно решают объективно стоящие перед ними задачи. Достаточно упомянуть ежегодные глубокие и обширные по охвату проблем доклады Института социально-политических исследований РАН, чрезвычайно интересные, выполненные на высоком профессиональном уровне исследования разнообразных проблем и сторон жизни населения современной России, которые проводит Институт социологии РАН. Весьма плодотворно, с применением новейших технологий изучают социальные процессы, в особенности — динамику массового сознания населения России такие научные исследовательские организации как Левада-Центр, Фонд «Общественное мнение», «Vox populi», «Romir» и другие. Многие исследования проводятся непосредственно по заказу высших органов власти. Результаты исследований публикуются оперативно и широко доступны. Таким образом, социология в полную меру имеющихся возможностей управленческую функцию обратной связи выполняет достаточно результативно, и у властных структур нет никаких оснований жаловаться на недостаток информации о том, как воспринимает население плоды их непосильного труда.

В частности, из материалов Фонда «Общественное мнение» (январь 2013 г.) можно узнать, что 60% граждан России приходилось слышать критические суждения и высказывания в адрес российских властей, что у 45% из них действия властей за последний месяц вызывают недовольство, что у такого же количества людей преобладает тревожное настроение, а 30% полагают, что в ближайшие месяц-два могут быть массовые митинги и другие акции протеста, в которых главными проблемами будут высокие тарифы ЖКХ, низкие зарплаты и пенсии, высокие цены, безработица и др. Левада-Центр информирует о том, что с 1998 г. больше половины (51–58%) населения РФ считает плановую экономическую систему более правильной, чем основанная на частной собственности и рыночных отношениях. На 13 января 2013 года это соотношение было 51% и 29% соответственно. Аналогичная картина фиксируется и в отношении политической

системы. В разные периоды от 30 до 48% населения склонялось в пользу советской плановой системы. Нынешняя система пользуется поддержкой 10–25% населения. На 13 января 2013 г. это соотношение выглядело 36 и 17% соответственно.

Социологи достаточно отчетливо информируют органы власти, что нынешняя система политического и экономического устройства России не пользуется поддержкой большинства населения. Люди понимают, что рыночное либерально-монетаристское общество способно только к саморазрушению и уничтожению основы основ любого общества — человеческого капитала, что именно вследствие неуклонно проводимого властными структурами курса страна потеряла политическую, продовольственную, экономическую, культурную, военную независимость, что страна фактически находится на положении колонии. Однако прозрачная ясность социологических данных никак не отражается на действиях органов власти. Гражданам России продолжают морочить головы рыночной ересью о «чудотворной» силе либеральных, саморегулирующихся рынков, преимуществах малого и мельчайшего бизнеса, пагубности государственного регулирования экономики и т. п. бредом. Их нисколько не смущает, что мир давно ушел не только от «неконтролируемого рынка», но даже от капитализма как такового. Развитые и даже «не очень развитые» страны мира уже немалое время существуют в режиме, который именуется «посткапиталистическим». В странах Западной Европы и США, на опыт которых любят ссылаться «независимые» «эксперты», в собственности государства находится от 32 до 60% национального достояния и эта доля продолжает расти. В юрисдикции государства РФ — менее 10%!

Возникает вопрос о цели того курса, который неуклонно реализуется в РФ. Однако власти упорно скрывают от своих же граждан, что же такое они собираются построить в стране победившей «демократии». Ни в Конституции, ни в законах, ни в так называемых «национальных проектах» эта цель не обозначена. Туманно говорится о том, что страна переживает «переходный период» без указания «пункта назначения». Однако если судить по результатам, то можно вполне обоснованно предположить, что Россию собираются «модернизировать» до состояния Нигерии и построить на ее просторах зимбабвийский капитализм, т.е. систему, которая в окружающем мире уже умерла. Этим, по-видимому, и объясняется равнодушие органов власти к данным социологии: для достижения такой цели они просто ни к чему.

Таким образом, вопрос об использовании материалов социологии властными структурами в своей деятельности приобретает стратегический смысл, а ответ на него предопределяет направление дальнейшего движения страны. Реально для России имеются лишь две альтернативы: 1) усиление управляющей роли государства, декриминализация общества, изменение положения в мировом разделении труда в качестве сырьевого придатка Запада; 2) распад страны, оформление колониально-оккупационного криминально-полицейского строя и окончательная «модернизация» в виде сползания в «четвертый мир». Выбор первой альтернативы означает, что социология войдет в управленческий арсенал органов власти. Для реализации второй альтернативы социология не требуется.

Итак: вместе или порознь? Быть или не быть? Вот в чем вопрос!

О.Ю. Юрьева

КОМПЕТЕНТНОСТНЫЙ ПОДХОД К ПОДГОТОВКЕ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ГРАЖДАНСКИХ СЛУЖАЩИХ В РЕСПУБЛИКЕ ТАТАРСТАН

ЮРЬЕВА Ольга Юрьевна – аспирантка Казанского национального исследовательского технологического университета, преподаватель Научно-исследовательского центра оценки и развития управленческих компетенций «АБАДА». E-mail: jurjeva.olya@gmail.com

Государственная гражданская служба — это прежде всего профессиональная деятельность, под которой понимается деятельность на основе специальных знаний и навыков. Гражданская служба как вид профессиональной деятельности означает непрерывное преемственное и компетентное обеспечение полномочий государственных органов лицами, находящимися на государственных должностях, т.е. гражданскими служащими [1, с. 78–83].

Сегодня достаточно много внимания уделяется качествам, которыми должен обладать современный государственный гражданский служащий. Однако при анализе существующих точек зрения обращает внимание статический, порой упрощенческий подход к выбору и группировке качеств. Нередко отсутствует достаточное и убедительное методологическое обоснование.

Компетентностный подход представляет попытку целостно описать требования к специалисту. Он не отменяет формирование знаний и умений, его также нельзя рассматривать как отменяющий квалификационные требования, которые становятся основой для компетенций.

В целях дальнейшего совершенствования системы государственного управления согласно Указу Президента Российской Федерации В. Путина перед правительством поставлена задача внедрения новых принципов кадровой политики в системе государственной гражданской службы, предусматривающей формирование перечня квалификационных требований для замещения должностей государственной гражданской службы на основе компетентностного подхода — в зависимости от конкретных должностных обязанностей и функций, а также от принадлежности к определенным профессиональным группам.[5]

Специфика профессиональной компетенции должностного лица сферы государственного управления обусловлена высокой сложностью, социальной и профессиональной значимостью. Основу компетенции профессионала сферы государственного управления составляет правосознание, ценностные установки, ориентации, его профессиональная позиция в социальной среде, признанные правила поведения, а не описание единичного факта и не формула позитивного закона, говорящего о том порядке, который осуществляется в действительности.

Компетенция выступает одновременно как характеристика профессиональной деятельности и как нравственная категория — ответственность, которая корректирует процесс профессионального роста специалиста. Это значит, что компетентный специалист — это человек «призванный по профессии» и «признанный по результатам» своего труда (самим собой и другими субъектами) и готовый отвечать за результаты своего труда, т.е. брать на себя ответственность за сделанное. Проявляя свою профессиональную

компетентность, государственный служащий показывает свою профессиональную пригодность и соответствие общественным требованиям и нормам права.

Профессионализм в любой сфере деятельности в целом и в системе государственного управления в частности, не может быть статичным, раз и навсегда установленным состоянием. Требования к современному государственному управлению нацелены на повышение профессионализма служащих данной сферы. Профессиональная компетенция служащих сферы государственного управления должна приобрести стратегический характер быть рассчитанной на перспективу

Исключительную важность получила в последние годы проблема критериев и методов оценки и измерения уровня профессиональной компетенции. Большое признание получил метод, получивший название «модель компетенции», позволивший свести многие методы в единый тщательно взвешенный подход.

Мы полагаем, что при создании модели профессионала государственной гражданской службы необходимо отразить:

- особенности предметной сферы деятельности государственной службы в структуре профессионального разделения общественного труда и специальные требования к соответствующим знаниям;
- опыт и психофизиологические качества личности;
- требуемый тип социально-профессиональной направленности личности, т.е. факторы примечательности для личности данной сферы деятельности с учетом ее склонностей и способностей;
- тип смысло-жизненного целеполагания личности, т.е. на какие жизненные социально-статусные достижения ориентирована личность в данной сфере профессиональной деятельности.

В федеральном государственном образовательном стандарте высшего профессионального образования по направлению подготовки «Государственное и муниципальное управление»[4] перечислены подробные требования к освоению программ включающие две группы компетенций: общекультурные и профессиональные. Так общекультурные компетенции включают знания базовых ценностей мировой культуры и профессиональной этики; способность и готовность к личностному и профессиональному самосовершенствованию и саморазвитию; умения использовать методы и средства познания, а также новые образовательные технологии; переоценивать накопленный опыт и критически анализировать свои возможности.

Еще более важны профессиональные компетенции, включающие организационно – управленческую, информационно-методическую, коммуникативную, проектную и др. виды деятельности. По каждому виду деятельности в Госстандарте подробно расписаны конкретные профессиональные знания и умения, которыми должен обладать государственный и муниципальный служащий.

Реализация компетентного подхода требует как пересмотра используемых образовательных технологий, так и разработку новых. Поскольку акцент делается на развитии способностей и овладении навыками в соответствии с той или иной компетенцией – общекультурной, профессиональной или специальной (профильной), в

качестве адекватных образовательных технологий видятся те, которые реализуются в рамках деятельностной парадигмы обучения.

Одной из таких образовательных технологий является тренинговое обучение. Основное его направление заключается в интерактивном процессе обучения, возможности развития способностей, реализации личностного, профессионального и творческого потенциала обучаемых. Особенность тренинговых технологий заключается в организации таких форм взаимодействия преподавателя и обучающегося, которые способствуют приобретению новых знаний и новых навыков. Приобретенные компетенции позволяют впоследствии моделировать рабочие ситуации, применять изучаемые инструменты на практике, возможность посмотреть на себя со стороны, увидеть свои ошибки.

Волго-Вятская академия государственной службы на протяжении нескольких лет проводит мониторинг профессиональной среды в органах государственного и муниципального управления. В апреле-мае 2010 г. в рамках проекта «Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России», реализуемого под руководством доктора социологических наук, профессора В.А. Мальцева в рамках федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009–2013 гг., были проведены исследования среди государственных гражданских служащих (Республик Мэрий Эл, Мордовии, Чувашии, а также Нижегородской и Кировской областей; n=667) [3].

Данные проведенного исследования показали, что профессиональные навыки и знания государственных служащих на сегодняшний день не соответствуют ожиданиям потребителей: более половины респондентов (57%) высказывают потребность в совершенствовании принятия управленческих решений, в расширении инновационной составляющей деятельности [2. с. 41].

Мы согласны с мнением Т.Н. Ключковой, что «выработка таких умений, как разработка программ совершенствования деятельности, требующих от автора умственных и творческих способностей, должно достигаться при помощи регулярных, интеллектуальных тренингов, комплексом специальных упражнений для тренировки внимания, памяти, навыков, динамического чтения и логики рационального мышления» [2. с. 43].

По результатам же исследования наиболее предпочтительными формами прохождения занятий по программам повышения квалификации или переподготовки, по мнению респондентов, остаются лекции, тематические дискуссии, стажировки и т.д. Государственные служащие предпочитают привычные неактивные формы обучения (аудиторные лекционные и практические занятия), которые вызывают у слушателей меньшее напряжение и формируют пассивную позицию, отсутствие инициативы и принятия ответственности [3].

Исследование выявило, что настала необходимость включения в образовательный процесс государственных гражданских служащих инновационных методов и технологий обучения, которые бы стимулировали активность, развивали эффективные управленческие навыки.

В Республике Татарстан командой талантливых молодых ученых в 2011 г. был создан Научно-исследовательский центр (НИЦ) развития управленческих компетенций «АБАДА». Основной задачей центра является научная разработка и реализация обучающих и развивающих программ, направленных на совершенствование профессиональных и управленческих компетенций государственных служащих.

Центром разработан и реализуется целый комплекс тренинговых программ по развитию аналитических навыков, управления эффективностью, лидерства, управленческой ответственности, коммуникативных навыков, инновационности и др.

За сравнительно короткий срок работы научно-исследовательского центра уже приняли участие в освоении тренинговых программ, направленных на развитие управленческих компетенций 4227 государственных и муниципальных служащих Республики Татарстан и иных республик, а также 112 слушателей включенных в федеральный и региональный кадровый резерв.

По результатам освоения тренинговой программы каждый участник должен:

- владеть навыками самопрезентации, публичного выступления и убеждения;
- обладать различными стилями и методами руководства, использовать и активно применять различные стили руководства;
- обладать навыками самоорганизации и самоконтроля;
- оперативно принимать управленческие решения и нести за них ответственность;
- владеть методиками принятия управленческих решений;
- эффективно распределять рабочую нагрузку, владеть навыками самоменеджмента.

В заключении необходимо отметить: хотя упор сейчас делается на освоение инновационных технологий обучения, тем не менее, на данном этапе только сочетание традиционных и нетрадиционных методов и их разумное использование позволяют осуществлять основные задачи обучения, к которым, можно отнести, наряду с подготовкой к профессиональной деятельности развитие личности и воспитания государственных служащих.

Литература:

- 1 Казаченко О.В. Конфликт интересов на государственной гражданской службе // Российское право. 2006. №3. С. 78–83.
- 2 Клочкова Т.Н. Преодоление функциональной неграмотности как основное условие эффективности профессиональной деятельности государственных и муниципальных служащих// Власть. 2011. № 8. С. 41.
- 3 Научно-технический отчет о выполнении 2-го этапа государственного контракта № П2331, от 16.11.2009 на выполнение поисковых научно-исследовательских работ для государственных нужд//Развитие инновационной системы непрерывного профессионального образования государственных и муниципальных служащих России»: отчет о НИР/ВВАГС; рук. В.А. Мальцев; исполн. Т.Н. Клочкова и др. — Н.Новгород, 2010.
- 4 Приказ Минобрнауки России Зарегистрирован в Минюст России от 31.03.2011 N 20353 17.01.2011 N 41.
- 5 Указ Президента Российской Федерации 7 мая 2012 г. N 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления».